

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*120 лет
со дня рождения
М. А. Шолохова*

2025 / № 3

ISSN 2949-5016 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2025 / № 3

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Тирадо Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2025. — № 3. — 122 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2025. – No. 3. – 122 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера. 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алтабаева Е. В.* Аксиология желаний в системе ценностей русского человека (по роману М. А. Шолохова «Они сражались за Родину»). 8
- Герасименко Н. А.* Звуки мира и войны в главах из романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 18
- Давыдова О. А.* Фразеологизмы в структуре конкорданса рассказа М. А. Шолохова «Нахалёнок». 26
- Дворенкова А. В., Шаталова О. В.* Синтагматический потенциал «казацкой улыбки» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». 38
- Малинская Т. В.* Темпоралема как неизосемический экспликатив времени в рассказе М. А. Шолохова «Пастух». 47
- Степанчиков М. А.* Конструкции с семантикой отождествления в прозе М. А. Шолохова. 57

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Андреева В. Г.* Образ усадьбы и усадебной жизни в «Тихом Доне» М. А. Шолохова: новаторство и рецепция наследия Л. Н. Толстого. 64
- Васильев С. А.* Шолоховская тема на страницах журнала «Звезда» в контексте литературно-критического процесса 1920-х – начала 1940-х гг. 76
- Гридина Т. А., Коновалова Н. И.* Мотив волка в ранних рассказах М. А. Шолохова: фольклорные традиции и авторское миромоделирование. 88
- Желтова Н. Ю.* Русский национальный концепт «тоска» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон». 97

РЕЦЕНЗИИ

- Цветкова Н. В., Питолина Н. В.* Современные исследователи о творчестве А. С. Пушкина. Обзор материалов юбилейной рубрики Вестника Костромского государственного университета (2024. Т. 30. № 3). 110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 21 апреля 2025 г. Льву Феодосьевичу Копосову исполнилось 85 лет! 119

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue.	6
--	---

LINGUISTIC STUDIES

<i>E. Altabaeva.</i> Axiology of Desires in the System of Values of a Russian Person (Based on the Novel by M. A. Sholokhov "They Fought for Their Homeland")	8
<i>N. Gerasimenko.</i> The Sounds of Peace and War in Chapters from M. A. Sholokhov's Novel "They Fought For The Motherland".	18
<i>O. Davydova.</i> Phraseological Units in the Structure of the Concordance of M. A. Sholokhov's Story "The Naughty Boy"	26
<i>A. Dvorenkova, O. Shatalova.</i> The Syntagmatic Potential of the "Cossack Smile" in M. A. Sholokhov's Novel "And Quiet Flows the Don"	38
<i>T. Malinskaya.</i> The Temporaleme as an Explicator of Non-Isosemic Time in M. A. Sholokhov's Short Story "The Shepherd"	47
<i>M. Stepanchikov.</i> Constructions with the Semantics of Identification in the Prose of M. A. Sholokhov.	57

LITERARY STUDIES

<i>V. Andreeva.</i> The Image of the Estate and Estate Life in M. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don": Innovation and Reception of L. Tolstoy's Heritage	64
<i>S. Vasilyev.</i> Sholokhov's Theme on the Pages of the magazine "Zvezda" in the Context of the Literary-Critical Process of the 1920s – early 1940s	76
<i>T. Gridina, N. Konovalova.</i> The Wolf Motif in the Early Stories of M. A. Sholokhov: Folklore Traditions and the Author's Model of the World	88
<i>N. Zheltova.</i> Russian National Concept of "Longing" in the Epic Novel by M. Sholokhov "And Quiet Flows The Don"	97

REVIEWS

<i>N. Tsvetkova, N. Pitolina.</i> Modern Researchers on the Work of A. S. Pushkin. Review of Materials of the Anniversary Section of the Bulletin of Kostroma State University (2024. Vol. 30. № 3).	110
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

On 21 April, 2025 Lev Feodosievich Kopusov Turned 85!	119
---	-----

120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. ШОЛОХОВА

24 мая исполнилось 120 лет со дня рождения Михаила Александровича Шолохова, советского писателя, занявшего значимое место в русской и мировой литературе XX века, лауреата Нобелевской премии по литературе, общественного деятеля, дважды Героя Социалистического Труда, академика АН СССР. Его замечательные произведения: «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», «Они сражались за Родину», «Донские рассказы» и другие – изданы общим тиражом свыше 100 миллионов экземпляров на 90 языках мира.

Юбилей писателя служит отличным поводом вновь обратиться к его многогранным текстам – от коротких зарисовок до эпических произведений, в которых с документальной точностью воссозданы испытавшие бездну страданий мужественные и стойкие русские люди, постичь художественную силу и цельность шолоховского таланта.

Юбилейный номер объединил в разделе «Языкознание» статьи, в которых изучена аксиологическая направленность средств представления желаний личности на материале текста романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину»; проанализирована структура, семантика и прагматика показателей времени в рассказе М. А. Шолохова «Пастух»; уточнены фразеологизмы, отражённые в словарях языка писателя, и показано единство стиля М. А. Шолохова как автора «Донских рассказов» и романов; представлены оценочные характеристики «казачьей улыбки»; выявлен функциональный потенциал бисубстантивных предложений с семантикой отождествления в текстах М. А. Шолохова; доказано, что перцептивная лексика со значением 'звука' является одним из важнейших языковых средств в идиостиле М. А. Шолохова.

В статьях учёных-литературоведов представлена рецепция М. А. Шолоховым наследия Л. Н. Толстого и осмысление новаторства советского писателя в изображении образа усадьбы и усадебного топоса в эпопее «Тихий Дон»; дана историко-культурная и литературоведческая характеристика посвящённых творчеству художника публикаций журнала «Звезда» конца 1920-х – начала 1940-х гг.; исследован символический мотив волка как основа создания художественной модели мира в ранних рассказах автора; описан русский концепт «Тоска», ставший важнейшей доминантой авторского осмысления человеческих трагедий в великом романе «Тихий Дон».

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

Научная статья

УДК 821.161.1.09»19»

DOI 10.18384/2949-5008-2025-3-8-17

АКСИОЛОГИЯ ЖЕЛАНИЙ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА (ПО РОМАНУ М. А. ШОЛОХОВА «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ»)

Алтабаева Е. В.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Московский университет имени А. С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: evaltabayeva@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2025

Принята к публикации 15.04.2025

Аннотация

Цель. Рассмотрение аксиологической направленности средств представления желаний в контексте ценностной иерархии личности на материале текста романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину».

Процедура и методы. Предметом исследования в статье выступают ценностные характеристики репрезентационной системы концепта ЖЕЛАНИЕ и языковых единиц с одноименной семантикой в речи автора и в репликах персонажей вышеназванного произведения. Выявляются и анализируются разноуровневые языковые средства, грамматические и лексико-синтаксические, демонстрирующие аксиологический потенциал концепта и работающие на создание художественного образа. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и дискурсивный анализ.

Результаты. Представлен в новом ракурсе значимый фрагмент индивидуально-авторской концептосферы М. А. Шолохова, отражающий ценностные установки личности, определена аксиологическая составляющая концепта ЖЕЛАНИЕ, установлена роль предложений, содержащих разноуровневые вербализаторы данного концепта, воплощающие систему ценностей героев романа – русских солдат, систематизированы средства категории оптативности, с помощью которых реализуется механизм создания художественного образа в идиостиле М. А. Шолохова.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют выделить на оригинальном текстовом материале, ранее не подвергавшемся подобному анализу, лингвоаксиологическую составляющую средств выражения желаний личности, обозначить их ценностный потенциал, расширяют и дополняют представление о возможностях языка и стиля М. А. Шолохова.

Ключевые слова: концепт ЖЕЛАНИЕ, концептосфера, лингвоаксиология, оптативные предложения, М. А. Шолохов, шолоховедение

Для цитирования:

Алтабаева Е. В. Аксиология желаний в системе ценностей русского человека (по роману М. А. Шолохова «Они сражались за Родину») // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 8–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-8-17>.

Original research article

AXIOLOGY OF DESIRES IN THE SYSTEM OF VALUES OF A RUSSIAN PERSON (BASED ON THE NOVEL BY M. A. SHOLOKHOV "THEY FOUGHT FOR THEIR HOMELAND")

E. Altabaeva

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation

e-mail: evaltabayeva@mail.ru

Received by the editorial office 03.04.2025

Accepted for publication 15.04.2025

Abstract

Aim. To consider the axiological orientation of the means of representing desires in the context of the value hierarchy of the individual based on the text of the novel by M. A. Sholokhov "They Fought for their Homeland".

Methodology. The subject of the study in the article is the value characteristics of the representational system of the concept DESIRE and linguistic units with the semantics of the same name in the author's speech and in the lines of the characters of the above-mentioned work. There are identified and analyzed multilevel language means, grammatical and lexical-syntactic, demonstrating the axiological potential of the concept and working to create an artistic image. During the research there were used methods of observation, generalization, interpretation of results and discourse analysis.

Results. A significant fragment of the individual-author's conceptual sphere of M. A. Sholokhov, reflecting the value attitudes of the individual, is presented from a new perspective, it is determined the axiological component of the concept DESIRE, it is established the role of sentences containing multilevel verbalizers of this concept, embodying the value system of the novel's heroes – Russian soldiers, there are systematized the means of the category of optativity, with the help of which the mechanism of creating an artistic image in the idiostyle of M. A. Sholokhov is realized.

Research implications. The results of the research make it possible to identify the linguaxiological component of the means of expressing the desires of an individual on the original text material, which has not previously been subjected to such an analysis, to designate their value potential, and expand and supplement the idea of the possibilities of the language and style of M. A. Sholokhov.

Keywords: M. A. Sholokhov, Sholokhov studies, linguaxiology, concept sphere, concept DESIRE, optative sentences

For citation:

Altabaeva, E. V. (2025). Axiology of Desires in the System of Values of a Russian Person (Based on the Novel by M. A. Sholokhov "They Fought for Their Homeland"). In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 8–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-8-17>.

Введение

Май 2025 г. отмечен двумя особыми датами, связанными между собой неразрывной, глубинной связью: 80-летием со дня Великой Победы, подарившей мир и свободу народам Европы, и 120-летием со дня рождения М. А. Шолохова, бесспорным приоритетом для которого всег-

да было изображение человека в острые, переломные периоды жизни страны и общества. В романе «Они сражались за Родину» главный герой – это человек на войне, вырванный из своего родного донского хронотопа, человек простой, миролюбивый, дружелюбный, подчас даже наивный. Находясь как бы в тени двух

романов-гигантов нобелевского лауреата («Тихий Дон» и «Поднятая целина») и будучи к тому же незавершённым, это произведение традиционно оставалось менее изученным¹, особенно с лингвистических позиций. Между тем оно занимает достойнейшее место в творческом наследии писателя ещё и потому, что поднимает проблему национально-культурных и духовных ценностей, приобретающую первостепенную значимость в современных условиях. Интерпретация текстов М. А. Шолохова в ценностном аспекте становится принципиально актуальной задачей современного шолоховедения и всей филологической науки в целом, в том числе и в связи с актуализацией интереса к сравнительно новой научной сфере – лингвоаксиологии [1, с. 7–11]. Ранее в таком ракурсе рассмотрение данной проблемы не проводилось, и в работе предпринимается попытка осмысления репрезентационной системы концепта ЖЕЛАНИЕ в тексте романа «Они сражались за Родину» как языкового отражения ценностных установок и характеристик личности шолоховского героя.

Актуальность настоящей работы обусловлена также необходимостью изучения особенностей индивидуально-авторской концептосферы произведений писателя в лингвокогнитивном аспекте. Следует отметить, что язык романа, в частности его синтаксис, как предмет научного исследования сегодня остаётся недостаточно изученной областью шолоховедения, представленного, тем не менее, значительным количеством лингвистических работ. В первую очередь, следует отметить «Словарь языка Михаила Шолохова», изданный под редакцией Е. И. Дибровой², «Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова» А. И. Васильева³, также можно назвать работы (статьи, монографические и диссер-

тационные исследования) С. Е. Балашовой [2], А. В. Ваганова, [3] Г. Ф. Гавриловой [4, с. 58–67], М. Н. Крыловой [5, с. 166–169], И. В. Камагиной [6, с. 166–169], Е. С. Ольховской [7], Е. А. Рыбальченко [8] и др. Не вдаваясь в подробную характеристику названных научных трудов, заметим, что они обращаются к самым разным аспектам языкового своеобразия писателя. Нас же будет интересовать реализация в шолоховском тексте семантики и прагматики оценки, заключённой в оптативных предложениях как основных репрезентантах концепта ЖЕЛАНИЕ, сочетающих в себе знания и представления человека (истинные или ложные) об окружающем мире, с одной стороны, и субъективное мнение говорящей личности как субъекта (или участника акта коммуникации), – с другой.

Проблема оптативного предложения и его аксиологического потенциала является одной из весьма значимых в современном русском синтаксисе. Коммуникативно-прагматические возможности данных единиц ещё не изучены всесторонне, не решены многие спорные вопросы, в особенности те, которые связаны с их специфичностью, местом в классификационной иерархии, с отличием от других, сходных с ними высказываний, например, побудительных [9 с. 124–136]. Кроме того, оптативные предложения, широко представленные в тексте романа «Они сражались за Родину» и других произведениях этого автора, являются выраженной особенностью идиостиля М. А. Шолохова, заключающейся в передаче живой разговорной речи жителей Донского края той эпохи.

Интерпретация ценностной составляющей концепта ЖЕЛАНИЕ в языке романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину»

В содержании большинства концептов помимо понятийной, образной и символической составляющей, выделенных и обоснованных В. В. Колесовым ещё в 90-е гг. прошлого столетия [10, с. 57–72], в последние десятилетия стало принятым выделять и

¹ Художественный мир М. А. Шолохова: новый контекст понимания: учебное пособие / под ред. Л. Г. Сатаровой, Н. В. Стюфляевой. М.: Инфра-М, 2022. 300 с.

² Словарь языка Михаила Шолохова / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.

³ Васильев А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова: в 2 т. Стерлитамак: Фобос, 2015.

ценностный компонент.¹ Поскольку с точки зрения классической логики желания выступают в качестве одного из видов оценок [9, с. 59–65; 11, с. 46], идея оценки и представления индивидуума о ценностях находят отражение в семантике языковых единиц разных уровней, репрезентирующих одноименный концепт. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, описанном в ряде наших работ [например, 9, с. 30–98 и др.], отметим только, что репрезентация концептуального содержания желательности наступления той или иной ситуации сориентирована на грамматическую и лексико-синтаксическую категоризацию, отражает желания и предпочтения личности и формирует особую многоаспектную категорию – категорию оптативности [12, с. 26–35]. По существу, эта дифференциация носит коммуникативно-прагматический характер, поскольку связана с позициями 1) желаний говорящего: *Выглянуло бы солнце; Успеть бы на поезд; Тепла бы...* и 2) желаний субъекта оптативного предложения: *Я (ты, он и под.) хочет успеть, написать, поехать и т. д.*

Практика наблюдений над языком и стилем художественной литературы показывает, что чем выше уровень таланта автора, тем активнее и результативнее он использует оптативные предложения для создания образа и его характеристики, для раскрытия внутреннего мира и системы ценностей персонажа и тем разнообразнее языковые средства в плане способа представления концепта ЖЕЛАНИЕ. В произведениях М. А. Шолохова обнаруживается немалое количество таких единиц и обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все они ценностно ориентированы, хотя, и это вполне естественно, в том числе выражают естественные потребности человека, русского солдата в условиях тяжёлого военного времени. В тексте романа «Они сражались за Родину» обнаруживаем следующие примеры:

Шаркая сапогами по оборванным и опутанным плетям ежевичника, подошёл Копытовский, вздохнул, тихо проговорил:

¹ Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 12–13.

– Эх, жизнь ты наша, жестянка! Закурить бы...

– По мне соскучился? Потерпишь и не куря, – сухо и так же тихо отозвался Лопахин.

– Потерпишь, потерпишь, – недовольно забормотал Копытовский. – Русский солдат, конечно, всё вытерпит, но и у него ведь терпелка не из железа выструганная... Я и так нынче до того натерпелся всякой всячины, что вдоль моего терпения все швы полопались...

Лопахин молчал, всё так же пристально смотрел на тёмную громадину танка. Копытовский поправил мешок на спине, приглушённо заговорил:

– И курить страшная охота, а жрать – не говори! Это у кого какая натура: у ино-го от страху всё наружу просится, а я чем больше пугаюсь, тем сильнее жрать хочу. А день нынче был страховитый, ой, и страховитый! Как он, этот проклятуший немец, пёр на нас нынче, а? Я себя уж в покойники записал, думал, что навек позабуду, как дышать, ан нет, не вышло!²

Из приведённого примера видно, что простые, обыденные человеческие желания на войне, в обстановке критической, связанной с лишениями, риском для жизни, потерей боевых товарищей обостряются до предела: **чтобы не так хотелось курить**, **сунул в рот щепоть** измявшейся в порошок махорки.³ Солдаты не афишируют свои желания, потребности и либо не говорят о них вообще, либо упоминают только в соответствии с ситуацией. Но волею автора в пределах одного микроконтекста герои в своей речи используют самые разные способы представления желательности: как грамматический (*закурить бы*), так и лексико-синтаксический (*курить охота*).

В условиях конкуренции различных показателей оптативной модальности следует выделить активное употребление формы желательного наклонения (инфинитив + частица *бы*) в инфинитивных односоставных предложениях, формы со-

² Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1975. С. 144.

³ Там же. С. 145.

слагательного наклонения в оптативной функции, автономной частицы *бы* в безглагольных оптативных предложениях, а также многочисленные модификации частицы *бы* в личных, безличных и инфинитивных конструкциях: **Вся статья мне бы в танкистах быть**, а я в пехоте землю, как крот, ковыряю. Или же взять тебя: **тебе бы только на барабане бить, людей музыкой веселить**, а ты, изволь радоваться, бронбойщик, да ещё первым номеромправляешь; – И то сказать, до каких же пор будете отступать? **Пора бы уж и упереться...**; **Лишь бы патронов хватило**; – **Я бы тебе ответил по всем правилам военной науки**, но не для тебя берегу самые дорогие и редкостные слова, – выпрямляясь, сказал Лопухин; – **А побывали бы в таком переплёте**, как мы вчера, **сразу облиняли бы эти женихи!**; – Огонь-то какой они ведут, ужас! **Тут хоть бы как-нибудь дотянуть тебя до медсанроты**, – жалобно сказала девушка; – **А неплохо бы было щец с молодой баранинкой рубануть..**; – **Ты бы мне ещё водочки, сестрица...** – уже чуть громче сказал он, втайне удивляясь своему ребячески тонкому и слабому голосу; Сзади Николая кто-то звучно почмокал губами, сказал скрипучим голосом: – **Родниковой, ледяной водицы по полведра бы на брата..**¹ и др.

В шолоховском тексте модальная семантика общей желательности взаимодействует с различными модальными значениями предиката, то есть «на фоне основных модальных значений могут создаваться модальные оттенки частного характера» [13, с.102–103]: – **Это что же у вас, раненый? Лейтенант? Эх, бедолага! Растрясёте вы его по такой дороге. Вам надо бы ещё левее брать, там местность поровнее будет**² – налицо взаимодействие общего модального значения желательности с частным модальным значением необходимости, так сказать, «желание необходимого». На уровне модальности предиката желательность сочетается с долженствованием: *Молча*

*шагавшие бойцы оживились. Послышались голоса: – Должен бы привал тут быть.*³

На фоне общей желательности за счёт модификации частицы *бы* и отрицания *не* (как *бы не*) возникает значение опасения, что желание может не осуществиться: – *Давай, трогайся, а то ребята уже далеко ушли, как бы не отбиться нам*⁴ (исходная модель *не отбиться бы* (не отстать бы от своих), модифицированная – как *бы не отбиться*). Аналогичная осложнённая семантика желания-опасения представлена в следующих примерах: *Копытовский вдруг заметно побледнел, сказал шёпотом: – Один готов... Мама родная, хоть бы не наши! У меня и под ложечкой сосёт и во рту становится солоно, когда наши вот так, на виду, падают...*⁵ (модификация *хоть бы не*); – *Командуй сбор, а то как бы твоя плотницкая артель не распозлась по швам*⁶ (модификация как *бы не*). В шолоховском тексте модальная семантика желания взаимодействует со значениями условия и возможности: *Вот из него бы вышел командир, потому что человек он самостоятельный на слова, шибко грамотный: агрономом до войны работал*⁷ – в этом примере присутствует и экспликация мотивации желания, вводимая предикативной единицей с причинной семантикой и союзом *потому что*. Обусловленное желание (модификация *если бы*) передаётся в репликах: – *Если бы эти поднебесные черти, зенитчики, всегда так стреляли!*⁸ и – *Если бы мне пофартило сбить самолёт, – я бы весь табак разугощал друзьям-приятелям...*⁹ Многообразие и разноплановость значений и их оттенков, которыми «обрастает» желательность, создаёт объёмную перспективу оптативной ситуации, усиливает её ценностный потенциал.

Лексико-синтаксическое представление концепта ЖЕЛАНИЕ (предикатная желательность, по нашей терминологии)

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Там же. С. 197.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Там же. С. 116.

⁹ Там же. С. 122.

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1975. С. 59, 101, 123, 156, 162.

² Там же. С. 147.

обнаруживается преимущественно в конструкциях с темпоральным значением 1-го синтаксического лица: желание исходит от самого говорящего: – *Как это он меня не отпустит? Хотел бы я поглядеть на эту кинокартину, как он будет меня не пускать!* – возмущённо сказал Лопахин; – *Я вас со вчерашнего вечера ищу, все части обошёл! Хотел на ту сторону переправиться, но один капитан-артиллерист сказал, что всё оттуда отводится; Лопахин выхватил из рук Стрельцова блокнот, торопливо написал: «Николай, я в тыл не пойду. Дела наши, всему видать, дрянь. Не могу я сейчас отсюда уходить! Думаю остаться на передовой, прибьюсь к какой-нибудь части. Оставайся и ты со мной, Коля!»;*

– *Вот вам, какие молодые и при здоровье, и можно воевать без роздыху, а мне невозможно, – грустно сказал Некрасов. – Года мои не те, да и дома желательно бы побывать...*¹ и др.

Категоризация частной желательности в тексте романа происходит при помощи широкого спектра средств и в разных синтаксических конструкциях: в предложениях с реальной и ирреальной модальностью, в полных и неполных двусоставных, односоставных предложениях. На этом фоне весьма чётко высвечиваются желания субъекта предложения, и в большинстве случаев они связаны с ситуациями военного времени, с эмоциональными реакциями на потери родных, друзей и боевых товарищей, с активным стремлением добиться победы над врагом: – *Заспешил я, и вот погиб парень... Ещё не жил, только что оперился, а сердце – как у орла! Смотри, на что оказался способный, на какое геройство, а? А я... я, когда таких ребят по восемнадцати да по девятнадцати лет на моих глазах убивают, я, брат, плакать хочу... Плакать и убивать беспощадно эту немецкую сволочь! ... когда такие, как Кочетыгов, гибнут, у меня сердце не выдерживает, понятно? Чем немцы за это расплатятся? Ну, чем? Вот она, немецкая падаль, лежит тут и*

*воняет, а сердце у меня всё равно голодное: мстить хочу! А за материнские слёзы чем они расплатятся?*² – в монологе героя передаётся эмоционально-психологическое состояние солдата на войне, его настрой на осуществление возмездия не какой-то высшей силой, а ценой собственной жизни. Повтор диктального глагола *плакать* усиливает эмоциональное воздействие и экспрессию высказывания. Диктум может быть представлен и полнознаменательным глаголом: *Он был хороший командир и товарищ, вы сами знаете, и не об этом я хочу сейчас сказать... Я хочу сказать* возле этой дорогой могилы..., и развёрнуто, в виде предикативной единицы – придаточной части полипредикативной конструкции с изъяснительно-объектными отношениями и союзом *чтобы*: – *А я так хочу, чтобы нам не стыдно было поглядеть в глаза сиротам нашего убитого товарища лейтенанта, чтобы не стыдно было поглядеть в глаза его матери и жене и чтобы могли мы им, когда свидимся, сказать честным голосом: «Мы идём кончать то, что начали вместе с вашим сыном и отцом, за что он – ваш дорогой человек – жизнь свою на Доницине отдал, – немца идём кончать, чтобы он выдох!»*³ Слова старшины в его монологе с трехкратным повтором союза *чтобы* при параллельном однородном подчинении трёх изъяснительных придаточных передают высшую степень экспрессии, обострённые чувства героя, его праведный гнев, скорбь по погибшему молодому лейтенанту и огромное желание одолеть врага.

Следует отметить, что лексико-синтаксическое представление концепта ЖЕЛАНИЕ обнаруживается и в авторской речи при характеристике желаний героев, и во внутренних монологах последних: Лопахин с негодованием повертел головой, заёрзал на месте. Нет, чёрт возьми, не для него эта тихая жизнь! *Он предпочитает стрелять по настоящим немецким танкам, а не по каким-то там глупым макетам, и идти на запад, а не на восток,*

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1975. С. 158, 174, 192.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 154.

*и – лишь на худой конец – постоять немало здесь, у Дона, перед новым наступлением*¹ – внутренний монолог, включающий модальный компонент предиката *предпочитает* и три диктальных глагола, находящихся в отношениях однородности и передающих вкупе со своими распространителями предпочтения героя, его активное желание идти в наступление на врага и стрелять по настоящим немецким танкам. В подобном состоянии пребывали практически все шолоховские персонажи, поскольку, напомним, время действия романа – один из особенно тяжёлых периодов Великой Отечественной войны, лето 1942 г., связанный с серьёзным отступлением Красной Армии, большими потерями территории страны и живой силы. Естественно, что солдаты были на пределе напряжения, не жалели себя в желании дать отпор врагу, и автор это убедительно показывал. Так, один из героев, Стрельцов, несмотря на тяжёлую контузию и глухоту, сбежал из госпиталя, чтобы «драться рядом с товарищами»: – *А потом я просто не мог там оставаться. Полк был в очень тяжёлом положении, вас осталось немного... Как я мог не прийти? Вот я и пришёл. Драться рядом с товарищами ведь можно и глухому, верно, Петя?*

Гордость за человека, любовь и восхищение заполнили сердце Лопихина. *Ему хотелось обнять и расцеловать Стрельцова, но горло внезапно сжала горячая спазма, и он, стыдясь своих слёз, отвернулся, торопливо достал кисет.*²

Языковая категоризация концепта ЖЕЛАНИЕ в оптативных предложениях часто бывает сопряжена с эмоциями. Как справедливо отмечал П. А. Лекант, «средства эмоциональности проявляют себя, реализуются в конкретных синтаксических формах» [14, с. 201-206]. Особой эмоциональной нагруженностью отличаются оптативные предложения с грамматически выраженной желательностью, в романе М. А. Шолохова, они передают

широкий спектр эмоций, охватывающих человека в суровых условиях военного времени и боевых действий: *За короткие минуты просветления, вспышками озарявшего сознание, Звягинцев пока ещё не успел по-настоящему осмыслить всей бедственности своего положения, не успел пожалеть себя, а девушку пожалел, сокрушённо думая: «Дитё, совсем дитё! Ей бы дома с книжками в десятый класс бегать, всякую алгебру с арифметикой учить, а она тут под невыносимым огнём страсть терпит, надрыгает животишко, таская нашего брата...»*³ В приведённом примере это жалость, сочувствие, на что имеется указание в лексическом наполнении предложений (*сокрушённо думая, не успел пожалеть себя, а девушку пожалел*).

При передаче эмоционального состояния своих героев автор находит возможность конкретизировать в ближайшем контекстном окружении, какую именно эмоцию проявляет или не проявляет персонаж, например: *Звягинцев ослабел от вспышки гнева. ... Но в нём всё же ещё нашлись силы, и, не зная, как ещё можно уязвить смертельно досадившего ему санитаря, он слабым голосом, выбирая слова, проговорил:*

*– Сухое дерево ты, а не человек! Даже не дерево ты, а гнилой пенёк! Ну, есть ли в тебе ум? А ещё тоже – пожилой человек, постыдился бы за свои такие поступки!*⁴

*– Ты мне не указывай, – равнодушно сказал санитар, примеряясь, как бы половчее полоснуть вдоль шва ножом.*⁵ Следует отметить, что желание, передаваемое в последнем примере формой желательного наклонения (инфинитив + частица *бы*), содержится в семантике придаточной части полипредикативной конструкции с изъяснительно-объектными отношениями.

С помощью оптативных предложений, активно используемых во внутренних монологах, передаются сокровенные желания и мечты героев. Так, Звягинцев во время ранения «не только жил, но и це-

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1975. С. 156.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же. С. 166.

плялся за жизнь руками и зубами»: У меня вон даже пальцы на ногах боль чувствуют. **Лишь бы, по докторскому недоразумению, в спешке не отняли ног!** А так я ещё отлежусь и повоюю... Может, ещё и этот немец-миномётчик, какой меня сподобил, попадётся мне под весёлую руку... Ох, **не дал бы я ему сразу помереть!** Нет, он у меня в руках ещё **поискал бы несколько минут, пока я к нему смерть бы допустил!**; ...теперь вдруг и некстати вспомнил двух своих сыновей, воюющих где-то на Западном фронте, с лёгким вздохом подумал: «Этот выживет, вон какой ретивый и живой черт! А как мои ребятишки там? **Провались ты пропадом с такой жизнью, глянуть бы хоть одним глазом, как мои там службу скоблят?..**»; – Иной раз ночью, когда боя нет, до того мучаюсь, **хочу ясно их вспомнить**, – нет, не получается!¹

Безусловно, оптативные предложения, как никакие иные, могут многое рассказать о герое, раскрыть его характер, внутренний мир, мотивы поступков, систему предпочтений и ценностей, интенций и устремлений. Именно поэтому они занимают важное место в индивидуально-авторской концептосфере каждого серьёзного мастера слова и заслуживают самого пристального внимания исследователей. Посредством умелого включения предложений с оптативной семантикой – репрезентантов концепта ЖЕЛАНИЕ – в ткань повествования на уровне разных его типов М. А. Шолохов убедительно показал самые разные грани личности своих героев, их представление о мире, ценностные ориентиры, обусловившие их действия, поступки, эмоции, отношение к происходящим событиям. Несомненно, в шолоховском тексте мастерски запечатлён именно «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека» [8, с. 13]. Важно обратиться с этих позиций к рассмотрению и других произведений великого русского писателя.

Заключение

В завершение проведённого исследования аксиологической составляющей концепта ЖЕЛАНИЕ на материале текста романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину» хотелось бы сделать следующие выводы.

Памятные даты, о которых было сказано выше, побуждают нас заново осмыслить концептуально значимую сущность этого произведения, раскрывающую ценностную ориентацию простых русских людей в условиях безжалостного военного времени. В важнейших для языкового сознания человека, говорящего по-русски, категориях, таких, как *мир, дом, дети, семья, любовь, жизнь, дружба, земля*, в полной мере воплотились традиционные для русского народа представления, в совокупности своей наполняющие содержание ценностно ориентированного концепта РОДИНА, не случайно выведенного в название произведения, но не эксплицированного в самом тексте. Характерно и знаково то обстоятельство, что эти ценностные понятия оказываются устойчивыми и жизнеспособными не только в мирной жизни, но и на войне, причём в один из самых тяжёлых её периодов, который получил отражение в романе. Выявление и рассмотрение языковых репрезентаций концепта ЖЕЛАНИЕ показали, что в большинстве своём они экстраполированы на ценностно ориентированные объекты желания, присущие русскому человеку, в предельно широком их понимании. Обнаруженные в тексте романа более 240 единиц с разноаспектными проявлениями семантики желательности (оптативности) как грамматической, так и лексико-синтаксической, выступают не только в качестве одного из средств речевой характеристики персонажей, но и в роли мощного аксиологического инструментария при выявлении ценностной иерархии личности героев М. А. Шолохова. Силою таланта писателя желания героев интерпретируются как глубинные ценностные установки личности, не как показные лозунги, а внутреннее состояние убеждённости в своей правоте, стремле-

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1975. С. 167, 168, 192.

ние стоять насмерть, держаться до конца и выстоять в любой, даже самой тяжёлой ситуации, отдать всё ради победы.

Результаты предпринятого исследования не претендуют на окончательность, но позволяют сфокусировать внимание на новом ракурсе изучения творчества М. А. Шолохова: с лингвокогнитивных и

лингвоаксиологических позиций, дают стимул к последующему теоретическому осмыслению особенностей шолоховского синтаксиса, способствуют дальнейшей и более глубокой разработке концептуально значимых положений современной теории опятивности в отечественной науке о языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / отв. ред. М. С. Милованова. Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
2. Балашова С. Е. Виды и функции повторов в творчестве М. А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 20 с.
3. Ваганов А. В. Сравнения в языке произведений М. А. Шолохова. Ростов н/Д: Ростовский государственный университет, 1992. 145 с.
4. Гаврилова Г. Ф. Многозначность вопросительных конструкций и их функционирование в языке произведений М. Шолохова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 2. С. 58–67.
5. Крылова М. Н. Выражение языковой личности М. А. Шолохова посредством сравнительных конструкций на материале «Донских рассказов» // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 166–169.
6. Камагина И. В. Простые эллиптические предложения: структура, семантика, стилистика (на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»): автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2020. 21 с.
7. Ольховская Е. С. Композиты в романе М. Шолохова «Тихий Дон»: структурно-семантический, словообразовательный и стилистический аспекты // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 4. С. 79–87.
8. Рыбальченко Е. А. Колоративная лексика в языке романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.
9. Алтабаева Е. В. Оптативность в русском языке: комплексное описание. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. 200 с.
10. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. С. 57–72.
11. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1970. 230 с.
12. Алтабаева Е. В. Оптативность как многоаспектная категория естественного языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 26–35. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-26-35.
13. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. С. 95–104.
14. Лекант П. А. Рациональное и эмоциональное в русском предложении: семантика эмоционального состояния // Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. С. 201–206.
15. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.

REFERENCES

1. Milovanova, M. S., ed. (2022). *General and Russian linguaxiology: collective monograph*. Yaroslavl: Kanzler Publ. (in Russ.).
2. Balashova, S. E. (2008). *Types and functions of repetitions in the works of M. A. Sholokhov* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
3. Vaganov, A. V. (1992). *Comparisons in the language of the works of M. A. Sholokhov*. Rostov on Don: Rostov State University Publ. (in Russ.).

4. Gavrilova, G. F. (2012). Polysemy of interrogative constructions and their functioning in the language of the works of M. Sholokhov. In: *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*, 2, 58–67 (in Russ.).
5. Krylova, M. N. (2013). Expression of the linguistic personality of M. A. Sholokhov through comparative constructions based on the material of “Tales of the Don.” In: *Prospects of Science and Education*, 6, 166–169 (in Russ.).
6. Kamagina, I. V. (2020). *Simple elliptical sentences: structure, semantics, stylistics (based on the novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don”)*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
7. Olkhovskaya, E. S. (2011). Composites in M. Sholokhov’s novel “Quiet Flows the Don”: structural-semantic, word-formation and stylistic aspects. In: *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*, 4, 79–87 (in Russ.).
8. Rybalchenko, E. A. (2011). *Color vocabulary in the language of M. A. Sholokhov’s novel “Quiet Flows the Don”* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
9. Altabaeva, E. V. (2021). *Optativity in the Russian language: a comprehensive description*. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ. (in Russ.).
10. Kolesov, V. V. (2004). The concept of culture: image – concept – symbol. In: Kolesov, V. V. *Word and deed. From the history of Russian words*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., pp. 57–72 (in Russ.).
11. Ivin, A. A. (1970). *Foundations of the logic of assessments*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (in Russ.).
12. Altabaeva, E. V. (2023). Optativity as a multi-aspect category of natural language. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3, 26–35. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-26-35 (in Russ.).
13. Lekant, P. A. (2007). On the issue of modal varieties of sentences. In: Lekant, P. A. *Grammatical categories of words and sentences*. Moscow: Moscow Region State University Publ., pp. 95–104 (in Russ.).
14. Lekant, P. A. (2007). Rational and emotional in a Russian sentence: semantics of emotional state. In: Lekant, P. A. *Grammatical categories of words and sentences*. Moscow: Moscow Region State University Publ., pp. 201–206 (in Russ.).
15. Kolesov, V. V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алтабаева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин факультета журналистики Московского университета имени А. С. Грибоедова;
e-mail: evaltabayeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Altabayeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Honorary Figure of Higher Education of the Russian Federation, Prof., Moscow State Pedagogical University; Prof., Department of Humanities and Special Disciplines of the Faculty of Journalism, A. S. Griboyedov Moscow University;
e-mail: evaltabayeva@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.18384/2949-5008-2025-3-18-25

ЗВУКИ МИРА И ВОЙНЫ В ГЛАВАХ ИЗ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ»

Герасименко Н. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: natalyger11@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.04.2025

Принята к публикации 18.04.2025

Аннотация

Цель. Доказать, что перцептивная лексика со значением звука является одним из важнейших языковых средств в идиостиле М. А. Шолохова, и определить возможности этой лексики в отражении психологического состояния персонажей в главах из романа Шолохова «Они сражались за Родину».

Процедура и методы. Методом нацеленной выборки собран и проанализирован языковой материал из романа «Они сражались за Родину». С применением структурно-семантического метода исследовано функционирование перцептивной лексики со значением звука как одного из важных для идиостиля писателя средств выражения жизненной правды и психологического состояния персонажа.

Результаты. Установлено, что в главах из романа «Они сражались за Родину» перцептивная лексика со значением звука является одним из основных средств отражения идиостиля М. А. Шолохова и выражения психологического состояния персонажа в мирное и военное время; она отражает радость бытия в обычной жизни и нечеловеческие условия войны, в которых вынуждены существовать герои. Звуки войны разрушают человека физически, нарушают его психологическое состояние, заставляют испытывать всеобъемлющий страх, но не могут сломить силу духа и стремление к победе.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты дополняют теорию функционирования языковых единиц в художественном тексте, расширяют представление об особенностях идиостиля М. А. Шолохова. Проанализированный материал может быть использован в практике преподавания русского языка в вузе и школе.

Ключевые слова: главы из романа «Они сражались за Родину», идиостиль, М. А. Шолохов, перцептивная лексика, семантика звука

Для цитирования:

Герасименко Н. А. Звуки мира и войны в главах из романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину» // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 18–25. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-18-25>.

Original research article

THE SOUNDS OF PEACE AND WAR IN CHAPTERS FROM M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL "THEY FOUGHT FOR THE MOTHERLAND"

N. Gerasimenko

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: natalyger11@yandex.ru

© СС BY Герасименко Н. А., 2025.

Received by the editorial office 02.04.2025

Accepted for publication 18.04.2025

Abstract

Aim. To prove that perceptual vocabulary with the meaning of sound is one of the most important linguistic means in M. A. Sholokhov's idiosyncrasy and to determine the possibilities of this vocabulary in reflecting the psychological state of the characters in the chapters from Sholokhov's novel "They Fought for the Motherland."

Methodology. The linguistic material from the novel "They Fought for the Motherland" was collected and analyzed using the targeted sampling method. Using the structural-semantic method, the functioning of perceptual vocabulary with the meaning of sound is investigated as one of the important means of expressing the truth of life and the psychological state of a character for the writer's idiosyncrasy.

Results. It has been established that in the chapters from the novel "They Fought for the Motherland" perceptual vocabulary with the meaning of sound is one of the main means of reflecting M. A. Sholokhov's idiosyncrasy and expressing the psychological state of the character in peacetime and wartime; it reflects the joy of being in ordinary life and the inhuman conditions of war in which the characters are forced to exist. The sounds of war destroy a person physically, disrupt his psychological state, make him feel all-encompassing fear, but they cannot break the strength of the spirit and the desire for victory.

Research implications. The results obtained complement the theory of the functioning of linguistic units in a literary text, expand the understanding of the idiosyncrasies of M. A. Sholokhov. The analyzed material can be used in the practice of teaching Russian at universities and schools.

Keywords: M. A. Sholokhov, chapters from the novel "They fought for the Motherland", idiostyle, perceptual vocabulary, semantics of sound

For citation:

Gerasimenko, N. A. (2025). The Sounds of Peace and War in Chapters from M. A. Sholokhov's Novel "They Fought For The Motherland". In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 18–25. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-18-25>.

Введение

Актуальность работы определяется несколькими причинами. Во-первых, в год 80-летия победы в Великой Отечественной войне вновь и вновь обостряется интерес общества к произведениям о войне, в которых отражается тот трудный путь, который прошёл советский народ и который привёл к победе. Во-вторых, правдивое изображение военных событий, быта солдат в условиях военных действий важно и актуально для современных воинов и их близких, для всех, кто разделяет тяготы войны и хочет опереться на опыт предыдущих поколений. В-третьих, главы из романа «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова, 120-летие которого мы отмечаем в этом году, честно отражают правду мирной жизни и правду жизни на

войне, в том числе и через использование перцептивной лексики со значением звука, которая на материале этого произведения не исследовалась.

Цель этой статьи – доказать, что перцептивная лексика со значением звука является одним из основных средств в идиостиле М. А. Шолохова, и определить возможности в отражении психологического состояния персонажей в главах из романа Шолохова «Они сражались за Родину».

Для достижения этой цели в работе решаются следующие основные задачи: выявить перцептивную лексику со значением звука в тексте романа; исследовать, как связано изображение психологического состояния персонажей с использованием звуковой лексики.

Основным методом исследования в данной работе является современный структурно-семантический метод, включающий анализ функционирования перцептивной лексики со значением звука. Используются также общенаучные методы наблюдения, описания и квалификации языковых единиц.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в расширении знаний об идиостиле М. А. Шолохова и участии перцептивной лексики со значением звука в отражении психологического состояния персонажа в художественном тексте.

Результаты исследования могут найти применение в преподавании курсов «Современный русский язык», «Язык художественной литературы», могут быть интересны филологам, изучающим творчество М. А. Шолохова.

Когда снимался художественный фильм по роману «Они сражались за Родину» (1974), корреспондент газеты «Правда» беседовал с М. А. Шолоховым о будущем фильме. Михаил Александрович тогда сказал: «Солдат в окопе, крупным планом, со всеми деталями фронтового быта – вот что нужно. Нужно показать лицо солдата и в бою и в затишье между боями».¹ Именно так показан солдат в романе: крупным планом, со всеми деталями фронтового быта. «Как все большие писатели, Шолохов создал свой мир – он открыл в объективной реальности собственных героев, коллизии, конфликты, жизненные явления, пропустив их через себя, окрасив индивидуальным отношением. То есть соединение исторической истины с писательской индивидуальностью проявляет поразительные краски самой жизни, что присуще лишь таланту в высшей степени художественному».²

Внимание лингвистов к перцептивной лексике показывает важность её изучения в современном языкознании [1–5]. То, что человек воспринимает органами чувств, оказывает значительное влияние на его мировоззрение, поведение, на его жизнь в целом. Для писателя перцептивное восприятие мира является важнейшим условием создания художественного образа, проявлением его индивидуальности, неповторимости. Так, для И. А. Бунина характерно глубокое ощущение цвета, проявившееся в богатстве цветовых оттенков, описанных в его произведениях; для Ф. М. Достоевского, тонко различавшего оттенки света и тени, остро воспринимавшего запахи, эти особенности восприятия стали основой идиостиля. М. А. Шолохов обладал способностью слышать и различать множество звуков, поэтому звуковая лексика играла в его произведениях огромную роль.

Творчество М. А. Шолохова всегда было в центре внимания литературоведов и лингвистов [6–9]. Издан «Словарь языка Михаила Шолохова», отражающий лексический и фразеологический тезаурус писателя.³ Оригинальность и богатство художественного языка писателя исследовали с разных сторон, но перцептивная лексика и её художественные функции описаны недостаточно. Однако в романе «Они сражались за Родину» обращает на себя внимание использование писателем звуковой лексики для создания психологической атмосферы, окружающей солдат как в бою, так и в минуты затишья.

Главы из романа «Они сражались за Родину» впервые были опубликованы в газете «Правда» в 1943, 1944 и 1949 гг. В разгар войны родилась мысль отразить страшные события в художественном произведении. М. А. Шолохов писал медленно, осмысливая катастрофу отступления Красной Армии в первые годы войны, пропуская через себя страшные события. Роман остался неоконченным.

¹ Прикосновение к подлинному. Ответы М. Шолохова на вопросы корреспондента «Правды» // Шолохов М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. Очерки, статьи, фельетоны, выступления. М.: Правда, 1975. С. 388.

² Бондарев Ю. Художник, обогащающий мир // Шолохов М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Правда, 1975. С. 397.

³ Словарь языка Михаила Шолохова / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.

Звуки мира

Роман начинается с описания ранней весны ещё мирной жизни: «С **хрустом** стал оседать в оврагах подмёрзший за ночь последний, ноздреватый снег».¹ Проснувшийся задолго до восхода солнца Николай Стрельцов окружён звуками деревенской весны: «со свистом, с тугим звоном» рассекают воздух крылья перелётных птиц, которые «со сдержанно радостным гомоном устремились к местам вечных гнездовий».² Он вслушивается в знакомые звуки: «Вскоре по крыше **дробно застучали** дождевые капли, ветер немного **притих**, и **стало слышно**, как по водосточному желобу с **захлёбывающимся бульканьем** **клокочет**, **журчит** вода и мягко и тяжело падает на отсыревшую землю».³ Стрельцов радуется привычным звукам, весне, дождю, предвкушает «трудную и сладостную работу на колхозных полях»⁴, но нелады в семье отравляют его радость: «У Стрельцова больно защемило сердце. Он проворно встал и долго, **напрягая слух**, **прислушивался к замирающим голосам** журавлиной стаи, потом **глухо**, как во сне, **застонал и проговорил**: – Нет, больше не могу!»⁵ Обилие звуковой лексики отражает резкую смену настроения персонажа – от радостного свиста и звона крыльев, гомона птиц, бульканья и журчания воды к напряжению слуха, прислушиванию к замирающим голосам журавлей, к глухому стону. Меняется состояние героя – меняются и звуки, которые он слышит, к которым прислушивается.

Приезд старшего брата, Александра, недавно освобождённого из лагеря, стал неожиданной радостью для Николая, но тревожные предчувствия не покидают его, как беспокоят и директора Ивана Степановича: «Неужели в войну с фаши-

стами влезем, а до этого в своём доме порядка не наведём?»⁶

Описание встречи с братом, изменившейся обстановки в доме, душевного тепла и родственной близости почти не сопровождается звуковой лексикой, Николай не вслушивается в окружающее. Новые звуки появляются, когда братья отправляются на рыбалку: «Что-то древнее, библейское было в этой живописной картине: вяз патриаршего возраста, старик пастух с овцами, не тронутый человеческою рукою первобытный лес и **дремучая тишина**, изредка прерываемая **посвистом иволги да воркованием горlinkи**, – всё это как бы сошло с полотна старинного художника и воплотилось в жизнь, **озвученную** и неповторимо красочную».⁷

Соединение мирной жизни с её радостями и горестями и ожидание войны – вот тема первой главы романа. Николай Стрельцов слышит жизнь в разных её проявлениях, лексика звука отражает его состояние. На войне он потеряет слух.

Звуки войны

Звуки войны сопровождают героев романа в остальных главах. Тяжелейшие бои пришлось выдержать остаткам полка: «“Хорошо дрались, а не устояли...” – с горечью подумал Николай, вспоминая».⁸ Отступление с боями было мучительно, жители станиц и хуторов, мимо которых проходили войска, с тяжёлым чувством, а иногда и с презрением, смотрели на измученных, покрытых пылью бойцов: «Куда идёте? За Дон поспешаете? А воевать кто за вас будет? Может, нам, старикам, прикажете ружья брать да оборонять вас от немца?»⁹ Невыносимо было слышать эти слова, но воинский долг требовал пережить и это. Николай Стрельцов чувствовал и понимал то же, что и его боевые друзья: «Об отступлении, как и о смерти, почти не говорят. Война – это вроде подъ-

¹ Шолохов М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. Они сражались за Родину. Главы из романа. М.: Правда, 1975. С. 5.

² Там же.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. С. 79.

ёма на крутую гору: победа там, на вершине, вот и идут, не рассуждая по-пустому о неизбежных трудностях пути, не мудрствуя лукаво. Собственные переживания у них на заднем плане, главное – добраться до вершины, добраться во что бы то ни стало!»¹

Во время переходов полка, когда нет боёв, лексика со значением звука почти исчезает из текста романа: измученные солдаты не обращают внимания на окружающее, с трудом переставляют ноги. И только увидев впереди приближающийся хутор, медленно оживают, начинают слышать кудахтанье кур, обычные мирные звуки деревенской жизни: «Где-то неподалёку ворковала горлянка, и, заглушая её, работал с перебоями, с выхлопами мотор трактора».² Переход от состояния крайней усталости и апатии к надежде на отдых подчёркивается звуковой лексикой. Лопехин, раздобывший на ферме молока для солдат, был в радостном настроении: «Много ли человеку на войне надо? Отойти чуть подальше обычного от смерти, отдохнуть, выспаться, плотно поесть, получить из дому письмишко, не спеша покурить с приятелем – вот и готова скороспелая солдатская радость».³

Но затишье быстро закончилось. И звуки снова окружили солдат. Лопехин сначала не обратил внимания на «еле слышимый низкий, осадистый гул», но гул приближался, стал отчётливее. «По звуку он определил, что идут немецкие самолёты, и почти тотчас услышал протяжный возглас: – Во-о-оз-дох!»⁴ Начинаясь бой, и звуки стали преобладающими в восприятии солдат: «звонко ударили зенитки»; раздавался «грохот взрыва» подбитого самолёта; «отвратительный свист бомбы» соединился с оглушительным взрывом; по каске «с силой забарабанили комья земли»; «щёлкали винтовочные выстрелы; дробно

и глухо, сливаясь воедино, стучали очереди автоматов». Лопехин «неотрывно наблюдал за самолётом, снижавшимся с низким, тягучим и нарастающим воем, и в то же время слух его невольно фиксировал все разнородные звуки огня: и обвальныи грохот фугасок ... , и частые удары зениток, и заливыиые пулемётные трели».⁵ М. А. Шолохов бесконечно разнообразит перцептивную лексику звука (гул, вой, грохот, свист, удары, трели), дополняя её согласованными определениями, (отвратительный; оглушительный; низкий, тягучий и нарастающий; разнородный, заливыистый), глагольными сказуемыми (ударили, забарабанили, щёлкали, стучали), обстоятельствами (звонко, с силой, дробно и глухо, сливаясь воедино), усиливающими это разнообразие. Бойцы испытывали ужас бомбардировок, старались уменьшиться в размерах, сжаться, но продолжали сражаться. Налёты самолётов были страшными, но боевой дух солдат помогал выстоять и даже сбивать вражеские самолёты, как это сделал Пётр Лопехин. После боя он услышал смех бойцов и отметил: «Вот чёртов народ, какой неистребимый! Бомбили так, что за малым вверх ногами их не ставили, а утихло, – они и ржут, как стоялые жеребцы...»⁶ Тяжкое напряжение боя отступило, и солдаты восстанавливали силы, уже со смехом переживая миновавший страх.

Следующая атака с неба была ещё страшнее: «Сквозь гул разрывов, воюющий свист осколков и глухой обвальныи шум падающей сверху земли Лопехин тщетно пытался услышать выстрелы своих зениток В дьявольском грохоте, заполнившим всё вокруг, он почти не различал выкриков Сашки. Оглушённыи и подавленный свирепствовавшим над землёю ураганом взрывов, он всё же находил в себе силы и, отрываясь от стенки окопа, часто, но осторожно высовывался над бруствером».⁷ Пётр Лопехин ожидал танковой атаки. И она началась.

¹ Шолохов М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. Они сражались за Родину. Главы из романа. М.: Правда, 1975. С. 81.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 115–118.

⁶ Там же. С. 119.

⁷ Там же. С. 126.

Изменились звуки: «... с бугра донёлся шум моторов, но уже совсем иной, прижатый к земле, сплошной, перемешанный с лязгом и железным скрежетом гусениц», «слышится характерно звонкий, лопающийся звук разрыва», «лопнул знакомый выстрел своего, лопахинского, ружья».¹ Шесть атак отбили бойцы. «После громового гула артиллерийской канонады, грохота разрывов и пулемётно-автоматной трескотни, раскатами ходившей вдоль всего переднего края, необычной и странной показалась Звягинцеву эта внезапно наступившая тишина...»² Он наслаждался «блаженной тишиной», слышал «сухой шорох осыпавшейся земли», гильзы на дне окопа «тоненько, мелодично позвякивали, словно невидимые, скрытые под землей колокольчики». «застрекотал кузнечик», шмель «с жужжанием, похожим на вибрирующий стон низко опущенной басовой струны», сел на ромашку. Ветерок донёс до его слуха «чистый и звонкий крик перепела».³ Звуки мирной жизни ошеломили Звягинцева: «Как будто и боя никакого не было, вот диковинные дела! – изумлённо думал он. – Только что кругом смерть редела на все голоса, и вот тебе, изволь радоваться, перепел выстукивает, как при мирной обстановке, и вся остальная насекомая живность в полном порядке и занимается своими делами... Чудеса, да и только!»⁴ Солдат, переживший смертельный ужас вражеских атак, выстоявший в страшной битве, в недолгие минуты фронтового затишья радостно, хоть и изумлённо, воспринимает звуки природы, напоминающие о мирной жизни, и черпает в этих звуках надежду.

Главы романа начинались с описания того, как звуки, которые слышит в привычной жизни Николай Стрельцов, влияли на его душевное состояние, отражали его повседневные заботы, радости и пере-

живания. Символично, что, оказавшись на фронте, в одном из боев он получает тяжёлую контузию, в результате которой теряет слух. Звуки уходят из его жизни, но это не меняет внутреннего стержня солдата, его убеждений в необходимости уничтожить врага, дойти до победы. Стрельцов возвращается к своим однополчанам, чтобы продолжать воевать. Он не мог оставаться в медсанбате, хотя врачи настаивали на лечении: «А потом я просто не мог там оставаться. Полк был в очень тяжёлом положении, вас оставилось немного... Как я мог не прийти? Вот я и пришёл. Дратесь рядом с товарищами ведь можно и глухому, верно, Петя?»⁵ Шолохов, на наш взгляд, намеренно лишает этот персонаж слуха, чтобы подчеркнуть, что даже такая травма (на фоне важности звука для содержания этого произведения) не может сломить патриотизма Николая Стрельцова.

Заключение

Мастерство М. А. Шолохова поражает. Он тонко передаёт психологию фронтовика, умеющего выстоять в невыносимых условиях и восстанавливающего психологическое равновесие в недолгие часы отдыха. Роман пронизан юмором. Балагур Лопахин поднимает настроение однополчанам в самые трудные моменты и радуется их смеху. В главах из романа «Они сражались за Родину» перцептивная лексика со значением звука становится одним из важнейших средств передачи психологического состояния бойца. Её разнообразие и богатство отражают особенность идиостиля Шолохова – пристальное внимание к звуковой стороне жизни, доскональное её знание и умение использовать языковые средства для передачи главных идей художественного произведения.

Роман буквально пронизан лексикой звука. М. А. Шолохов виртуозно находит не только множество значений и оттенков в звуковой лексике, но и использует её во всех синтаксических функциях. В функ-

¹ Шолохов М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. Они сражались за Родину. Главы из романа. М.: Правда, 1975. С. 127–130.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 159.

ции сказуемого, смысловом центре предложения, выражается звуковое действие, которое влияет на психологическое состояние персонажей. Звуковая лексика в позиции подлежащего называет предмет (в широком смысле), который издаёт звук. Перцептивная лексика в функции обстоятельства обозначает сопутствующие звуковому действию факторы, уточняющие

образ этого действия, степень его проявления. Обращает на себя внимание обилие согласованных определений со звуковой семантикой, которые выражают тонкие и разнообразные оттенки звука. Всё сказанное подтверждает, что для идиостиля М. А. Шолохова использование звуковой перцептивной лексики является важной идиостилистической чертой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеевнина О. Ю. Ситуация восприятия в аспекте её синтаксического и художественного моделирования. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 416 с.
2. Давыдова И. В. Особенности языковой репрезентации перцептивного опыта в научном тексте [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/35FLSK223.html> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Крюкова Л. Б., Колесникова А. Ю. Перцептивная семантика в творчестве В. Пелевина: художественная реализация и аксиологический потенциал языковых единиц // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 131–136.
4. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.
5. Тун Хуэй. Лексика со значением слухового восприятия в рассказе Юрия Коваля «Капитан Крюквин» // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 12. С. 115–120.
6. Дворяшин Ю. А. М. А. Шолохов в сознании современников: к 110-летию со дня рождения писателя // Литература в школе. 2015. № 12. С. 2–7.
7. Ковалева О. В. Изображение экстремальной социально обусловленной ситуации как способ демонстрации жизненных установок персонажа в рассказе М. А. Шолохова «Кривая стёжка» (взгляд лингвиста) // Мир Шолохова. 2024. № 2 (22). С. 46–58.
8. Котовчихина Н. Д. Эпическая проза М. А. Шолохова в русском литературном процессе XX века. М.: Таганка, 2004. 309 с.
9. Сигал К. Я. Своеобразие синтаксиса и пунктуации М. А. Шолохова // Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова / под ред. О. А. Давыдовой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2015. 489 с.

REFERENCES

1. Avdevnina, O. Yu. (2022). *The situation of perception in the aspect of its syntactic and artistic modeling*. Saratov: Saratov State Law Academy Publ. (in Russ.).
2. Davydova, I. V. (2023). Features of linguistic representation of perceptual experience in a scientific text. In: *The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*, 14 (2). Available at: <https://sfk-mn.ru/35FLSK223.html> (accessed: 10.04.2025) (in Russ.).
3. Kryukova, L. B. & Kolesnikova, A. Yu. (2020). Perceptual semantics in the works of V. Pelevin: artistic realization and axiological potential of linguistic units. In: *Modern Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity: collection of articles*. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language Publ., pp. 131–136 (in Russ.).
4. Ruzin, I. G. (1994). Cognitive strategies of naming: modes of perception (vision, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language. In: *Voprosy yazykoznaniya*, 6, 79–100 (in Russ.).
5. Tong Hui. (2015). Lexicon with the meaning of acoustical perception in Yuri Koval's story "Captain Klyukvin." In: *Bulletin of Vyatka State University*, 12, 115–120 (in Russ.).
6. Dvoryashin, Yu. A. (2015). M. A. Sholokhov in the minds of his contemporaries: the 110th anniversary of the writer's birth. In: *Literature at school*, 12, 2–7 (in Russ.).
7. Kovaleva, O. V. (2024). Depiction of an extreme socially conditioned situation as a way of demonstrating the character's life attitudes in M. A. Sholokhov's story "Crooked Stitch" (a linguist's view). In: *The World of Sholokhov*, 2 (22), 46–58 (in Russ.).

8. Kotovchikhin, N. D. (2004). *Epic prose of M. A. Sholokhov in the Russian literary process of the twentieth century*. Moscow: Taganka Publ. (in Russ.).
9. Sigal, K. Ya. (2015). Peculiarities of syntax and punctuation of M. A. Sholokhov. In: *Ethnolinguistics and linguacultural studies of Mikhail Sholokhov's fiction texts*. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ., 2015. 489 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.18384/2949-5008-2025-3-26-37

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СТРУКТУРЕ КОНКОРДАНСА РАССКАЗА М. А. ШОЛОХОВА «НАХАЛЁНОК»

Давыдова О. А.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: dav.ol@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2025

Принята к публикации 14.03.2025

Аннотация

Цель. Показ разнообразия использованных фразеологизмов (ФЕ), выявленных при составлении конкорданса рассказа М. А. Шолохова «Нахалёнок».

Процедура и методы. Все обороты сверены с данными фразеологических словарей, большинство относится к периферии фразеологии. Устойчивые сочетания разделены на узуальные и трансформированные общенациональные, диалектные и авторские.

Результаты. Предпринята попытка разделить ФЕ на группы по использованию в разных произведениях автора, что позволит выделить ядерные и периферийные фразеологизмы поэтики писателя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа над конкордансом с вниманием к каждому слову позволяет уточнить фразеологизмы, отражённые в словарях языка писателя, и доказать единство стиля М. А. Шолохова как автора «Донских рассказов» и романов.

Ключевые слова: диалектные ФЕ, идиомы, конкорданс, М. А. Шолохов, периферия ФЕ, словарь писателя, фразеологизм (ФЕ), трансформация ФЕ, ядро дискурса

Для цитирования:

Давыдова О. А. Фразеологизмы в структуре конкорданса рассказа М. А. Шолохова «Нахалёнок» // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 26–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-26-37>

Original research article

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE STRUCTURE OF THE CONCORDANCE OF M. A. SHOLOKHOV'S STORY "THE NAUGHTY BOY"

O. Davydova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: dav.ol@mail.ru

Received by the editorial office 10.03.2025

Accepted for publication 14.03.2025

Abstract

Aim. To demonstrate the diversity of phraseological units (PU) identified during the compilation of the concordance of the story by M. A. Sholokhov "Nakhalyonok" ("The Naughty Boy").

Methodology. All the phrases are checked against the data of phraseological dictionaries, most belong to the periphery of phraseology. Stable combinations are divided into customary and transformed national phrases, dialectal and authorial.

Results. An attempt has been made to divide PU into groups based on use in different works of the author, which will make it possible to identify the core and peripheral phraseological units of the writer's poetics.

Research implications. Working on the concordance with attention to each word makes it possible to clarify the phraseological units reflected in the dictionaries of the writer's language, and to prove the unity of M. A. Sholokhov's style as the author of "Don Stories" and novels.

Keywords: M. A. Sholokhov, concordance, phraseology (PU), dialectal PU, idioms, periphery of PU, writer's dictionary, transformation of ou, core of discourse

For citation:

Davydova, O. A. (2025). Phraseological Units in the Structure of the Concordance of M. A. Sholokhov's Story "The Naughty Boy". In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 26–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-26-37>

Введение

Конкорданс – особый тип словарей, в котором с минимальным контекстом представлены все употреблённые автором в этом произведении слова. В современной русской лексикографии конкордансы представлены уже не единичными примерами, но всё же, поскольку составление конкорданса – это чрезвычайно трудоёмкий научный труд, в котором много нерешённых проблем, в настоящее время большинство конкордансов созданы к небольшим по объёму произведениям. Целью данной публикации являются предварительный анализ составленного нами конкорданса рассказа М. А. Шолохова «Нахалёнок», выявление в его составе фразеологизмов и их анализ с позиции поэтики писателя. Это наш второй конкорданс, анализирующий язык одного из ранних (1925 г.) рассказов М. А. Шолохова, который, по мнению исследователей, занимает особое место, т. к. автобиографичен.¹ Сравнение с конкордансом к рассказу «Чужая кровь» [1] – тема специального анализа, но всё же иногда мы будем обращаться к нему. Иные конкордансы произведений классика русской литературы XX в. нам неизвестны.

Любой составитель конкорданса размышляет о способе представления в словаре фразеологизмов [2]. Не будем повторять изложенные в предыдущей статье положения о трудности выделения фразе-

ологизмов (далее ФЕ – фразеологическая единица) и о кажущемся нам приемлемом способе представления их в структуре статьи конкорданса.

О специфике конкорданса как типа словаря и проблемах фиксации в нём фразеологических единиц шолоховских текстов

Изложим общие сведения о представленном конкордансе и о месте ФЕ в нём. Предварительно отметим, что текст рассказа «Нахалёнок» в интернете (существует в нескольких вариантах) отличается от текста рассказа в собраниях сочинений писателя, поэтому все примеры приведены по собранию сочинений М. А. Шолохова², в котором рассказ опубликован в 7 томе, поэтому после примеров указаны страницы по этому изданию. В примерах из других произведений писателя указано произведение и указаны страницы по этому изданию.

Конкорданс рассказа «Нахалёнок» включает 7235 слов, 1996 разных лексем и 84 ФЕ. Повторим общее, но чрезвычайно важное для всех составителей конкордансов положение: все цифры относительны, т. к. чрезвычайно трудно снять омонимию, в разных современных толковых словарях представленную по-разному. Особую трудность для конкордансов М. А. Шолохова представляют звукоподражательные слова, которые он чрезвычайно любил и часто

¹ Васильев В. В., Воронцова Г. Н. Нахалёнок // Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Дворяшин. М.: Синергия, 2012. С. 501.

² См.: Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1985–1986.

использовал: *Потом размеренно захлопали залпы. Трах!.. Та-тра-рах!.. Та-трах! Будто гвозди вбивают.* (320) – это одно, два или три разных слова? Грамматические формы, состоящие из нескольких слов, или наречия, имеющие слитные или раздельные написания (*в дыбки, вдыбки*) считать одним словом или двумя?

Таких трудностей при подсчётах достаточно. С ФЕ ещё труднее. Поскольку в науке существуют разные подходы к пониманию фразеологии (узкий и широкий), а существующие фразеологические словари имеют очень небольшие словники, то постоянно возникают вопросы, считать ли какое-либо образное или безобразное, но повторяющееся неоднословное сочетание фразеологизмом или нет (особенно это касается авторских ФЕ).

Хотя фразеология представлена в «Словаре языка Михаила Шолохова»¹, который относится к словарям дифференциального типа, в нём отражена только субстандартная лексика, а фразеология представлена в меньшем объёме (в него не попали многочисленные просторечные ФЕ). Шолоховской фразеологии посвящён специальный словарь², но в силу разных причин он далеко не полный, так что даже когда фразеологизм отражён в нём, то во многих случаях не указаны все употребления ФЕ. Поэтому, придерживаясь широкого понимания фразеологии, фразеологизмом (кроме специально оговоренных случаев) мы считали такое устойчивое сочетание слов, которое представлено хотя бы в одном из существующих фразеологических словарей русского языка. Чаще всего таким словарём являлся словарь А. И. Федорова³ как самый полный по объёму словника, поэтому если после приведённой ФЕ указано значение, то оно дано по данному словарю. В иных случаях это специально оговаривается.

¹ См.: Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.

² См.: Васильев А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова. Т. 1–2. Стерлитамак, 2015.

³ См.: Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. Новосибирск: Наука, 1995.

Предварительное сравнение с конкордансом рассказа «Чужая кровь» показывает, что хотя текст рассказа «Нахалёнок» почти в полтора раза больше (7235 и 4730 слов), но разнообразие лексем почти одинаковое (1996 и 1900), а разнообразие фразеологизмов больше (84 и 60). Видимо, чтобы сделать заключение о разнообразии языковых средств, использованных, по исследованиям лингвистов, «высокоуникальным» писателем, нужны сравнения и с другими, хотя бы небольшими по объёму текстами.

Фразеологические единицы в тексте рассказа «Нахалёнок» как предмет лексикографической репрезентации в конкордансе

ФЕ писателя неоднократно были предметом изучения [3–7 и др.].

Традиционно принято делить фразеологизмы М. А. Шолохова на три группы: ФЕ литературного языка и примыкающие к ним многочисленные просторечные фразеологизмы; диалектные ФЕ и авторские ФЕ. Естественно, что это различные по объёму группы и в любом произведении наиболее широко представлены общенациональные ФЕ.

Первая группа многочисленна и разнообразна и в анализируемом рассказе, составляющие её ФЕ могут быть охарактеризованы по-разному. Мы обратили внимание на то, что большую её часть составляют ФЕ периферии фразеологии. Среди них много междометных ФЕ: – *Мать родная, да ведь это парнишка!..* (323) (*мать родная! Разг. Экспрес.* ‘Восклицание, выражающее изумление, восторг, неожиданность’); *Я тебе, окаянный, прости господи!.. Постучи у меня, я те стукну!* (308) (*прости господи Разг. Экспрес.* ‘Сознаю перед Богом резкость сказанного’); *Посажу я тебя, внучек, верхом, и езжай ты с богом на хутор Пронин...* (322) (*с богом Устар. Прост.* ‘Пожелание успеха, удачи в каком-либо деле’); – *Вы куда идёте? Воевать? – А то как же? Ну да, воевать!* (316) (*а то как же Разг. Экспрес.* ‘Да, конечно, непременно,

разумеется'); Наказание мне с тобой, **да и только!** (315) (*да и только* Разг. Экспрес. 'Больше нечего сказать') – и наречных ФЕ: Мишка **вырывать**ся, **да не тут-то было.** (300) (*не тут-то было* Разг. Экспрес. 'Напрасно, бесполезно; ничего подобного, похожего'); Сердце **бьётся**, словно **в самом деле** хворостины отпробовал. (300) (в самом деле Разг. 'Действительно; правда'); И вдруг, **откуда ни возьмись**, – шасть ему навстречу высоченный человек в красной рубахе. (311) (*откуда ни возьмись* Разг. Экспрес. 'Совершенно неожиданно, непредвиденно'); Упёрся Мишка в него (портрет. – О. Д.) глазами, **в один миг** всего оцупал. (312) (*в один (единный)* миг Разг. Экспрес. 'Очень быстро, моментально'); На четвереньках юркнул под амбар, с другой стороны **вылез и был таков!** (305) (*и был таков* Разг. Экспрес. 'Убежал, скрылся; быстро исчез') и др. Несколько устойчивых образований – это эмоциональные обращения: – **Значит, ты, сукин кот, не жалеешь батяньку?** (303) (*сукин кот* Прост. 'Вид незлой, полусутиливой брани, выражающей порицание, осуждение'); С **господами** воевал, **мой любонький.** (307) (ласковое обращение).

Среди общенациональных узуальных ФЕ довольно много выражений – терминов: одним из немногих повторяющихся в тексте является неоднословный политический термин *Советская власть*: *Когда вырастешь – будешь воевать за Советскую власть*, как твой батька воевал?(310); *...он есть пролетарьят и за Советскую власть...* (314); – *А за кого вы воюете? – За Советскую власть, дурашка!* (316) (*Советская власть* 'Форма управления государством, базирующаяся на системе Советов народных депутатов. Существовала в России с 1917 по 1991 г.'¹), также повторяющийся термин *Красная гвардия*: *Стали солдаты и рабочие прозываться Красной гвардией. Вот и я был в Красной гвардии.* (309); (*Красная Гвардия* 'Основная форма организации вооружённых сил пролетариата во время подготов-

ки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в начальный период гражданской войны 1918–20'² Менее известная и тоже повторяющаяся единица *общественный амбар*: *Солдаты ходили по дворам: шупали штыками землю в сараях, доставали зарытый хлеб и свозили на подводах в общественный амбар.* (317); *Дед запряг в повозку старого Савраску, покряхтел, постонал, насыпал восемь мешков, сокрушённо махнул рукой и повёз к общественному амбару.* (318) (видимо, 'амбар, в котором хранилось зерно всей станицы'. Исследователи отмечают, что общественные амбары были характерны для русской деревни и до революции: «До начала XX века в каждом поселении был общественный амбар, который внутри делится на закрома. Здесь хранились зерновые запасы деревни на случай стихийных ситуаций (пожары, гибель семенного фонда, неурожай и другие). Амбары разного размера строились в складчину, домохозяйства были обязаны сдавать часть урожая в страховую фонд. За исполнением и за сохранность зерна отвечала специальная служба из односельчан».³ Выделяем ФЕ *Вяземский пряник*, определение которого попало даже в современный толковый словарь, но не с совсем точной дефиницией: *Со службы принёс он сыну в подарок старый-престарый, зачерствевший от времени вяземский пряник и немножко приношенные сапожки.* (304) (*вяземские пряники*. 'Пряники в форме кирпичиков с фруктовой начинкой (первоначально изготавливавшиеся в г. Вязьме)'.⁴ Однако специалисты указывают более точные признаки именно этого вида сладости: «Вяземский пряник – один из трёх известных русских пряников: кроме него, до революции были известны также Московский и Тульский. Вяземский, к слову, ровесник Тульского – оба впервые

¹ Россия // Большой лингвострановедческий словарь / гл. ред. Е. Ю. Прохоров. М.: АСТ-Пресс, 2009. С. 534.

² Красная гвардия // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 1 / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 968.

³ Колибаба С. Амбар, анбар, онбар – этимология [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2013/07/19/773> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Пряник // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1041.

упоминаются в письменных источниках в XVII веке (то есть появились они, вероятно, ещё раньше). ... Вяземский пряник был самым маленьким – он составлял 1/8, «осьмушку», от тульского собрата (это примерно 4 на 2,5 сантиметра) и был настолько крохотным, что на нём помещались всего три или четыре буквы – «ВЯЗ» или «ВЯЗЪ». ... Несмотря на размер, вяземские пряники были самыми дорогими из всех».¹

Среди ФЕ рассказа фразеологические сочетания: *Чужак, хмура брови, долго что-то выкрикивал.* (314); *Человек с чудным прозвищем «комбат» нахмурил брови, крикнул строго.* (316) (*хмурить / нахмурить брови* Разг. 'Выражать недовольство или озабоченность, сдвигая брови'²); *лежит поперёк дороги жёлтый хвостатый кобель, зубы скалит.* (317); *Видны оскаленные зубы, щека висит, отрубленная вместе с костью...* (321) (*скалить зубы* 'Раздвигая губы, обнажать, показывать зубы'³).

Мы отметили много выражений с прозрачной образностью, которые близки к свободным сочетаниям слов: *С утра до вечера шёл дождь. Небо закрылось сизым пологом.* (313) (*с утра до вечера* 'Весь день'⁴); *Твой батянька матросом был и за коммунию четыре года кровь проливал* (310) (*проливать / пролить кровь* Высок. 'Погибать, защищая кого-либо или что-либо'); *Не для того мы забрали власть в свои руки, чтобы отдать её буржуазам!* (310) (*брать / взять в <свои> руки* 'Принимать на себя руководство, управление чем-либо'); – *Ну, как хочешь, – говорит товарищ Ленин, – а без тебя у меня – неуправка!* (311) (*как <ты> хочешь* Прост. 'Сам выходи из за-

труднительного положения'); – *Ну, что ж, иди, ежели твоё дело правое.* (321) (*правое дело* 'Правда, справедливость').

У исследователей не существует единства по вопросу, можно ли считать наречия, подобные *под мышкой, на четвереньках* объектом фразеологии, тем не менее, они отражены в современных фразеологических словарях: *В субботу вечером сторож из исполкома привёл во двор низенького человека в шинели и с кожаным портфелем под мышкой.* (312) (*под мышкой* 'Под плечевым сгибом (держат, нести что-либо)'; *Мишка деду всегда готов услужить: на четвереньках юркнул под амбар, с другой стороны вылез и был таков!* (305); *Упал с повозки, хотел бежать, но ноги подвернулись, на четвереньках прополз до крыльца и ткнулся головой в песок.* (321) (*на четвереньках* 'Одновременно на обеих руках и ногах (ползти, лезть, стоять и т. п.)'); *Дед только крякнул, целуя служивого, шепнул ему на ухо: – Фомушка... сынок!* (319) (*на ухо* Разг. 'По секрету, тихо, чтобы никто не слышал (сказать, сообщить и т. п.)', *на ухо* нареч. обстоят. качества разг. Тихо, шёпотом'⁵); *На площади – ни души.* (317) (*ни <единой (одной) живой> души.* Разг. Экспрес. 'Никого'); – *Го-го-го!.. – кричит батянька и знай себе пестует Мишку.* (300) (*знай себе* Разг. Экспрес. 'Не переставая, продолжая начатое').

Многие общенациональные ФЕ содержат соматизмы и основаны на традиционных жестах (шолоховские ФЕ с соматизмами неоднократно были объектом исследования [8; 9 и др.]: *Вскочил в горницу – на глаза попался мешок.* (317) (*на глаза* 'В поле зрения кого-либо (попадаться, показываться и т. п.)'; *перед взором кого-либо (являться, предстать и т. п.)*); *К дому бежит, а перед глазами сковородка, а на ней его, Мишку, жарят...* (303); *Но у Мишки перед глазами встаёт батянькин остеклевевший кровянистый глаз.* (322) (*перед глазами* Разг. 'Рядом, поблизости'; *Мишка*

¹ Матвеева К. Лакомство для королевы. 5 фактов о вяземском прянике [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: https://smol.aif.ru/society/history/lakomstvo_dlya_korolevy_5_faktov_o_vyazemskom_pryanike (дата обращения: 10.04.2025).

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С. 261.

³ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. С. 1161.

⁴ С утра до вечера // Dic.Academic. Словарь многих выражений: [сайт]. https://all_words.academic.ru/83617/с-утра-до-вечера (дата обращения: 10.04.2025).

⁵ На ухо // Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Gufo.me: [сайт]. URL: https://gufo.me/dict/efremova/na_uho (дата обращения: 10.04.2025).

вырвал у отца из рук карточку, **впился** в неё **глазами** и рот от удивления раскрыл. (312) (впиваться / впитаться глазами в кого, во что. Экспрес. 'Пристально посмотреть на кого-либо, на что-либо'); **Упёрся** Мишка в него (портрет Ленина. – О. Д.) **глазами**, в один миг всего ощупал. (312) (упереться глазами 'Неподвижно остановиться на ком-, чём-либо глазами, взглядом'); У Мишки **глаза разбежались**. Растерянно закружился на одном месте, потом рванулся и подбежал к музыкантам. (315) (глаза разбегаются / разбежались. Разг. Экспрес. 'Кто-либо не может сосредоточить взгляд на чём-либо от разнообразия впечатлений'); **Не успел** Мишка **глазом моргнуть**, как солдат сграбастал его. (300) (не успеешь глазом моргнуть Разг. Экспрес. 'Молниеносно, мгновенно (что-либо произойдёт)'; **Иди с моих глаз долой**, пока я тебя не отбуждала! (с глаз долой 'Прочь, подальше отсюда (поскорее уходить, убираться)') (319); **Протёр** Мишка **глаза** и видит: дверь открылась, хлопнула, дед в горницу бежит, подпрыгивает (300) (протереть глаза (глазки), разг. 'Проснуться, очнуться от сна; прийти в себя'¹; Солдат с трубкой приподнял половицу, заглянул в подпол и **покачал головой**: – Как же вам не стыдно? (319); Дед прошагал, укоризненно **качая головой**. (323) (качать головой Разг. 'Делая движение головой из стороны в сторону, отрицать что-либо, сомневаться в чём-либо'); Понял?... Мишка молча **кивнул головой**. (322) (кивать/ покивать головой Разг. 'Выражать согласие с чем-л.'²).

Несколько ФЕ содержат компонент рука. Один из немногих повторяющихся в тексте рассказа фразеологизмов – махнуть рукой: Щурясь, долго глядел на пруд, увидал Мишку и **рукой махнул**... (305); Мишка с отчаянием **махнул рукой** и сказал: – И сапоги, какие мне батянька принёс, отдам! (313), Сокрушённо **махнул рукой** и повёз к общественному амбару.

(318) (махнуть рукой 'Перестать обращать внимание на кого-либо или что-либо; перестать заниматься чем-либо'³); –**Руки у него коротки!** Папочка не даст ему святого благословения, а без святости он ничего не сделает! (305) (руки коротки Разг. Ирон. 'Нет достаточной силы, власти, влияния; слабоват в чём-либо'); не отмеченный в словарях, но, на наш взгляд, существующий в языке фразеологизм **поднять руку** 'проголосовать «за», активно используемый писателем: Кто за то, товарищи, чтобы Фома Коршунов был председателем? Прошу **поднять руки!** (314); Мишка тоже **поднял руку**. (315); – Шестьдесят три... шестьдесят четыре, – не глядя на Мишку, указал пальцем на его **поднятую руку**, выкрикнул: – шестьдесят пять! (315); Кто за Прохора Лысенкова, прошу **поднять!** Двадцать семь казаков-богатеев и Егор-мельник дружно **подняли руки**. (315); Мишка... тоже **поднял руку**. (315). В тексте «Поднятой целины» при описании разных собраний устойчивое сочетание употреблено 9 раз: **Подымайте руки**, кто за колхоз... Из двухсот семнадцати присутствовавших домохозяев **руки подняли** только шестьдесят семь. – Кто против? **Ни одной руки не поднялось**.⁴ и др. Не отмечена словарями, но существует в дискурсе писателя следующая ФЕ: Один из лежавших под забором встал, **приложил руку к козырьку**, ответил: – Слушаюсь! – и быстро пошёл вдоль забора. (316) ('знак военного приветствия и согласия', возможно, ФЕ синонимична **взять под козырёк** 'Приветствовать по-военному, приложив руку к козырьку'). ФЕ несколько раз употребляется в тексте «Тихого Дона»: – По какому делу? – выезжая навстречу, спросил Иван Алексеевич. – На переговоры, – **прикладывая руку к козырьку**, ответил офицер.⁵; Когда он, от-

¹ Протереть глаза // Dic.Academic. Словарь многих выражений: [сайт]. https://all_words.academic.ru/76043/протереть_глаза (дата обращения: 10.04.2025).

² Мокленко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С. 140.

³ Махнуть рукой // Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ. 1997. С. 129.

⁴ Шолохов М. А. Поднятая целина // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1986. С. 65.

⁵ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.:

махиваясь от назойливого чиновника, проходил мимо Григория, тот преградил ему путь и, **приложив руку к козырьку** фуражки, волнуясь, спросил¹ и др.

К этой же группе ФЕ относятся: *Хочет он что-то крикнуть – язык присох...* (язык присох. 'О человеке, который не может говорить (от страха, волнения и т. п.)'²; – Эй, Михаил Фомич, иди, я тебе **уши оболтаю!** (оболтать уши (ухи) Устар. 'Оттаскать кого-либо за уши'); **По спине мурашки**, скорее бы до деда добежать, расспросить... (мурашки бегают / забегают по спине (по телу, по коже). Разг. Экспрес. 'Ощущение озноба от внезапного сильного страха, волнения, возбуждения и т. п.'). Не успел Мишка **рта раскрыть** в своё оправдание, как дед снял ремешок, (открывать / открыть рот. Разг. Ирон. 'Пытаться выразить своё мнение; начинать говорить что-либо').

К ФЕ с соматическими компонентами примыкают ФЕ: Только тогда **перевёл** Мишка **дух**, когда с головой окунулся в зелёную колючую заросль конопли. (306); Пока добежал Мишка до ворот – запыхался. **Дух не переведёт**. (316); Шепнул, **переводя дух**: – Ну, вот видишь?.. И я поступил в твою войску!.. (317) (переводить/ перевести дух Разг. 'Глубоко дышать, делать глубокий вздох после напряжения физических сил или переживаний, чтобы почувствовать облегчение, отдохнуть'), Почувствовал, как от радости у него **захватило дух**. (311) (захватывает дух Разг. Экспрес. 'Тяжело дышать от избытка чувств, сильного волнения и т. п.'). У Мишки от восторга аж **дух занялся**. (302) (дух занимается/ занялся. Прост. Экспрес. 'От избытка чувств, сильных переживаний тяжело дышать'); Из Мишкиного горла вырвалось рыдание, вскрикнул и **что есть мочи** побежал догонять. (317) (что имел мочи Устар. Экспрес. 'Изо всех сил; очень быстро').

Несколько ФЕ являются устойчивыми сравнительными оборотами или включают

сравнительные союзы: Мишку **как ветром сдуло** с лавки (315) (как <будто, словно, точно> ветром сдуло Разг. 'Быстро, молниеносно, мгновенно исчез (исчезло)'³); Добежал до площади и стал **как вкопанный**. На площади – ни души. (317) (как (словно, точно) вкопанный Разг. Экспрес. 'Совершенно неподвижно'); Сразу, **как отрубил**, решил: – Пойду воевать с ними!.. (315) (как (точно) отрубил Разг. Экспрес. 'Резко, категорически сказал что-либо тонком, не допускающим возражений'); **Как на грех**, в калитке свинья застряла. (303) (как на грех Прост. 'К несчастью; как нарочно, как назло'); Я (Мишка. – О. Д.) тебе... я тебе подарю жестяную коробку хорошую и шию отдам все **как есть** бабки (313) (как есть 'Совсем; абсолютно (всё, ничего)' и в несколько ином значении: ... **как он** (Фома Коршунов. – О. Д.) **есть** пролетарьят и за Советскую власть... (314) ('Настоящий; подлинный'); – Мишка **калачиком свернулся** на лавке. (320) (калачиком (свернуться) (иноск.) 'руку подвернуть в виде калача, – руки и ноги согнуть – скалачить'⁴).

Перечислим ФЕ в узуальном виде, не вошедшие в указанные группы: В погреб полезла (мать. – О. Д.) и там **прокопалась битый час**. (307) (битый час Разг. Экспрес. 'Очень долго. О времени, потраченном на что-либо'); Хотел **тягу задать**, но человек в красной рубаше взял его, Мишку, за рукав и говорит. (311) (задавать / задать) тягу / тягача. Прост. Экспрес. 'Поспешно убежать, спастись бегством'); Мишка вздумал было **крик поднять**, а дед и говорит: – Значит, ты не жалеешь батянюку? Он с дороги уморился, прилёг уснуть, а ты **крик поднимаешь?** (303); Над станицей **поднялся крик**, спешившиеся бандиты тащили с гумен сено, резали овец. (321) (поднимать / поднять крик Разг. 'Бурно выражать нео-

Художественная литература, 1985. С. 129.

¹ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1986. С. 246.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С. 769.

³ Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ. 1997. С. 111.

⁴ Калачиком (свернуться) // Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mikhelson/подзаборник> (дата обращения: 10.04.2025).

добрение, протест против чего-л.¹); *Собрал солдат и рабочих и ну наколупывать господ! Аж пух и перья с них летят!* (309) (пух да перья летят Прост. Ирон. 'Кто-либо оказывается основательно побитым в драке, терпит поражение в споре, в ссоре'); *Может, без тебя как-нибудь?.. Не ровён час, убьют, пропадём мы тогда!* (319) (не ровён час Прост. Экспрес. 'Мало ли что может случиться, если допустить возможность какой-либо опасности'); – *Я тебе сразу всыплю чертей!.. Поплюю в кой-какие места да хворостинной высушу!* (303) (всыпать чертей Прост. Экспрес. 'Жестоко разбранить, наказать кого-либо').

М. А. Шолохов относится к тем мастерам слова, которые часто обновляют форму фразеологизмов. Виды преобразования традиционны: лексические замены, как правило, компонентами той же семантической группы: Он (отец Мишки. – О. Д.) *продал душу чертям*. (305) (продавать / продать душу дьяволу Предосуд. 'По суеверным представлениям: отдавать свою душу дьяволу в обмен на какие-либо блага'); *В груди что-то сладко защемило, подкатилось к горлу...* (315) (подступать / подступить к горлу Разг. Экспрес. 'Неожиданно, внезапно захватывать, предельно волновать. О сильных и тяжёлых чувствах, переживаниях'). Замена может быть словом другого стилистического пласта: *Задали большевики нам такую заковырину, что мы и рты пораззявили*. (309) (разевать / разинуть рот. Прост. Ирон. 'Проявлять крайнее удивление, изумляться'; *раззявить. простореч.* 'Широко раскрыть; разинуть (рот, пасть и т. п.)' (прост. неод.)²); *Я те полохану по тем местам, откель ноги растут!* (300) (ФЕ *откуда ноги растут* не отражена в словарях, но активно используется; *откель* 'откуда'³. У Шолохова употребляется скорее перифраза, то есть прямое обозначение соответ-

ствующего места). Иногда по сравнению с узуальной ФЕ варьируются оба компонента, но сохраняется семантика фразеологизма: *У Мишки со страху колени подогнулись*. (311) (ноги подкосились Прост. Экспрес. 'О том, кто не может держаться на ногах, испытывая сильное волнение, испуг и т. п.'. В других произведениях писателя ФЕ используется как узуальная: *Когда сзади резко, отрывисто громыхнуло – у него подкосились ноги, и он еле удержал вставшего на дыбы коня...*⁴; *Но когда он, молча расталкивая чему-то улыбавшихся женщин, вошёл в кухню и торопливо осмотрелся, у него подкосились ноги*.⁵ И тот же вариант: *Лошадь с красноармейцем заикобырдала через голову. У другой колени подогнулись, морда по уши в снег*.⁶

Ещё больше словообразовательных преобразований в компонентах ФЕ: *Рассказал всё матери; та только за голову ухвати-лась*. (319) (хвататься / схватиться за голову. Разг. Экспрес. 'Приходить в ужас, в отчаяние и т. п.'), – *Братцы!.. Вон оно куда дело заворачивает!* (314) (дело повернулось Разг. 'Что-либо существенно изменилось, получив иное направление, развитие и т. п.' и изменение вида глагола); *Насилу вырвался, пустился без огляду домой*. (319) (без оглядки Разг. Экспрес. 'Стремительно, быстро, не оглядываясь (бежать, убегать и т. д.)'); *Пораскинули мы умишками – верно*. (309) (раскидывать / раскинуть умом Разг. Экспрес. 'Обдумывать, мысленно рассчитывать, прикидывать и т. п.'); грамматический вариант: *Захохотали ребята, пальцами в Мишку тычут, прыгают вокруг*. (305) (тыкать пальцем Прост. Экспрес. 'Открыто, во всеуслышание осуждать, порицать кого-либо, обращая на это всеобщее внимание'). Для писателя характерны различные преобразования, связан-

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С. 330.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 668.

³ Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 392.

⁴ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1986. С. 407.

⁵ Шолохов М. А. Поднятая целина // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1986. С. 230.

⁶ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1985. С. 200.

ные с соединением двух ФЕ [10; 11]. Не разбирая детально способы преобразования, назовём только контаминированные ФЕ: – *Гоните господ и начальство в три шеи да поганой метлой!* (309) (в три шеи Грубо-прост. ‘Грубо, бесцеремонно с бранью, с побоями (гнать, прогонять, выталкивать и т. п. кого-либо)’ + *грязной (поганой) метлой. Грубо-прост.* ‘Грубо, бесцеремонно (гнать, разгонять и т. п. кого-либо)’; – *А ты не ходи, куда не след! Во всякую дыру нос суёшь!* (315) (совать / сунуть <свой> нос куда, во что. Прост. Презрит. ‘Вмешиваться во что-либо без достаточных знаний, оснований, умения и т. п. или в чужое дело’ + в каждую дыру ‘Повсюду’¹); *Совести у тебя, Мишка, и на ломаный грош нету!* (311) (ни на грош Разг. Экспрес. ‘Ни на самую малость, ничуть’ + *гроша ломаного Прост. Экспрес.* ‘Никаких денег (нет, не давать и т. п.)’).

Одной из особенностей поэтики М. А. Шолохова является использование диалектизмов, в том числе и фразеологических. Их в тексте данного рассказа немного, ФЕ с собственно диалектной образностью единичны: *В носе у них не кругло, товарищ Ленин!* (310) (в носе не кругло ‘Кто-л. недостаточно опытен, не имеет мастерства (обычно по молодости)’²); – *Что вы, говорят, мужики и рабочие, раззяв-то ловите?* (ловить раззяву ‘То же что ловить ворон. Быть рассеянным, невнимательным, ротозейничать’³); – *Да отвяжись ты, короста липучая!.. Жрать захотел – взял кусок и лопай!* (307) (короста липучая ‘Незлобное ругательство о надоедливом человеке’⁴); – *Что тебя лихоманец мучает? Это зачем такую рань поднялся?* (313) (выражение отмечено в словаре, но только

с пометой *Бран.* и с единственным данным примером⁵). Большая часть диалектных ФЕ – это трансформация общенациональных ФЕ одним из диалектных компонентов: *Стал в дыбки и грузно повалился на правый бок.* (323) (в дыбки ‘На задние ноги, на дыбы (о коне и пр.)’⁶); *Душу она мне вынает* своим рёвом. (319) (вынимать / вынуть душу из кого. Устар. Экспрес. ‘Истязать нравственно, мучить, вынать ‘Вынимать’⁷); Мне (деду. – О. Д.) тебя *на двор водить* вовсе без надобности. (313) (ходить / сходить (идти / пойти) на двор. ‘Справлять / справиться нужду, совершать / совершить естественные отправления (обычно в отхожем месте, в туалете)’⁸); *Ума дюже учёного, даром что наших, мужицких, кровей.* (309) (мужицких кровей ‘Мужик по происхождению’, <> *каких кровей?* Какого происхождения кто-л.⁹). Если сравнить диалектные ФЕ двух проанализированных рассказов, то они совершенно разные и в рассказе «Чужая кровь» их значительно больше, т. к. он посвящён описанию жизни казачьего хутора и обозначает реалии этой жизни: *тихий Дон, окружная станица, станичный сход, строевой конь* и др.

Все ли ФЕ выделили мы в тексте рассказа? Скорее всего, нет. Мы уже обращали внимание на те ФЕ, которые не отражены в словарях, но, на наш взгляд, являются фразеологизмами: *приложить руки к козырьку, поднять руку*. Пока можно определить их как авторские ФЕ. Представляется, что к ним можно отнести и образования *родить под забором* ‘родить вне брака’: ...а ты – мужик, и тебя мать *под забором родила!*.. (в словарях отмечено слово *подзаборник* (иноск.) ‘подкинутый (к забору)

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. С. 219.

² В носе не кругло // Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 284.

³ Ловить раззяву // Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 302.

⁴ Короста липучая // Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005. С. 465.

⁵ Лихоманец мучает // Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005. С. 507

⁶ В дыбки // Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 158.

⁷ Вынуть душу // Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 97.

⁸ Ходить на двор // Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 630.

⁹ Мужичьих кровей // Словарь языка Михаила Шолохова. М.: Азбуковник, 2005. С. 481.

ребёнок'¹, разг.-сниж. 'Подкидыш'²) *задать заковырину* 'задать трудную задачу (загадку)': *Задали большевики нам такую заковырину, что мы и рты пораззявили.* (309).

Заключение

Из приведённых примеров видно, что абсолютное большинство ФЕ употреблены писателем только один раз (как и единичные лексемы в этом рассказе: они составляют 64% от всех слов). Интересно отметить, что только две периферийных ФЕ употреблены в двух рассказах писателя, для которых были составлены конкордансы: *хмурить брови* и *советская власть*. Есть ли ФЕ, употреблённые М. А. Шолоховым только в нескольких ранних рассказах и не использованные в дальнейшем, покажет дальнейшее исследование. Пока к таким ФЕ мы можем отнести: *задать тягу*, *знай себе*, *пух да перья летят*, *язык присох* и др. Однако ФЕ употреблены в других произведениях писателя (мы уже выдвигали такой аспект анализа ФЕ³, но он был проведён только на ФЕ из словаря писателя, а там, повторим ещё раз, отражена только небольшая часть ФЕ писателя). Попробуем дополнить данные предыдущей публикации. Естественно, что пока в группы ФЕ по употреблению в разных произведениях мы можем объединить только на базе ФЕ из проанализированного рассказа. Итак, 29% ФЕ автор использует и в «Донских рассказах», и в «Тихом Доне», и в «Поднятой целине»: *как на грех, всыпать чертей, захватило дух* и др.: *Алёшка перевёл дух, рванулся вперёд. На груди его забился холостой рукав чекменя, рот повело*

в сторону.⁴; *К вечеру на делёж приспел и дед Шукарь. Он вломился в дом правления колхоза, еле переводя дух – к Давыдову*.⁵; *На первый день Покрова Пантелей Прокофьевич проснулся, как и всегда, раньше всех; вышел на баз и за голову ухватился: ворота, снятые с петель чьими-то озорными руками и отнесённые на середину улицы, лежали поперёк дороги. Это был позор*.⁶; *Прибыл я в хутор, доложил обо всем Давыдову, он и за голову схватился, орёт на меня: «Ты за ними плохо ухаживал!»*.⁷; *Последующий удар грома был столь силён, сух и раскатистотрескуч, что лошадь Кошевого присела и, вспрянув, завилась в дыбки*.⁸; *Гудел, как паровоз, у меня ажник волос на голове в дыбки подымался!*⁹ и др.

Это ядро дискурса писателя. 27% ФЕ встречаются в рассказе и в «Поднятой целине»: *битый час, не успел глазом моргнуть, с глаз долой* и др.: *Разбегаются глаза, как у малого дитяти на ярмарке перед обилием игрушек; на губах такая ясная, детская улыбка, что впору бы кому-нибудь отечески погладить сажённого атаманища Любишкина по голове*.¹⁰; – *Вы бы поосторожней... Не ровён час, кто заявится и увидит вас, ваше благородие*¹¹ и др. Такие ФЕ показывают разнообразие языка классика русской литературы XX в. и также доказывают единство стиля всех написанных произведений.

¹ Подзаборник // Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mikhelson/> подзаборник (дата обращения: 10.04.2025).

² Подкидыш // Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> подкидыш (дата обращения: 10.04.2025).

³ См.: Давыдова О. А. «Сквозные» фразеологизмы – характерная особенность Шолоховского стиля // Текст. Структура и семантика: доклады XIII международной конференции (Москва, 4–16 апреля 2011 г.): в 2 т. Т. 2. М.: ТВТ Дивизион, 2011. С. 35–46.

⁴ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1985. С. 153.

⁵ Шолохов М. А. Поднятая целина // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1986. С. 121.

⁶ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1985. С. 58.

⁷ Шолохов М. А. Поднятая целина // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1986. С. 225.

⁸ Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1985. С. 33.

⁹ Шолохов М. А. Поднятая целина // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1986. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 119.

¹¹ Шолохов М. А. Поднятая целина // Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1986. С. 155.

Итак, составление конкорданса к рассказу «Нахалёнок» позволило выявить довольно большое количество фразеологизмов, мастерское использование которых – одна из особенностей поэтики М. А. Шолохова. Писатель владеет всей палитрой воспроизводимых устойчивых образований: идиомами, фразеологическими сочетаниями и выражениями, хорошо знаком с донской народной фразеологией. Мы привели все выявленные ФЕ с контекстом. Конечно, большинство ФЕ относятся к периферии фразеологии.

М. А. Шолохов творчески преобразует часть фразеологизмов. Многие из ФЕ характерны для дискурса писателя и использованы им во всех произведениях, не только в ранних «Донских рассказах», но и в романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Такие единицы – ещё одно свидетельство единства поэтики писателя.

Составление конкорданса, внимание к каждой из лексем, употреблённой в том числе и в составе ФЕ, позволяет уточнить данные существующих словарей языка нобелевского лауреата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова О. А. Конкорданс рассказа М. А. Шолохова «Чужая кровь». Предварительные итоги // Мир Шолохова. 2021. № 2 (16). С. 79–88.
2. Давыдова О. А. Фразеологизмы в структуре конкорданса (на материале рассказа М. А. Шолохова «Чужая кровь») // Лингвостилистика. Лингвопоэтика. Лингводидактика: сборник научных статей, посвящённый 100-летию со дня рождения Н. М. Шанского / отв. ред. В. В. Никульцева. М.: Московский финансово-юридический университет, 2022. С. 410–425.
3. Савенкова Л. Б., Глухов В. М. Фразеология в творчестве Шолохова // «Алмазные россыпи русской речи»: языковое мастерство М. А. Шолохова: коллективная монография. 2-е изд. Ростов н/Д.: Южный федеральный университет, 2015. С. 46–49.
4. Савенкова Л. Б. Пословицы и поговорки в творчестве Шолохова // Шолоховская энциклопедия. М.: Синергия, 2013. С. 653–669.
5. Семенова Н. А. Самобытность фразеологии в языке прозы М. А. Шолохова // Художественный текст: структура, семантика, стилистика: сборник научных статей к юбилею Е. И. Дибровой / отв. ред. Л. Г. Чапаева. М.: Московский государственный открытый педагогический университет имени М. А. Шолохова, 2013. С. 129–136.
6. Семенова Н. А. Фразеология в художественной прозе М. А. Шолохова // Русский язык в школе. 2020. № 81 (5). С. 43–48. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-43-48.
7. Мухамеджанова А. М. Терминологические словосочетания и образованные на их базе фразеологические единицы в аспекте лексико-семантической сочетаемости в художественной прозе М. Шолохова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 106–113.
8. Туркулец И. А. Фразеологизмы с компонентом-соматизмом «ноги», описывающие эмоциональное состояние (на материале художественных текстов М. А. Шолохова) // European Social Science Journal. 2014. № 12 (51). С. 172–176.
9. Туркулец И. А. Семантические особенности фразеологизмов с компонентом-соматизмом «руки» // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Комсомольск-на-Амуре, 30–31 марта 2017 г.). Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2017. С. 108–113.
10. Павлиненко Т. Л. Контаминация фразеологизмов в художественной прозе М. А. Шолохова: эстетический аспект // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность: материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 22 ноября 2005 г.). Ростов н/Д.: Южный федеральный университет, 2006. С. 169–174.
11. Внуковская А. В. Контаминация фразеологизмов как средство речевой характеристики персонажей в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 2. С. 47–57. DOI: 10.37482/2687-1505-V333.

REFERENCES

1. Davydova, O. A. (2021). Concordance of the story by M. A. Sholokhov "Alien Blood". Preliminary results. In: *The World of Sholokhov*, 2 (16), 79–88 (in Russ.).
2. Davydova, O. A. (2022). Phraseologisms in the structure of concordance (based on the story by M. A. Sholokhov "Alien Blood"). In: *Lingvostylistics. Lingvopoetics. Lingvodidactics: a collection of scientific articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of N. M. Shansky*. Moscow: Moscow University of Finance and Law Publ., pp. 410–425 (in Russ.).
3. Savenkova, L. B. & Glukhov, V. M. (2015). Phraseology in the works of Sholokhov. In: "Diamond placers of Russian speech": the linguistic mastery of M. A. Sholokhov: a collective monograph. Rostov on Don: Southern Federal University Publ., pp. 46–49 (in Russ.).
4. Savenkova, L. B. (2013). Proverbs and sayings in the works of Sholokhov. In: *Sholokhov Encyclopedia*. Moscow: Synergy Publ., pp. 653–669 (in Russ.).
5. Semenova, H. A. (2013). Originality of phraseology in the language of M. A. Sholokhov's prose. In: *Fiction text: structure, semantics, stylistics: a collection of scientific articles for the anniversary of E. I. Dibrova*. Moscow: Moscow State Open Pedagogical University named after M. A. Sholokhov Publ., pp. 129–136 (in Russ.).
6. Semenova, N. A. (2020). Phraseology in the fiction of M. A. Sholokhov. In: *Russian language at school*, 81 (5), 43–48. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-43-48 (in Russ.).
7. Mukhamedzhanova, A. M. (2014). Terminological phrases and phraseological units formed on their basis in the aspect of lexical and semantic compatibility in the fiction of M. Sholokhov. In: *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*, 3, 106–113 (in Russ.).
8. Turkulets, I. A. (2014). Phraseologisms with the somatism component "legs" describing an emotional state (based on the fiction texts of M. A. Sholokhov). In: *European Social Science Journal*, 12 (51), 172–176 (in Russ.).
9. Turkulets, I. A. (2017). Semantic features of phraseologisms with the somatism component "hands." In: *Russian language and literature in a multicultural space: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Komsomolsk-on-Amur, March 30–31, 2017)*. Komsomolsk-on-Amur: Amur Humanitarian and Pedagogical State University Publ., pp. 108–113 (in Russ.).
10. Pavlenko, T. L. (2006). Contamination of phraseological units in the fiction of M. A. Sholokhov: aesthetic aspect. In: *Conceptual problems of literature: artistic cognition: materials of the International scientific conference (Rostov-on-Don, November 22, 2005)*. Rostov on Don: Southern Federal University, pp. 169–174 (in Russ.).
11. Vnukovskaya, A. V. (2024). Contamination of phraseological units as a means of speech characterization of characters in M. A. Sholokhov's novel *Virgin Soil Upturned*. In: *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*, 24 (2), 47–57. DOI: 10.37482/2687-1505-V333 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давыдова Ольга Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ);
e-mail: dav.ol@mail.ru

INFO RMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Davydova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Russian language department, Institute of Philology of the Moscow State Pedagogical University;
e-mail: dav.ol@mail.ru

Научная статья

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-38-46

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «КАЗАЧЬЕЙ УЛЫБКИ» В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Дворенкова А. В., Шаталова О. В.*

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: olshatalova@rambler.ru

Поступила в редакцию 15.04.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Аннотация

Цель. В статье рассматриваются синтагматические связи слов с корнем *улыб-* в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Процедура и методы. Языковому анализу подвергаются лексемы *улыбка, улыбочка, полуулыбка, улыбнуться, улыбаться (заулыбаться), улыбочиво, улыбочивый (безулыбочивый), улыбаясь, улыбнувшись, улыбающийся, улыбавшийся*, выявляются наиболее частотные семантические партнёры данных языковых единиц, представлены мелиоративные и пейоративные оценочные характеристики «казачьей улыбки». Системное описание реализации данных слов в художественном произведении доказывает, что М. А. Шолохов расширяет их смысловую структуру за счёт коннотативных значений.

Результаты. Проанализированы 718 единиц с корнем *улыб-*, установлены синтагматические и парадигматические связи, использованные автором для раскрытия эмоционального состояния героев. На основе этого были определены основные характеристики «казачьей улыбки».

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение данного материала показало, что оценочные характеристики синтагматического окружения диагностируют изменение смысловой наполненности конкретной языковой единицы. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения материалов и выводов в преподавании стилистики русского языка, языка художественной литературы.

Ключевые слова: изобразительно-выразительные средства, синтагматические связи, роман «Тихий Дон», улыбка, Шолохов

Для цитирования:

Дворенкова А. В., Шаталова О. В. Синтагматический потенциал «казачьей улыбки» в романе М. А. Шолохова «Тихий дон» // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 38–46. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-38-46>

Original research article

THE SYNTAGMATIC POTENTIAL OF THE “COSSACK SMILE” IN M. A. SHOLOKHOV’S NOVEL “AND QUIET FLOWS THE DON”

A. Dvorenkova, O. Shatalova*

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: olshatalova@rambler.ru

Received by the editorial office 15.04.2025

Accepted for publication 22.04.2025

Abstract

Aim. The article examines the syntagmatic connections of words with the root *ulyb* (*smile*) in M. A. Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don".

Methodology. The lexemes *smile*, *small smile*, *half-smile*, *to smile*, *to break into a smile* (*smile*), *smilingly*, *smiley* (*unsmiling*), *smiling*, *having smiled* are analyzed, the most frequent semantic partners of these linguistic units are identified, meliorative and pejorative evaluative characteristics of the "Cossack smile" are presented. A systematic description of the realization of these words in a work of fiction proves that M. A. Sholokhov expands their semantic structure due to connotative meanings.

Results. 718 units with the root *ulyb* (*smile*) are analyzed, syntagmatic and paradigmatic connections used by the author to reveal the emotional state of the characters are established. Based on this, the main characteristics of the "Cossack smile" were determined.

Research implications. The study of this material has shown that the evaluative characteristics of the syntagmatic environment diagnose a change in the semantic content of a particular linguistic unit. The practical significance of the research is determined by the possibility of applying materials and conclusions in teaching the stylistics of the Russian language, the language of fiction.

Keywords: visual and expressive means, syntagmatic connections, novel "And Quiet Flows the Don", smile, Sholokhov

For citation:

Dvorenkova, A. V. & Shatalova, O. V. (2025). The Syntagmatic Potential of the "Cossack Smile" in M. A. Sholokhov's Novel "And Quiet Flows the Don". In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 38–46. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-38-46>

Введение

Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» – одно из значимых произведений мировой литературы. Писатель мастерски воссоздаёт поэтику донского края, представляет яркие и выразительные образы героев, тем самым помогает читателю погрузиться в атмосферу казачьей жизни. В. Н. Крупин так характеризует творчество писателя: «И ещё одно я усвоил и исповедую: русский язык, на котором я прочитал бессчётное количество книг, только тому открывается, кто любит главного носителя этого языка – русского человека: сибиряка, архангелогородца, волгара, уральца, жителей Центральной и Южной России. И, любя Михаила Шолохова, преклоняясь перед его талантом, ясно понимаю, что, если бы русское казачество не было им воспето, мы бы, возможно, и не узнали бы его в его полноте».¹

¹ Крупин В. Н. Язык Шолохова – рентген души народа [Электронный ресурс] // Газета «День литературы»: [сайт]. URL: <https://denliteraturi.ru/article/6178> (дата обращения 10.03.2025).

Изучение идиостиля М. А. Шолохова позволяет представить семантическую многоплановость слова, которое в художественном тексте трансформируется в словообраз. Мы будем рассматривать слово «как реализованную единицу идиолекта, а именно конкретный лексико-семантический вариант, которому автор поручил не только представлять фрагмент картины мира, но и доверил трансляцию субъективного взгляда на него, сделал средством отражения ассоциаций, культурной памяти, наличия пресуппозиции» [1, с. 12].

Языку произведений М. А. Шолохова посвящён целый ряд лингвистических исследований учёных: А. А. Горелова (1956) [2], Н. А. Григорьевой (2010) [3], Л. В. Измайловой (1990) [4], Е. В. Каменской (2013) [5], Ю. С. Лычкиной (2005) [6], Е. С. Ольховской (2012) [7], Е. А. Рыбальченко (2011) [8], Т. Д. Четвериковой (2008) [9] и др.

Языковые единицы называют и описывают эмоции как эксплицитно, так и имплицитно. Эмоции выражаются посредством лексем, обладающих эмотивностью. Целью данной статьи является описание синтагматического потенциала «казачьей

улыбки», выявление основных лексических маркёров, сопровождающих этот мимический сигнал.

Семантический параметр мелиоративности / пейоративности как эмоционально-оценочная основа «казачьей улыбки»

И мелиоративность (положительная характеристика), и пейоративность (отрицательная характеристика) непосредственно связаны с категорией эмоциональности и выражаются посредством слов, словосочетаний, синтаксических конструкций.

Положительные (*Тот расцвёл в улыбке, обнажая под влажными усами желтоватые зубы, смущённо помялся: – Что вы, товарищ, спаси Христос! Не стоит денег!*¹) и отрицательные (*Иван Алексеевич скис в улыбке, стал закуривать*) эмоции передаются при помощи соответствующих глагольных форм, которые сопровождают лексему улыбка. Писатель органично вводит в художественный текст элементы живой речи, что свидетельствует о том, что «народно-разговорная стихия обладает мощным зарядом функционально-стилистических возможностей, является одним из ярких изобразительно-выразительных средств русского языка» [10, с. 167]: *Снова, как тогда, в первый раз, на террасе моховского дома, улыбка жиганула Митьку крапивным укусом.* У стилистически окрашенного глагола *жигануть* в современном русском языке фиксируется значение *прост.* ‘резко, сильно ударить кнутом, прутом’². «Язык произведений таких известных писателей, как М. А. Шолохов, – это сложно организованная система, в которой просторечные или диалектные, жаргонные единицы взаимодействуют со словами и фразеологизмами литературно-

го языка».³ Так, например, в одной синтаксической конструкции встречаются стилистически разнородные глаголы: *Мишка зацвёл улыбкой, заёрзал, засуетился в седле...* В одной синтаксической конструкции в отношении однородности вступают члены предложения: *зацвёл (улыбкой) – заёрзал – засуетился*, при этом *зацвёл улыбкой* – метафора с положительной коннотацией, *заёрзал* – разговорная единица со значением *разг.* ‘сидя, беспокойно двигаться, ворочаться’⁴, *засуетился* – стилистически нейтральная языковая единица.

Шолохов активно использует в качестве семантических партнёров деепричастные формы, при этом наблюдается тенденция семантического развития слова по пути экспрессивизации: – *Женаты вы? – спросила девушка, тепля затаённую улыбку; Митька внезапно покраснел, а она, играя улыбкой и веточкой осыпавшейся на пол тепличной клубники, спрашивала: – Что же, Митя, девушки вас любят?; Про то речь, что выдавать, кубыть, и рано, – миротворил хозяин, лоснясь улыбкой; Штокман прислонился к печке, давя кривую улыбку; Григорий вышел, дрожа улыбкой, со взбешёнными глазами; Наталья, ёжа в улыбке растрескавшиеся губы, подвела коня к косилке, примащивалась сесть с косилочного стула.*

Лексема улыбка в современном русском языке выступает в значении ‘движение мышц лица (губ, глаз), показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие, насмешку и т. п.’⁵ И целую палитру эмоций донских казаков Шолохов показывает через использование эпитета. Корпус мелиоративных слов признакового характера состоит из единиц, выражаю-

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Шолохов М. А. Тихий Дон [Электронный ресурс]. URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/proza/tihij-don/index.html> (дата обращения: 10.01.2025).

² Жигануть // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 11.04.2025).

³ Войлова К. А., Леденёва В. В. История русского литературного языка: учебник для вузов. М.: Дрофа, 2009. С. 478.

⁴ Заёрзать // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 11.04.2025).

⁵ Улыбка // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 11.04.2025).

щих положительную оценку (*улыбка оживлённая, озорная, трепетная, довольная, широкая, тихая, смущённо-почтительная* и др.): *И после долго не сходила с её губ **трепетная улыбка**, а увлажнённые глаза сияли счастьем, как у молоденькой девушки.* Фонд пейоративных единиц гораздо ярче и значительнее представлен в романе «Тихий Дон». Для передачи внутреннего психологического состояния героев Шолохов активно использует в качестве семантических партнёров эпитеты с отрицательной семой (*улыбка жалкая, униженная, обожлённая, глупейшая, туго натянутая, вымученная, язвительная, пренебрежительная* и др.): *Листницкий протирал пенсне, вдыхая за клубившийся вокруг него запах вербены, и улыбался, – сам сознавая это, – **глупейшей, туго натянутой улыбкой.*** Словообразовательными особенностями пейоративных единиц являются лексемы с суффиксами субъективной оценки: Один из них, по фамилии Горигасов, не поздоровавшись, **с поганенькой улыбочкой** поглядывая на Штокмана и лежавшего на кровати Ивана Алексеевича, сказал: – Довоевались! Дома хлеб у родных забирают, а тут приходится воевать неизвестно за что... Отрицательная и положительная характеристики героя выражаются в тексте и таким художественным средством, как сравнение: *Умел он с такой издёвкой улыбнуться, что **улыбка жгла не хуже удара аранником*** (на сравнение с отрицательной коннотацией указывает наречие *хуже*). – *На губах её **трепетно, солнечным зайчиком дрожала улыбка**...* (на сравнение с положительной коннотацией указывает форма творительного падежа с уменьшительно-ласкательным суффиксом *зайчиком*).

Но самым излюбленным приёмом при передаче эмоционального и психологического состояния героев является использование Шолоховым наречий мелиоративного / пейоративного характера. Такой отбор языковых средств и способ их комбинирования можно считать одной из главных особенностей идиостиля писателя. Указывая на признак признака,

наречие в романе «Тихий Дон» выполняет изобразительно-выразительную функцию, тем самым предоставляя писателю богатую палитру языковых красок и оттенков.

Проанализированный материал показал, что, исходя из типа выражаемой оценки, выделяются следующие группы эмоционально-оценочных слов:

1) слова с положительно-оценочным значением (*дружелюбно, одобрительно, обрадованно, весело, тепло, приметно, приветливо, ослепительно, беззлобно, спокойно, милостиво, блаженно, добродушно, ласково* и др.: – Ну и народишки пошёл! – уже **весело улыбался** Кудинов, играя по-яскому, добрея с каждой минутой; Краснов, **милостиво улыбаясь**, разрешил себе побаловаться шуткой);

2) языковые единицы с негативно-оценочной семантикой (*презрительно, зло, холодно, хладнокровно, снисходительно, едко, нервно, сурово, хмуро, пасмурно, криво, жалко, кисло, натянуто, вымученно, насильно, насильственно, натужно, вяло, мучительно, грязно* и др.: Григорий заметил это; выпрямившись, **зло улынулся**; На всю сотню весельчак и похабник, бессовестный и нагловатый Егорка Жарков встречал в разговор, **подмигивая и грязно улыбаясь**);

3) слова, которые в зависимости от контекста приобретают или мелиоративную, или пейоративную коннотацию (*тихо, сдержанно, чуть приметно, неуверенно, чуть заметно, скупое, конфузливо, смущённо, полусмущённо, растерянно, просительно, виновато, туго и как-то вкось, взволнованно, небывало застенчиво, неловко, хитро, шельмовато, насмешливо, иронически* и др.: Удлиненный худобою **рот его широко и неуверенно улыбался**; Взгляд их был осмыслен и полыхал таким нетерпеливым ожиданием, что старуха **чуть приметно улынулась**).

Это деление весьма условно, оно не передаёт всей палитры эмоций, оценок и красок, которые выражают использованные автором наречия. Отрицательная или положительная оценка в семантике языковых единиц не является единственным показателем пейоративности / мелиора-

тивности, в качестве дополнения контекст наполняется лексемами и словосочетаниями соответствующего содержания: *Сашка поддёргивал спадавшие портки, подмигивал, шельмовато улыбался. Улыбка вытанцовывалась у него наискось через всё лицо: от прижмуренного левого глаза до розового шрама, стекавшего из правого угла рта. Поперечная была улыбка, но приятная.*

Эмоционально-эстетическое воздействие на адресата оказывают не только одиночные формы, но и группы наречных единиц, актуализирующих семантические признаки «особенности психологического состояния человека». В данном случае писатель отдаёт предпочтение двум однородным обстоятельствам, выраженным наречиями: *улыбаться (как?) – униженно и подобо-страстно, смущённо и озлобленно, задумчиво и хмуро, уверенно и твёрдо, хмуро и натянуто, тонко и ехидно, беззлобно и весело, жалко и непринуждённо, непонятно и коротко* и др.: *Раскусив его, Петро прикинулся сиротой, униженно и подобо-страстно улыбался, но с «вы» незаметно перешёл на «ты»; Раскачиваясь, Давыдка тяжело ходил по кругу, высоко задира л ноги и теперь уже беззлобно и весело улыбался.*

Особую выразительность языку романа придают сочетания слов, которые вступают в семантически и стилистически нехарактерные связи (например, *улыбчивая серьёзность* – значение слова *улыбчивый* – разг. ‘часто улыбающийся, весёлый (о человеке) || выражающий улыбку, улыбающийся’¹, значение слова *серьёзность* – ‘свойство и состояние по значению прилагательного *серьёзный* (‘отличающийся вдумчивостью и строгостью своих мыслей || отличающийся вдумчивым и строгим отношением к своему делу, хорошо знающий своё дело’)² Из комна-

ты, смежной с их спальней, перевели его в угловую под предлогом ремонта, о котором Горчаков говорил, покусывая ус, храня на помолодевшем, выбритом лице улыбчивую серьёзность.

Таким образом, «контекстуальные партнёры лексических единиц формируют, корректируют – в соответствии с установкой писателя – семантический объём слов и конкретных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), генерируют особые смыслы...» [1, с. 241].

Улыбка как средство портретирования героев романа «Тихий Дон»

Портреты героев романа «Тихий Дон» являются отражением авторского языкового сознания М. А. Шолохова. Образы донских казаков репрезентированы средствами изобразительности художественного текста, а основными особенностями выступают многозначность и конкретность, эмоциональность и рациональность, объективность и субъективность. Основными принципами портретирования являются следующие: описание поступков, индивидуализация речи, описание внешности и др. В том случае, когда речь идёт об одном из значимых невербальных сигналов – улыбке, самым действенным принципом выступает описание манеры поведения и привычек героя. Многоликость улыбки как отличительный признак персонажа делает героев романа реальными и живыми.

Так, например, главного героя романа Григория Мелихова характеризует богатая в семантическом плане улыбка: *дружелюбная, невесёлая, виноватая, просящая, звероватая, насильственная, хмурая, грустная, ободряющая, кривая, обозлённая* и т. д. А вот при описании Штокмана (его образ символизирует революцию, которая разрушает мирную жизнь) писатель использует соответствующие художественные средства выразительности: *Умел он с такой издёвкой улыбнуться, что улыбка жгла не хуже удара аранником; Штокман прислонился к печке, давая кривую улыбку;*

¹ Улыбчивый // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 11.04.2025).

² Серьёзность // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 11.04.2025).

беспричинно ёжил улыбкой губы, улыбался догадливо, скупо и т. п.

Семантика слов с корнем улыб- диктует данным лексемам наличие определённых контекстуальных партнёров. Мы выделили несколько моделей словосочетаний.

1) **улыбка (улыбаться) – глаза:** Митька Коришунов **улыбнулся** **одними зелёными глазами**, закрутил тонкий пушистый ус. Дым он **столбом выбрасывал из ноздрей, сверлил стоявшего у притолоки Григория холодными, безулыбчивыми глазами** и всё постукивал снизу папиросу прокуренным выпуклым ногтем. В эту группу включаем такие сочетания, как: **глаза смотрели улыбочиво** и виновато; **улыбнулся** **круглыми карими глазами**; **улыбаясь** **одними глазами**; **улыбалась** **заплаканными глазами**; **улыбаясь** **серыми**, **в густой опуши ресниц, глазами**; **в безулыбчивых глазах** **холодок** и др.;

2) **улыбка (улыбаться) – губы:** И опять Григорий почувствовал, как, помимо воли, **кривит его губы улыбка**, виноватая и просящая, и он покраснел от стыда за своё невольное, неподвластное разуму проявление слабости. Вёз их казак-старообрядец с таким детским розовым и чистым лицом, что даже Штокман **беспричинно ёжил улыбкой губы**, глядя на него. Вот ещё целый ряд подобных примеров: **губы его расщепляла** **напряжённая улыбка**; **лёгкая удивлённая улыбка** **скользнула по её губам**; **движением губ он стёр улыбку**; **под рыжими усами губы** **расползались в улыбку**; **улыбнулся краешком губ**; **ёжа в улыбке** **растрескавшиеся губы**; **подобие улыбки** **тронуло его некогда твёрдые, теперь обезображенные губы** и др. Общие семы языковых единиц **ёжить**, **кривить** – (**ёжить** – разг. ‘морщить, стягивать (губы, нос, лицо)’¹; **кривить** – ‘перекашивать в гримасе (лицо, рот, губы)’²) доказывают, что «казачья улыбка» одними губами не является проявлением положи-

тельной эмоции, это тип реакции вне желания героя. В этот ряд можно включить глаголы **расползались** (**губы в улыбке**), **расщепляла** (**губы улыбка**), которые становятся контекстуальными синонимами. В лексикографических источниках у них не фиксируются общие семы с глаголами **кривить**, **ёжить**, однако приведённые выше контексты свидетельствуют о том, что у них развивается дополнительный оттенок ‘перекашивать в гримасе (лицо, рот, губы)’;

3) **улыбка (улыбаться) – рот:** Иванков опасново подмигнул Митьке, **вывернул в улыбке трегубый рот**. Удлинённый худобою **рот его широко и неуверенно улыбался. В углах рта ещё долго таилась чуть приметная улыбка**. Отметим, что в эту группу можно включить сочетаемость лексемы **улыбка** с лексемой **зубы**, при этом автор данной синтагматикой подчёркивает сильное проявление положительной или отрицательной эмоции: **щерит рот в белозубой улыбке**; **открыл в улыбке белозубый рот**; **обнажил в улыбке кипенные зубы**; **в улыбках бело вспыхивали зубы**; **улыбке, оголявшей густые мелкие, как срезанные, зубы** и др.

Синтагматика слов **улыбка** и **зубы** далеко не случайна. Отметим, что вопрос о происхождении слова **улыбка** до сих пор остаётся открытым. Мы предполагаем, что этимология двигалась по следующему семантическому пути: **улыбка** – ***lǫbb** ‘череп’ > ‘нечто оголённое, обнажённое’ > **улыбаться** ‘скалиться подобно черепу, открывать рот (в улыбке)’, ‘обнажать зубы’ > **улыбаться** ‘выражать эмоцию: радость, удовольствие, удивление, насмешку’. До XVIII в. в русском языке функционировала не лексема **улыбаться**, а словоформа **осклабление**, образованная от праславянского ***skolbiti se** (ср. с чешским **sklebiti se** – ‘гримасничать’, ‘усмехаться’, собственно ‘открывать рот, показывая зубы’, ‘скалить зубы’).³ Производные с этим древним корнем находят отражение и в романе «Тихий Дон»: **Мученически скаля зубы, улыбаясь в темноту, Кривошлыков говорил:** – Ну уж

¹ Ёжить // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 11.04.2025).

² Кривить // Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 11.04.2025).

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. С. 289.

ты, братушка!.. – Дуняшка увернулась от щипка и, сияя таким же, как у Григория, белозубым оскалом улыбки, отошла в сторону.

«Обязательным атрибутом донских казаков были усы и борода. Вплоть до начала XX в. сохраняется традиция их ношения в соответствии с возрастным и «служивским» статусом казака: накануне выхода на службу молодые казаки начинали отращивать усы, а носить бороду получали право только уже прошедшие воинскую службу. Согласно традиционным воззрениям, в усах и бороде заключалась жизненная, в том числе и сексуальная, энергия мужчины. Особое место отводится усам и бороде и в казачьем фольклоре».¹ Именно поэтому значительную группу в романе представляет группа **улыбка – усы / улыбка – борода**: *Малый ростом, кругловатого чекана, Сафонов на такое замечание обрадованно улыбнулся в жёлтые с белёсым подбоем усы и с великой охотой согласился принять штаб. Мирон Григорьевич в распахнутом тулупе сидел на подоконнике, улыбался в гнедую бороду*. Представим ещё несколько примеров: *под чёрными подстриженными усами его скользнула улыбка; Стремянников улыбнулся в чёрненькие усики; улыбнулся в подстриженные рыжеватые усы; незаметно улыбнулся в усы; улыбнулся в рыжеватые волнистые усы; улыбнулся в кончик уса; улыбаясь в чёрный поникий ус; улыбаясь из-под подстриженных каштановых усов; в чёрную курчавую бородку улыбнулся Меркулов и др.*

Таким образом, лексема **улыбка** является яркой художественной деталью в романе М. А. Шолохова, средством портретирования героев «Тихого Дона», что требует от автора высокого писательского мастерства.

Заключение

Среди других ярких проявлений психофизиологических реакций мимика и улыбка (как её наиболее значимое проявление)

занимают особое место. «Возможность расположить к себе потенциального собеседника ещё до начала разговора, продемонстрировать ему отсутствие враждебных намерений, успокоить и подбодрить – все эти необходимые условия для успешной коммуникации создаёт такой мощный инструмент психологического воздействия, как наша улыбка» [11, с. 299]. Улыбка (полуулыбка, подобие улыбки, нечто отдалённо похожее на улыбку, похожая на улыбку гримаса) героев художественного произведения – это особый код для постижения характера, внутреннего мира, эмоционального состояния того или иного персонажа. Художественное мастерство М. А. Шолохова проявляется в ограниченном сочетании данных слов с лексемами, которые входят в семантический подкласс, имеющий смысловое ограничение на контекстуальное партнёрство со словами *улыбка, улыбаться* и т. п. Например, к такому подклассу можно отнести колоративы. В тексте романа подобные примеры встречаются, автор намеренно сталкивает такие языковые единицы, усиливая при этом эмоциональную, оценочную составляющую: *Низенький, весь в зелёной седине (на руках и то рос седой волос), с носом, расплюснутым ещё в детстве ударом чекмаря, вечно улыбался он голубой детской улыбкой, мигая на окружающее простодушными, в красных складках, глазами*.

Синтагматический аспект слова **улыбка** отражает национально-культурную специфику донского казачества. Национальное своеобразие находит выражение в языковой форме. С логической точки зрения трудно объяснить принцип сочетания таких единиц, как *улыбчивая серьёзность, на лице грелась улыбка, улыбка жгла не хуже удара арапником, вечно улыбался голубой детской улыбкой, деревянно улыбаясь, улыбка вытанцовывалась* и т. п. Эти сочетания мотивируются особыми этническими признаками и отражают своеобразие жизни и быта локальной исторической общности, увидеть и почувствовать которую можно изнутри благодаря языку романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

¹ Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 150–151.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: Московский государственный областной университет, 2015. 260 с.
2. Горелов А. А. «Тихий Дон» М. Шолохова и русское народное поэтическое творчество // Михаил Шолохов: сборник статей к 50-летию писателя. СПб.: Ленинградский университет, 1956. С. 12–63.
3. Григорьева Н. А. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 219 с.
4. Измайлова Л. В. Индивидуально-авторские образования (окказионализмы) в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1990. 22 с.
5. Каменская Е. В. Композитные структуры в языке романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 147 с.
6. Лычкина Ю. С. Фразеосемантическое поле «Характер человека» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 188 с.
7. Ольховская Е. С. Композиты в романе М. Шолохова «Тихий Дон»: структурно-семантический, словообразовательный и стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2012. 187 с.
8. Рыбальченко Е. А. Колоративная лексика в языке романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 196 с.
9. Четверикова Т. Д. Специфика шолоховского эпитета: на материале романа «Тихий Дон»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 182 с.
10. Войлова К. А. Эмоционально-экспрессивная функция единиц живой речи в условиях художественного текста // Войлова К. А. Избранные труды / сост. В. В. Леденёва. М.: Московский государственный областной университет, 2014. С. 167–173.
11. Фадеева Т. М. Специфика эпитетов, определяющих объект улыбка в художественном тексте // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д-ра филол. наук, профессора Войловой К. А., Москва, 27 февраля 2017 г. / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 299–302.

REFERENCES

1. Ledeneva, V. V. (2015). *Leskov's Word*. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ.).
2. Gorelov, A. A. (1956). "And Quiet Flows the Don" by M. Sholokhov and Russian Folk Poetic Creativity. In: *Mikhail Sholokhov: A Collection of Articles for the Writer's 50th Anniversary*. St. Petersburg: Leningrad University Publ., pp. 12–63. (in Russ.).
3. Grigorieva, N. A. (2010). *Emotive Fragment of the Dialectal Picture of the World of the Don Cossacks: Structural-Semantic and Ethnocultural Aspects*: [dissertation]. Volgograd (in Russ.).
4. Izmailova, L. V. (1990). *Individual-Author's Formations (Occasionalisms) in the Novel "And Quiet Flows the Don" by M. A. Sholokhov*: [dissertation]. Rostov-on-Don (in Russ.).
5. Kamenskaya, E. V. (2013). *Composite structures in the language of M. A. Sholokhov's novel "Quiet Flows the Don"*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
6. Lychkina, Yu. S. (2005). Phraseosemantic field "Human character" in M. A. Sholokhov's novel "Quiet Flows the Don": [dissertation]. Rostov-on-Don (in Russ.).
7. Olkhovskaya, E. S. (2012). Composites in M. Sholokhov's novel "Quiet Flows the Don": structural-semantic, word-formation and stylistic aspects: [dissertation]. Maykop (in Russ.).
8. Rybalchenko, E. A. (2011). Color vocabulary in the language of M. A. Sholokhov's novel "Quiet Flows the Don": [dissertation]. Moscow (in Russ.).
9. Chetverikova, T. D. (2008). Specificity of Sholokhov's epithet: based on the novel "Quiet Flows the Don": [dissertation]. Moscow (in Russ.).
10. Voylova, K. A. (2014). Emotional-expressive function of living speech units in the context of a fiction text. In: *Voylova, K. A. Selected works*. Moscow: Moscow Region State University Publ., pp. 167–173 (in Russ.).
11. Fadeeva, T. M. (2017). Specificity of epithets defining the object smile in a fiction text. In: *Russian language in Slavic intercultural communication: collection of scientific papers based on the results of the international scientific conference dedicated to the memory of Doctor of Philological Sciences, Professor K. A. Voylova, Moscow, February 27, 2017*. Moscow: Moscow Region State University Publ., pp. 299–302 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталова Ольга Викторовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;

ORCHID: 0000-0002-2937-997X; e-mail: olshatalova@rambler.ru

Дворенкова Алина Владимировна (г. Москва) – магистрант факультета русской филологии Государственного университета просвещения;

ORCHID: 0009-0004-7163-2627; e-mail: avdvorenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Professor of the Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education;

ORCHID: 0000-0002-2937-997X; e-mail: olshatalova@rambler.ru

Alina V. Dvorenkova – Master's Student, Faculty of Russian Philology, Federal State University of Education;

ORCHID: 0009-0004-7163-2627; e-mail: avdvorenkova@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-47-56

ТЕМПОРАЛЕМА КАК НЕИЗОСЕМИЧЕСКИЙ ЭКСПЛИКАТОР ВРЕМЕНИ В РАССКАЗЕ М. А. ШОЛОХОВА «ПАСТУХ»

Малинская Т. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: htgytdf@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.03.2025

Принята к публикации 25.03.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать структуру, семантику и прагматику темпоралем в рассказе М. А. Шолохова «Пастух».

Процедура и методы. Посредством сплошной нацеленной выборки из рассказа отобраны примеры, к которым применён метод структурно-семантического анализа, помогающий изучить грамматические и семантические особенности темпоралем.

Результаты. Отмечено наибольшее употребление синтаксисом и наречий в качестве темпоралем. Доказано, что стремление автора к реалистичности и правдоподобию изложения событий подчёркивается использованием простых первообразных единиц. Использование темпоральных субстантивных оборотов и прилагательных ведёт к метафоризации времени и философскому переосмыслению событий.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в актуализации термина *темпоралема*, который может быть использован при изучении неизосемических средств выражения времени высказываний.

Ключевые слова: имя прилагательное, М. А. Шолохов, наречие, служебные части речи, темпоралема, темпоральная синтаксема, темпоральный субстантивный оборот

Для цитирования:

Малинская Т. В. Темпоралема как неизосемический экспликтор времени в рассказе М. А. Шолохова «Пастух» // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 47–56. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-47-56>.

Original research article

THE TEMPORALEME AS AN EXPLICATOR OF NON-ISOSEMIC TIME IN M. A. SHOLOKHOV'S SHORT STORY "THE SHEPHERD"

T. Malinskaya

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: htgytdf@yandex.ru

Received by the editorial office 14.03.2025

Accepted for publication 25.03.2025

Abstract

Aim. To analyze the structure, semantics and pragmatics of temporalemes in M. A. Sholokhov's short story "The Shepherd".

Methodology. Using the method of continuous targeted sampling, examples are identified in the story, to which the method of structural and semantic analysis is applied, which helps to study the grammatical and semantic features of temporalemes.

Results. The greatest use of syntaxes and adverbs as temporalemes is noted. It is proved that the author's desire for realism and plausibility of the presentation of events is emphasized through using simple primitive units. The use of temporal substantive phrases and adjectives leads to a metaphorization of time and a philosophical rethinking of events.

Research implications. The study updates the term "temporaleme", which can be used in the study of non-isosemic means and time of utterances.

Keywords: adjective name, M. A. Sholokhov, adverb, official parts of speech, temporaleme, temporal syntaxeme, temporal substantive turnover

For citation:

Malinskaya, T. V. (2025). The Temporaleme as an Explicator of Non-Isosemic Time in M. A. Sholokhov's Short Story "The Shepherd". In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 47–56. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-47-56>.

Введение

Проблема изучения неизосемических средств выражения времени в предложении является актуальной. Основным – изосемическим – средством представления времени является глагольная форма предиката и полупредикативных единиц (причастий и деепричастий). Но в предложении есть неизосемические экспликативы синтаксического времени. Нами предложен термин *темпоралема*, который обозначает неизосемический класс слов, указывающих на временные отношения в предложении. Отличительной чертой таких языковых единиц является сема времени, содержащаяся во внутренней форме слова или приобретённая в процессе коммуникации.

Темпоралемами могут быть слова как самостоятельных частей речи, так и служебных. К темпоралемам можно отнести синтаксемы и субстантивные обороты с одним или несколькими распространителями, где ядерным компонентом является предложно-падежная форма имени существительного, а также прилагательные и наречия. Служебные части речи представлены в полном составе: союзы, предлоги, частицы. Часто в одном предложении реализуется совокупность неизосемических экспликативов времени.

В рассказе М. А. Шолохова «Пастух»¹ темпоралема помогает автору передать трагизм и реалистичность описанных событий.

Темпоральная синтаксема

Темпоралема может быть выражена темпоральной синтаксемой. Синтаксема как минимальная единица синтаксиса [1] опирается на «лексическое значение, морфологические признаки, но мыслится и реализуется в фиксированном виде непосредственно только в предложении» [2, с. 66].

В рассказе представлены темпоральные синтаксемы как с абсолютным, так и относительным временным значением.

Синтаксемы с абсолютным временным значением наиболее конкретны, моносемичны, не содержат синкретизма значений. Анализируемые единицы являются показателями конкретного времени, что для рассказов М. А. Шолохова является актуальным, т. к. автор старался показать правдоподобность событий, художественный вымысел сближается с реальностью и воспринимается читателями как маркёр определённого исторического времени жизни нашей страны. Темпоральные синтаксемы с абсолютным временным значением представлены тремя группами:

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Шолохов М. А. Пастух [Электронный ресурс] URL: <https://lib.ru/PROZA/SOLOHOV/pastuh.txt> (дата обращения: 02.05.2025).

а) с семантикой времени года: *К осени и половины телят недосчитаемся...* Синтаксема содержит непрямой предлог *к*, указывающий на действие, которое произойдёт близко перед обозначенным временем, и существительное *осени* в дательном падеже. *Тут если пожить лето, так и гутарить разучишься...* Темпоральная синтаксема репрезентирует длительность временного отрезка, совпадающего с тремя летними месяцами, состоит из беспредложной формы винительного падежа существительного *лето*;

б) части суток: *К вечеру, перед закатом солнца, подогнали табун к базу.* Темпоральная синтаксема указывает, что действие закончилось к определённой временной отрезку. *Степь, иссохшая, с чахоточным румянцем зорь, в полдень задышалась от зноя.* Темпоральная синтаксема содержит непрямой предлог *в*, репрезентирующий совпадение действия с обозначенным временем. Лексема *полдень* имеет значение ‘середина дня, время, соответствующее двенадцати часам’¹, содержит семантику времени, поэтому синтаксема является абсолютной. *Начал замечать Гришка, что разрыты кое-какие могилы; кости обглоданные находил неподалеку; а табун, беспокойный по ночам, стал пугливый.* Темпоральная синтаксема состоит из непрямого предлога *по* и множественного числа существительного в дательном падеже, что указывает как на совпадение с обозначенным временем, так и на повторяемость временного плана и действий, его наполняющих. *И среди белого дня становилось жутко.* Темпоральная синтаксема содержит в себе фразеологизм, который в словаре А. И. Фёдорова имеет помету разговорного стиля с экспрессивной окраской в значении ‘днём, при ясном дневном свете’.² Анализируемая единица содержит

семантику времени, следовательно, темпоральная синтаксема является абсолютной;

в) последовательности дней: *А через день пришёл из хутора кузнец Тихон – телушку свою проведать.* Темпоральная синтаксема содержит производный предлог *через*, который ‘указывает на срок, промежуток времени, по истечении которого, спустя который происходит, совершается, повторяется что-л. или на какие-л. промежутки времени’.³ *А на другой день снова по дороге в хутор вышагивала Дунятка. А телята все дошли, и с каждым днём редел и редел табун.* Темпоральные конструкции на *другой день*, *с каждым днём* содержат в себе определённые местоимения. Такой компонент, входящий в синтаксема, «является обязательной вариативной частью подобных конструкций, не анализируется как отдельный элемент-распространитель, осложняющий семантику темпоральной синтаксемы» [3, с. 82], это конституирующая единица, которая ‘перетягивает’ на себя основное значение синтаксем.

Проделанный анализ показал, что темпоральные синтаксем с абсолютным временным значением являются показателями хронологического времени, соотносят действие с конкретным отрезком времени.

Темпоральные синтаксем с относительным временным значением тоже являются неизосемическими экспликаторами времени, следовательно, их можно считать темпоральными. Исследуемые единицы отличаются тем, что «в позиции единиц измерения времени оказываются существительные, не содержащие семы темпоральности. При помещении таких существительных в предложение с временными отношениями значение конструкции накладывается на их лексическое значение. Они становятся образными, метафорическими единицами измерения времени, приобретают пропозиitivность, несут событийные коннотации» [5, с. 34].

Смеются у неё щеки загоревшие, веснушчатые, глаза, губы, вся смеётся, потому

¹ Полдень // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 02.05.2025).

² Среди белого дня // Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] URL: [https://gufo.me/dict/fedorov/sredi_\(среда\)_белого_\(бела\)_дня](https://gufo.me/dict/fedorov/sredi_(среда)_белого_(бела)_дня) (дата обращения: 02.05.2025).

³ Через // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 02.05.2025).

что **на красную горку** пошла ей всего-навсего семнадцатая весна... Темпоральная синтаксема содержит наименование церковного праздника. Использование в советское время номинации, связанной с религией, указывает на то, что в быту крестьяне продолжали обозначать время через устоявшиеся наименования праздников. В словарной статье отмечено, что Красная горка – это «первая неделя после Пасхи (в старину – время свадеб)».¹ Непроизводный предлог *на* указывает на совпадение с обозначенным временем. «Темпоральные конструкции, представляющие номинацию праздников, всегда реализуют относительное временное значение, так как их семантика указывает не только на время протекания действия, но и на сам процесс, на само событие» [6, с. 113].

До света вышел Григорий и *к обеду* с бугра увидел колокольню и домишки, покрытые соломой и жостью. Собрание окончилось *перед рассветом*. *Зарёю* вышла из шалаша Дунятка помёту сухого собрать на топку. *Зорями*, когда пожелтевший Гришка открыл скрипучие ворота база, выходил табун на пастьбу и неизменно направлялся через присохшие холмы могил. *Перед сумерками*, короткими по-осеннему, с бугра съехали двое конных. Анализируемые темпоральные синтаксемы организованы разными предлогами, указывающими на совпадение или предшествование обозначенному времени, или беспредложной падежной формой, но все примеры объединяет то, что существительные помимо временной семантики содержат и номинацию события, следовательно, актуализируется «неэлементарное простое предложение» [7, с. 52]. *Посреди дороги* остановился Григорий, кнутовищем в пыли чертит, высчитывает. Конструкция *посреди дороги* эксплицирует локативное значение, а также прочитывается дополнительная темпоральная семантика, т. к. герои находились в процессе продвижения по дороге,

но отдельные мысли заставили персонажа остановиться во время следования по пути к конечной намеченной точке.

Исследуемые синтаксемы с относительным временным значением всегда соотносят между собою несколько событий, темпоральная единица приобретает оценку через действие, её наполняющее.

Темпоральный субстантивный оборот

Темпоралема может быть выражена субстантивным оборотом с абсолютным и относительным временным значением. Т. Е. Шаповалова выделяет в качестве стержневой единицы субстантивного оборота «имена событийной семантики, являющиеся опорой номинализации события, – девербативы» [4, с. 40].

В рассказе «Пастух» представлено несколько примеров с девербативом *закат*: *К вечеру, перед закатом солнца, подогнали табун к базу. На закате солнца* пришла с хозяевами Дунятка... Как справедливо отмечает Т. Е. Шаповалова, «событийное имя в сочетании с предлогом не теряет полностью лексико-грамматических характеристик производящего глагола и называет событие в более или менее имплицитном виде» [4, с. 41]. Непроизводный предлог *перед* указывает на время события, происходившего непосредственно перед указанным моментом. Непроизводный предлог *на* выражает совпадение с отмеченным временным периодом.

На наш взгляд, интересны два примера экспликаторов темпоралемы: *Плечи оттягивал мешок с мукой, горели до крови растёртые ноги, но бодро и весело шагал он навстречу полыхавшей заре. Переливчатые голоса потухли вместе со звёздами на небе*. Отмечается синкретизм значений локативности, объектности и темпоральности. Субстантивный оборот содержит олицетворение – приписывание неодушевлённым предметам признаков живых организмов. Троп характеризуется эмоциональным прочтением. Природа созвучна чувствам героев. В первом предложении *навстречу полыхавшей заре* от-

¹ Красная горка // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 02.05.2025).

ражает то, насколько сильно повлияло на мировоззрение героя партийное собрание, как он бесстрашно движется в сторону изменений с надеждой на преодоление косного миропорядка, царившего в крестьянском обществе. Если взять расширенный контекст, то второе предложение отражает гнетущее состояние героя, т. к. из-за болезни умирают коровы, которых он пасёт; слышен лишь переливчатый вой волков. Метафоризация времени связана со временем части суток. Именно вечерняя заря и утренние часы (звёзды гаснут утром) воспринимаются героем как время надежд и положительных изменений. Метафоризация времени сближает модели Пути человека с моделью Пути времени [8, с. 53]. «Как и время, жизнь человека необратима и одномерна (линейна): каждый наступающий момент времени снимает альтернативы. Даже кривой путь прям. Жизнь измеряется в единицах времени. Она имеет начало и конец. Воплощённость времени в земном существовании заставляет различать конечное время и вечность. Конечное время наблюдаемо в изменениях, вечность их останавливает» [8, с. 53].

Исследуемый материал показал, что темпоральные субстантивные обороты в рассказе «Пастух» немногочисленны, но отражают метафоризацию времени и переосмысления жизненного пути человека. В них скрыт глубокий философский подтекст.

Темпоральные наречия

В рассказе М. А. Шолохова «Пастух» используются темпоральные наречия, которые наряду с другими временными неизосемическими единицами являются темпоралемами. Ф. И. Панков относит анализируемые наречия к логическим ориентационным собственно-темпоральным наречиям [9, с. 11]. О. А. Грибещенко отмечал, что наречные детерминанты временной семантики «представляют собой окружение предикативной основы высказывания, распространяющее его структурно-коммуникативный минимум» [10, с. 50].

Темпоральные наречия в рассказе можно поделить на несколько групп.

1. Соотнесённость действия с моментом времени. Темпоральное наречие может содержать семантику предшествования, совпадения или следования после обозначенного времени. *Вчера* землю делили: как только кому из бедных достанется добрая полоса, так зачинают передел делать. Я *нынче* доклад о международном положении делаю... *Переночуешь* у меня, а *завтра* пойдёшь. Наречия придают реалистичность происходящим событиям. Конкретизация действия на временной шкале сближает нарративное время с реальным читательским.

2. Указание на время года. *Вот достережёшь табун, а осенью поедem с тобой в округ. Я зимой, как ходил в станицу, у секретаря ячейки читал книжку Ленина.* Анализируемые наречия образованы в процессе адвербиализации творительного падежа имени существительного. Толковые словари современного русского языка подтверждают выделение таких наречий, например, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *зимой* трактуется как 'нареч. В зимнее время'¹, *осенью* – 'нареч. В осеннее время.'² Проблема анализа описанных единиц в лингвистике не решена однозначно. Транслируется тесная связь с именем существительным, т. к. любой рядом находящийся атрибутивный элемент указывает на то, что анализируемая единица не наречие, а имя существительное. Сравним: *Вот достережёшь табун, а поздней осенью поедem с тобой в округ.* Атрибутивный распространитель *поздней* подкрепляет общее категориальное значение предметности у существительного *осенью*. Проявляется не только временная семантика, но и характеристика, описание и градация этого времени.

3. Отношение к суточному делению. *Поутру приехали Игнат-мельник и Михей*

¹ Зимой // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 230.

² Осенью // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 461.

Нестеров. На собрании побуду, а как кончится – **ночью** пойду. Поутру в словаре даётся с пометой разговорного стиля и устаревшего в употреблении¹. Подобные лексемы употребляются в рассказе «Пастух», чтобы передать речь малограмотных крестьян, актуализировать реалистичность описываемых событий.

4. «Передающие субъективную оценку временной протяжённости действия» [9, с. 27], выражается безотносительное время. *Перевесившись на седле, председатель **долго** растёгивал шинель пальцами изыбшими; достал жёлтый газетный лист. **Долго** глядел вслед курчавым завиткам пыли, стелившимся из-под лошадиных копыт.* Ф. И. Панков отмечает, что темпоральное наречие *долго* не содержит указания на завершённость действия или на наличие временных границ. Анализируемое наречие представляет «метрическую оценку количества признака» [9, с. 11]. *Обуглилась земля, травы желтизной покособились, у колодцев, густо просыпанных вдоль шляха, жилы пересохли; а хлебный колос, **ещё** не выметавшийся из трубки, квёло поблёк, завял, к земле нагнулся, сгорбтившись по-стариковски.* Наречие *ещё* со значением ‘до сих пор’² в качестве синтагматического партнёра имеет отрицательную частицу *не*, которая указывает на то, что действие, переданное полупредикативной единицей, до настоящего момента не произошло.

Анализ темпоралем, выраженных наречиями, доказывает, что их использование связано, в первую очередь, с желанием автора передать достоверность изображаемых событий. Большинство темпоральных наречий соотносятся с конкретной временной шкалой. Область оценки и характеристики безотносительно ко времени представлена в малом количестве.

Прилагательные с темпоральной семантикой

Темпоралемы могут быть репрезентированы именами прилагательными с семантикой времени, которые чаще всего распространяют именные части речи, выполняющие в предложении функции главных членов. Б. Ю. Норман отмечает, что в лингвистике превалирует изучение предикатно-актантной структуры предложения, «прилагательные и наречия в эту элитную сферу допускаются редко» [8, с. 195]. Однако акцентируется внимание на важной роли наречий и прилагательных в познавательной деятельности. «Эффект “ненужной детали”, такой естественный для семантики прилагательного, способствует правдоподобию, достоверности описываемой ситуации».³ Например: *Принёс два куска сала свиного, завернул в **ржавый** капустный лист, в мешок положил, буркнул.* Прилагательное *ржавый* в анализируемом контексте обозначает увядший, что можно понимать как проявление объективного времени. Темпоралема помогает отразить небогатый быт крестьян.

Атрибутивный распространитель может содержать опосредованную временную семантику, которая выражена имплицитно. Например: *Дед Игнат шапку снял, щурясь от косых **солнечных** лучей, ползавших по земляному полу шалаша, руку поднял – перекреститься хотел на маленький портрет Ленина, висевший в углу.* В значении темпоралемы *солнечных* легко угадывается семантика, отражающая дневное время суток.

*Темней тёмного ночь **осенняя**, а дождь следы лошадиных копыт начисто смоем...* Имя прилагательное *осенняя* эксплицитно выражает отношение ко времени года. Оно образовано от имени существительного *осень* с абсолютным временным значением. Сема времени не утрачивается и у производного адъективного слова.

*Смеются у неё **щёки** загоревшие, веснушчатые, глаза, губы, вся смеётся, потому что на красную горку пошла ей всего-на-всего **семнадцатая** весна...* Относительное

¹ Поутру // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2006. С. 573.

² Ещё // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 02.05.2025).

³ Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2020. С. 202.

прилагательное *семнадцатая* распространяет существительное *весна*, отражая длительность линейного времени человеческой жизни. Как справедливо заметила Е. С. Яковлева: «“Время жизни” (переживаемое время) можно отнести к сфере самосознания человека, это одна из основных “форм постижения” окружающего мира» [11, с. 85], восприятие временного потока осуществляется по заполняющим его событиям, по оценке этих событий человеком.

Анализируемые одиночные атрибутивные распространители непосредственно сами содержат семантику времени. Адъективы, входящие в темпоральный субстантивный оборот, могут привносить оттенок времени или вообще его не содержать, но передавать оценочность времени посредством синтаксемы в составе темпорального субстантивного оборота (например, *холодной ночью / весенней ночью*).

Темпоралемы, выраженные служебными частями речи

Предлоги с временной семантикой чаще всего входят в состав темпоральной синтаксемы или темпорального субстантивного оборота, что уже было проанализировано ранее.

В рассказе М. А. Шолохова «Пастух» можно зафиксировать употребление темпоралем, выраженных союзами и частицами.

Проблема выделения, разграничения и функционирования частиц в современной лингвистике является актуальной. С. М. Колесникова отмечает, что попытки лексикографов найти в частицах отдельное самостоятельное значение заканчивались неудачей, т. к. данной единице «обычно приписывалось значение, свойственное не ей самой как слову, а той конструкции, в составе которой это слово функционирует, кроме того, “значение” частицы может выводиться даже не из одного предложения, а из более широкого контекста» [5, с. 67]. Частица усиливает воздействие на собеседника и привносит дополнительные «смысловые, модальные, эмоциональные оттенки» [5, с. 67] слову или всему пред-

ложению, а также может эксплицировать грамматические отношения.

*Смеются у неё щеки загоревшие, веснушчатые, глаза, губы, вся смеётся, потому что на красную горку пошла ей **всего-навсего** семнадцатая весна...* Темпоралема *всего-навсего* является ограничительной частицей со значением ‘только, лишь’.¹ Контекстуальными партнёрами частицы являются относительное прилагательное *семнадцатая* и существительное с абсолютным временным значением *весна*. В предложении акцентируется внимание на молодости девушки, на её небольшом возрасте и в силу этого на её неопытности, лёгкости и оптимистичности по отношению к окружающему миру и событиям. ... *Но тут уж председатель со всей строгостью.* Частица *уж* усиливает семантику разговорного наречия *тут* со значением ‘в это время, тогда’.² Следовательно, исследуемая единица тоже является темпоралемой, т. к. оттеняет временную семантику конструкции.

Темпоральные частицы следует отличать от омонимичных темпоральных наречий, различия проявляются лишь контекстуально.

Темпоралемы, выраженные союзами, репрезентируются в сложных предложениях с подчинительной связью расчленённой структуры с временными отношениями между предикативными частями. *Зорями, когда пожелтевший Гришка отворял скрипучие ворота база, выходил табун на пастьбу и неизменно направлялся через присохшие холмы могил.* Т. Е. Шаповалова отмечает в таких примерах контаминацию значений, актуализируются условно-временные отношения. «Значение закономерной обусловленности сопряжено с семантикой обычности, повторяемости, узальной приуроченности действия, которое выражается глаголом в форме прошедшего времени несовершенного вида. Придаточная часть в таком пред-

¹ Всего-навсего // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 02.05.2025).

² Уж // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 02.05.2025).

ложении ограничивает временными рамками неоднократно повторяющееся действие, выраженное глаголом-сказуемым главной предикативной конструкции» [12, с. 216]. Анализируемое предложение подтверждает данную точку зрения: в главной части однородные сказуемые *выходил* и *направлялся* выражены глаголами несовершенного вида в форме прошедшего времени и репрезентируют значение многократного повторения ежедневного действия; в придаточной части сказуемое *отворял* тоже выражено глаголом несовершенного вида в форме прошедшего времени, именно оно транслирует временной интервал и условие протекания действия главной части. Несомненно, основное время содержится в предикате, но неизосемическим экспликаторм времени является союз *когда*, который организует всё сложное предложение.

Семантика обусловленности может проявляться, но в меньшей степени, чем временное значение, в том случае, когда предикативные части содержат сказуемые, выраженные глаголами несовершенного вида настоящего времени. Например: *Когда слёзы выжигают глаза, тогда где-*

нибудь, далеко от чужих глаз, достаёт она из сумки рубаху холщовую нестираную...

Гришка не догадывался до тех пор, пока ночью не проснулся от собачьего бреха. Союз *до тех пор, пока* со значением 'до того момента, в который что-л. произойдёт'¹ употребляется в сложноподчинённом предложении расчленённой структуры с временными отношениями между предикативными частями.

Исследование темпоралем, выраженных служебными частями речи, является актуальной проблемой, заслуживающей отдельного подробного изучения.

Заключение

Анализ темпоралем в рассказе М. А. Шолохова «Пастух» показал особенности репрезентации времени неизосемическими средствами. Отбор используемых лексических единиц, синтаксических конструкций транслирует отдельные черты идиостиля автора.

М. А. Шолохов писал в русле реализма, что отражено и в рассказе «Пастух». На рисунке 1 представлена диаграмма количе-

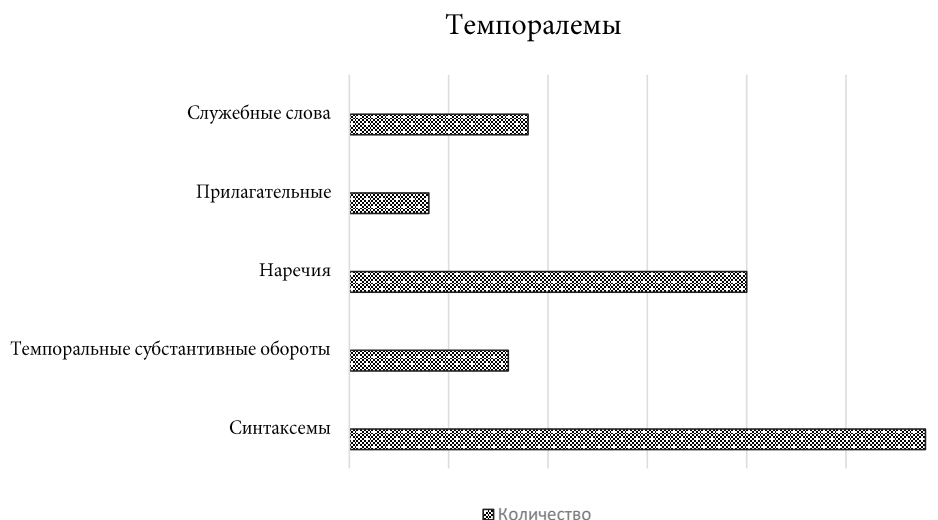

Рис. 1 / Fig. 1. Количественное соотношение темпоралем в рассказе М. А. Шолохова «Пастух» / The quantitative relation of the temporal in M. A. Sholokhov's short story "The Shepherd"

¹ До тех пор, пока // Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 02.05.2025).

ственного соотношения темпоралем. Анализ показал наибольшее употребление синтаксем как минимальных единиц, содержащих семантику времени, а также наречий, указывающих на предшествование, совпадение или следование после обозначенного момента. Время жизни человека передано чётко, лаконично, что сближает действия рассказа с реальным временем, прибавляет правдоподобности изображаемому событиям.

Тем ценнее являются случаи использования темпоралем, выраженных суб-

стантивными оборотами и отдельными прилагательными, т. к. они употребляются реже, могут осуществлять временную метафоризацию или оценку временного плана. Предложения, содержащие данные темпоралемы, философски нагружены, заставляют читателя заглянуть вглубь себя и проанализировать проблему не только в рамках одной описанной истории, но и в вечных проблемах нравственности, доброты и поиска собственного жизненного пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 6-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2010. 368 с.
2. Малинская Т. В. Темпоральные конструкции в качестве номинации произведений И. А. Бунина // Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 65–74.
3. Малинская Т. В. Темпоральные конструкции с лексемой *минута* в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. 2023. № 4. С. 80–86. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_5_35_80.
4. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания. М.: Московский государственный областной университет, 2020. 167 с.
5. Колесникова С. М. Частицы как часть речи (к вопросу о значении и разрядах частиц по строению и функциям) // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 65–73.
6. Малинская Т. В. Темпоральные конструкции с наименованием праздников в произведениях И. А. Бунина // Язык и текст. 2024. Т. 11. № 2. С. 112–121. DOI: 10.17759/langt.2024110211 ISSN: 2312-2757.
7. Шаповалова Т. Е. Лексико-грамматические маркёры категории синтаксического времени в комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтёмся» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 43–55. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-43-55.
8. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–62.
9. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: автореф. дис. ... д-ра филологических наук. М., 2009. 44 с.
10. Грибещенко О. А. К вопросу об употреблении наречных детерминантов темпоральной семантики в предложениях с глаголами движения // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы международной научно-практической конференции (Пенза, Москва, Решт, 25–26 марта 2011 г.). М.; Пенза; Решт: Социосфера, 2011. С. 50–53.
11. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
12. Шаповалова Т. Е. Условно-временной оттенок в сложноподчинённых предложениях с союзом *когда* // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 216–217.

REFERENCES

1. Zolotova, G. A. (2010). *Communicative aspects of Russian syntax*. Moscow: Editorial URSS Publ. (in Russ).
2. Malinskaya, T. V. (2024). Temporal constructions as a nomination of the works of I. A. Bunin. In: *Nomination and predication in the modern Russian language: collective monograph*. Moscow: State University of Education Publ., pp. 65–74 (in Russ).
3. Malinskaya, T. V. (2023). Temporal constructions with the lexeme 'minute' in I. A. Bunin's novel *The Life*

- of Arseniev". In: *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 4, 80–86. DOI: 10.20323/2499_9679_2023_5_35_80 (in Russ).
4. Shapovalova, T. E. (2020). Temporal semantics of poetic utterance. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ).
 5. Kolesnikova, S. M. (2012). Particles as a part of speech (on the issue of the meaning and categories of particles by structure and functions). In: *Russian language at school*, 7, 65–73 (in Russ).
 6. Malinskaya, T. V. (2024). Temporal constructions with the names of holidays in the works of I. A. Bunin. In: *Language and text*, 11 (2), 112–121. DOI: 10.17759/langt.2024110211 ISSN: 2312-2757 (in Russ).
 7. Shapovalova, T. E. (2023). Lexico-grammatical markers of the syntactic time category in A. N. Ostrovsky's comedy "It's a Family Affair – We'll Settle it Ourselves." In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2, 43–55. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-43-55 (in Russ).
 8. Arutyunova, N. D. (1997). Time: models and metaphors. In: *Logical analysis of language. Language and time*. Moscow: Indrik Publ., pp. 51–62 (in Russ).
 9. Pankov, F. I. (2009). Functional-communicative grammar of the Russian dialect: [dissertation]. Moscow (in Russ).
 10. Gribeshchenko, O. A. (2011). On the use of adverbial determinants of temporal semantics in sentences with verbs of motion. In: *Actual issues of the theory and practice of philological research: materials of the international scientific-practical conference (Penza, Moscow, Rasht, March 25–26, 2011)*. Moscow, Penza, Rasht, Sociosfera Publ., pp. 50–53 (in Russ).
 11. Yakovleva, E. S. (1994). *Fragments of the Russian linguistic picture of the world (models of space, time and perception)*. Moscow: Gnosis Publ. (in Russ).
 12. Shapovalova, T. E. (2022). Conditional-temporal nuance in complex sentences with the union *when*. In: Shapovalova, T. E. *Studies on time. Selected articles*. Moscow: Moscow Region State University, pp. 216–217 (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинская Татьяна Владимировна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Malinskaya (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'367

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-57-63

КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ В ПРОЗЕ М. А. ШОЛОХОВА

Степанчиков М. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: mishastep.91@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2025

Принята к публикации 11.04.2025

Аннотация

Цель. Выявить в текстах М. А. Шолохова основные разновидности бисубстантивных предложений с семантикой отождествления и определить их функциональный потенциал.

Процедура и методы. Проанализированы бисубстантивные предложения с семантикой отождествления, найденные методом сплошной выборки в корпусе текстов М. А. Шолохова; использован метод структурно-семантического анализа языковых единиц.

Результаты. Проведённый анализ позволил установить, что бисубстантивные предложения со значением отождествления часто используются в прозе Шолохова, а частотность той или иной семантической разновидности обусловлена целями и индивидуальным стилем М. А. Шолохова.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы и результаты проведённого исследования могут быть использованы при изучении синтаксиса прозы М. А. Шолохова, способны расширить теоретические сведения о семантике отождествления в русском языке.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, М. А. Шолохов, связка, семантика отождествления, тождество

Для цитирования:

Степанчиков М. А. Конструкции с семантикой отождествления в прозе М. А. Шолохова // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 57–63. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-57-63>.

Original research article

CONSTRUCTIONS WITH THE SEMANTICS OF IDENTIFICATION IN THE PROSE OF M. A. SHOLOKHOV

M. Stepanchikov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: mishastep.91@mail.ru

Received by the editorial office 03.04.2025

Accepted for publication 11.04.2025

Abstract

Aim. To identify the main types of bisubstantive sentences with the semantics of identification in the texts of M. A. Sholokhov and determine their functional potential.

Methodology. The article analyzes bisubstantive sentences with the semantics of identification, found by the method of continuous sampling in the corpus of texts by M. A. Sholokhov; the method of structural-semantic analysis of linguistic units is used.

Results. The analysis allowed us to establish that bisubstantive sentences with the semantics of identification are often used in Sholokhov's prose, and the frequency of one or another semantic variety is determined by the goals and individual style of M. A. Sholokhov.

Research implications. The materials and results of the conducted research can be used in studying the syntax of M. A. Sholokhov's prose and can also expand theoretical knowledge about the semantics of identification in the Russian language.

Keywords: bisubstantive sentences, M. A. Sholokhov, copula, semantics of identification, identity

For citation:

Stepanchikov, M. A. (2025). Constructions with the Semantics of Identification in the Prose of M. A. Sholokhov. In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 57–63. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-57-63>.

Введение

Для создания объективного образа в литературном произведении авторы пользуются рядом средств: психологизмом, портретированием, авторской характеристикой, речевой характеристикой и др. В художественном мире Михаила Александровича Шолохова, выдающегося русского прозаика XX в., персонажи обладают неповторимыми чертами характера, совершают различные, в том числе противоречивые, поступки, сохраняют в себе колорит места, в котором они живут. Речь героев прозы Шолохова изобилует диалектизмами, яркими оборотами, разговорными элементами, что представляет большой интерес для научного исследования со стороны не только литературоведов, но и лингвистов. Так, изданы научные труды К. С. Максюты и Л. Б. Савенковой, которые рассматривают молчание и взгляд как маркёры эмоционального и рационального компонентов коммуникативного поведения персонажей романа «Поднятая целина» [1; 2]; П. В. Куксы, изучающей «зооморфную» деталь в структуре образов персонажей романа «Тихий Дон» [3]; К. Я. Сигала, исследования которого посвящены противительному союзу *зато* как аксиологическому маркёру и его стилистически значимому употреблению в романах «Тихий Дон» и «Поднятая целина» [4] и др. Особый интерес для нас представляет синтаксис М. А. Шолохова, определённые аспекты которого рассматривались в работах Г. Ф. Гавриловой, С. В. Коростовой, Л. В. Марченко [5; 6].

Для создания образа, который будет близок и понятен читателю, М. А. Шолохов использовал такие языковые средства характеристики персонажа, как бисубstantивные предложения (БП) (см. работу Н. А. Герасименко [7]), основной семантической разновидностью которых является отождествление. Такие предложения иллюстрируют способность человека посредством языка осуществлять логическое, эмоциональное и интуитивное сопоставление объектов окружающей его действительности. Данные операции присущи как героям прозы Шолохова, так и самому автору. Рассмотрим подробнее разновидности конструкций с семантикой отождествления в прозе М. А. Шолохова.

Семантика отождествления в бисубstantивных предложениях

Семантика отождествления как типовое значение бисубstantивных предложений тесно связана с языковой категорией тождества. Данная категория, проявляясь на разных языковых уровнях, вызывает интерес исследователей. Так, изучением явления тождества в языке занимались П. А. Лекант [8], Т. С. Моница [9], Ю. А. Южакова [10] и другие лингвисты. Чёткая классификация предложений тождества представлена в работе Н. А. Герасименко [11], которая стала для нас основополагающей в данном исследовании.

По словам Н. А. Герасименко, система значений, образующих семантику отождествления в БП, представлена следую-

щими основными значениями: собственно отождествлением, именованием, сравнением, уподоблением [11, с. 152]. Все перечисленные значения в разной степени частотности можно обнаружить в языке прозы М. А. Шолохова.

Весомую группу примеров БП с семантикой **собственно отождествления** находим в таких разновидностях, как: *Мой [сын] (здесь и далее примечания внутри примеров наши. – М. С.) – это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далёкую даль*¹ (*Судьба человека*) – идентификация; *Ситуация – это положение, обстановка, что ли, – в этом роде (Тихий Дон) – толкование; Всем видом своим он [Макар Нагульнов] являл воплощённую недоступность (Поднятая целина) – определение сущности понятия; Быть может, потому, что тревога за его [Григория] судьбу не покидала её [Ильиничну] все годы с начала войны и всё, что связывало теперь её с жизнью, заключалось только в нём (Тихий Дон) – выявление содержания понятия. Данные разновидности БП с семантикой собственно отождествления реализуются в таких ситуациях, когда отождествляемые понятия обладают равенством логического объёма (сын – улыбчивый, узкоплечий мальчишка; ситуация – это положение; Нагульнов являл недоступность; всё заключалось в Григории).*

Особенно наглядно, по нашему мнению, отождествление иллюстрируется в первом примере. Так, в сознании Андрея Соколова, главного героя рассказа «Судьба человека», его сын Анатолий, которого он вынужден опознать, «идентифицировать», обладает определёнными внешними (*узкоплечий*) и поведенческими (*всегда улыбчивый*) признаками, которые никак не соотносятся с теми признаками, которые он наблюдает на теле молодого мужчины, лежащего перед

ним в гробу. С помощью бисубстантивного предложения со значением идентификации М. А. Шолохову удастся более полно изобразить трагедию жизни главного героя.

БП с семантикой собственно отождествления оформляются посредством связок (*являться, являть собой (собой), представлять собой (собой), заключаться в*): *Войсковое правительство Войска Донского ... объявляет, что правительство является представителем всего казачьего населения области (Тихий Дон); В большинстве они [офицеры] являли собой самую наикостную разновидность так называемой «мыслящей интеллигенции», облачённой в военный мундир (Тихий Дон); Законы, предложенные Красновым, представляли собою наспех перелицованные, слегка реставрированные законы прежней империи (Тихий Дон); Преимущества повстанцев заключались ещё и в том, что, прекрасно зная местность, они не теряли случая незаметно перебрасывать конные сотни по балкам во фланги и тыл противника, постоянно грозить ему и парализовать его дальнейшее продвижение (Тихий Дон). Часто в подобных конструкциях используются распространители, показывающие того, кто производит отождествление: – Я, – ответил Ефим и по лицу председателя понял, что это для него не является неожиданностью (Смертный враг); Но сам он [Григорий] всё ещё судорожно цеплялся за землю, как будто и на самом деле изломанная жизнь его представляла какую-то ценность для него и для других (Тихий Дон).*

Бисубстантивные предложения с семантикой **именования** встречаются в прозе Шолохова редко. Это связано с тем, что подобные конструкции используются преимущественно в научной речи при обозначении дефиниций понятий. В текстах М. А. Шолохова можно найти такие предложения, когда автору или персонажу необходимо обозначить название того или иного объекта (топоним, организация и др.). Реализуется семантика именования посредством связок *называться, именоваться, зваться, прозываться*: *Прошу вас, товарищ, тут не сурьезничать, а засчёт республики*

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Шолохов М. А. Собрание сочинений [Электронный ресурс] // ФЭБ: [сайт]. URL: <https://feb-web.ru/feb/sholokh/default.asp> (дата обращения 08.05.2025).

могу объяснять: была она по случаю банды, а теперь, при мирном обхождении, **называется** хутором Топчанским (Председатель Реввоенсовета республики); На Круг собралась незначительная часть делегатов, преимущественно представители низовских станиц южных округов. Круг **именовался** Малым (Тихий Дон); Жили мы в большущем доме, **звался** он Смольным (Нахалёнок); **Стали** солдаты и рабочие **прозываются** Красной гвардией (Нахалёнок).

Несмотря на большую продуктивность бисубстантивных предложений со значением **сравнения** в речи, в текстах М. А. Шолохова такие конструкции встречаются редко. Н. А. Герасименко пишет, что «значение сравнения в БП выражается сравнительными присвяточными частицами» [11, с. 179]. В прозе Шолохова такая семантика в большинстве случаев реализуется посредством сравнительных оборотов: Придешь с работы усталый, а иной раз и злой, **как чёрт** (Судьба человека). Однако встречаются бисубстантивные предложения с семантикой сравнения, в которых сравниваются и однореферентные (борода – веник), и разнореферентные (степь – мать) понятия: Яков Алексеевич – стариннойковки человек: ширококоштый, сутуловатый; борода как новый просяной веник, – до обидного похож на того кулака, которого досужие художники рисуют на последних страницах газет (Червоточина); Была она [степь] теперь, как молодая, кормящая грудью мать, – необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства (Поднятая целина). Обладая большим потенциалом для выражения оценочных значений, БП со значением сравнения придают словам героев М. А. Шолохова оттенок афористичности и иллюстрируют персонажей как представителей простого народа: Ну, брат, табак мочёный, что конь лечёный, никуда не годится (Судьба человека); Баба как лошадь: не бьёшь – не везёт (О Колчаке, крапиве и прочем).

Бисубстантивные предложения со значением **уподобления**, которое реализуется в двух разновидностях – подобии и сходстве [11, с. 172], представляют собой

наиболее частотную группу конструкций с семантикой отождествления в прозе Шолохова. Рассмотрим конструкции со значением сходства подробнее.

Бисубстантивные предложения с семантикой сходства в прозе М. А. Шолохова

Конструкции со значением сходства, по нашим данным, представляют наиболее частотную группу БП с семантикой отождествления в текстах М. А. Шолохова. По значению такие предложения отличаются от предыдущих типов главным образом тем, что сходство более субъективно, ведь «установление похожести происходит на основании произвольных мысленных ассоциаций, вызывающих представление о сходстве признаков двух объектов» [11, с. 174]. Использование таких предложений позволяет автору нагляднее изобразить персонажей, а также показать образное мышление героев, подчеркнуть их близость к природе, к простому народу: Тихий смех Вари был **похож на воркованье горлинки** (Поднятая целина); Ты бы на себя сейчас поглядел: **на чёрта похож** (Тихий Дон). В первом примере сам автор устанавливает сходство смеха героини с приятными природными звуками, что позволяет читателю лучше понять характер и образ героини. Во втором примере сходство объектов устанавливается персонажем романа: на основании внешности он показывает сходство другого героя с мифологическим персонажем.

Отличительной чертой сходства является его способность градуироваться: Смех его **разительно** был похож на грохот порожней бочки (Поднятая целина); В передней, проходя мимо большого стенного зеркала, Григорий не узнал себя: высокий, чернолицый, остроскулый, с плитами жаркого румянца на щеках, в халате, с повязкой, въедавшейся в шапку чёрных волос, он **отдалённо** лишь походил на того, прежнего, Григория (Тихий Дон). Используемые наречия меры и степени подчёркивают субъективную оценку персонажей. Так, во втором примере БП относится к авторской речи, однако преды-

душий контекст позволяет понять, что сам персонаж устанавливает сходство своего прежнего облика с нынешним, а представленное описание атрибутивных черт героя подчёркивают сильные изменения, произошедшие с ним. Наречия меры и степени в совокупности с отрицательной частицей *не* подчёркивают отсутствие сходства между объектами, что также является ярким оценочным маркером: *Новый хозяин был совершенно не похож на Захара* (Батраки). Кроме наречий меры и степени единицами градуирования могут выступать и имена существительные: *Временами ему казалось, что дочь похожа на него, иногда до боли напоминала она Степана* (Тихий Дон).

Как видно из предыдущих примеров, отношения сходства реализуются в БП посредством связок *похож*, *походит*, *напоминает*. В прозе Шолохова находим также другие связки с синонимичным значением: *По виду тот явно смахивал на гуртоправа или скупщика скота: замызганный брезентовый плащ с капюшоном, сапоги яловой кожи с широкими голенищами, приплюснутая серая кепка и нарядный, с двумя кожаными махрами knут в руках – всё безмолвно свидетельствовало о его профессии* (Поднятая целина); [Пантелей] *схож был на мать лицом и подбористой фигурой* (Тихий Дон).

Часто автор подчёркивает основания сходства с помощью второстепенных членов предложения и структурно более сложных единиц: *Очень уж ты на угодника Николая похож бородой* (Тихий Дон) – косвенное дополнение; *Командир сотни, по глаза заросший рыжей щетинистой бородкой, горбоносый и свирепый на вид, был разительно похож на дикого кабана* (Тихий Дон) – обособленные определения; *Напоминал тот обдонское дерево караич: ничего особенного, бросающегося в глаза в нём не было, – всё было обычно, лишь твёрдо загнутые челюсти да глаза, ломающие встречный взгляд, выделяли его из гущи остальных лиц* (Тихий Дон) – предикативная часть бессоюзного сложного предложения с семантикой пояснения.

Одной из причин, по которым БП с семантикой сходства часто используются в прозе

М. А. Шолохова, является их оценочный характер, ведь «уподобление одних объектов действительности другим обязательно предполагает оценку, так как уже в самом выборе уподобляющего признака заключается оценочная коннотация хороший / плохой» [11, с. 177]. Использование таких конструкций демонстрирует образное мышление персонажей, их кругозор, а также позволяет автору создать более яркие, живые образы. Так, в текстах Шолохова выделяем следующие группы значений сходства.

1. Лицо – характеристика этого лица по возрасту, социальному положению, профессии, родовым отношениям: *Когда она [Луша Нагульнова] смотрела немного исподлобья, что-то трогательное, почти детски-беспомощное сквозило в её взгляде, и сама она в этот момент была похожа скорее на девчонку-подростка, нежели на многоопытную в жизни и любовных утехх женщину* (Поднятая целина); *Больше походил он [Копылов] на разжиревшего обывателя, переодетого офицером, нежели на подлинного офицера* (Тихий Дон); *Ты ... не похожа на горнишную, на экономку скорее* (Тихий Дон); *Старший, уже женатый сын его, Петро, напоминал мать: небольшой, курносый, в буйной повители пшеничного цвета волос, кареглазый* (Тихий Дон); *Наталья, смеясь и плача, ласкала детишек и, не сводя с дочери восхищённых глаз, радостно шептала: – Ах ты моя Григорьевна! Истованная Григорьевна! Вся-то ты, до капельки, на своего батю похожа* (Тихий Дон).

2. Лицо / группа лиц – животное: *Он [Титок] перебирал поводья, нагнув дремотно голову, полузакрыв глаза, и в своём сером домотканом зипуне с накинутым на рванный малахай капюшоном был похож на дремлющего ястреба* (Поднятая целина); *Эскадрон похож был на ватагу диких гусей, рассыпанную по небу выстрелами охотников* (Жеребёнок). Объектом сравнения может стать часть тела человека с предметом, имеющим непосредственное отношение к животному: *Мелкие веснушки густо крыли её продолговатые щеки, пёстрым лицом она [Луша Нагульнова] напоминала сорочье яйцо* (Поднятая целина).

3. Ситуация – абстрактное понятие: *Это похоже скорее на бездействие, чем на действие* (Поднятая целина); *Без доказательств и фактов это похоже на клевету* (Поднятая целина); *То, что ты рассказал о каком-то комиссаре, действительно не похоже на правду* (Тихий Дон).

4. Предмет – предмет: *Горько-солёная почва в этих ямках была похожа на серый в прожилках мрамор* (Поднятая целина); *По утрам плетень сверкал синими брызгами распускающихся вьюнков и издали походил на причудливо сотканый ковёр* (Поднятая целина); *Чем-то напоминал этот вечер осеннюю пору* (Тихий Дон).

Таким образом, семантика сходства в бисубстантивных предложениях реализуется посредством определённых связок. Сходство может градуироваться, подчёркивая субъективность оценки. Основания сходства подчёркиваются с помощью второстепенных членов предложения и структурно более сложных конструкций, а семантические группы БП с такой разновидностью уподобления помогают М. А. Шолохову создать яркие самобытные образы, близкие к природе, к народу.

Заключение

Семантика отождествления является основным значением бисубстантивных предложений в русском языке. Такие предложения иллюстрируют способность человека осуществлять логическое, эмоциональное и

интуитивное сопоставление объектов окружающей его действительности. Персонажи прозы Шолохова, являясь яркими, живыми, самобытными героями, становятся субъектами и объектами тождества.

Реализация отождествления становится возможной благодаря использованию связок определённой семантики (*быть, являться, являть собой, представлять собой, заключаться, называться, именоваться, зваться, прозываться, быть похожим, быть схожим, напоминать, смахивать*), сравнительных присвязочных частиц (*как, что*), распространителей, подчёркивающих как основание (*походил бородой*), так и субъективность сходства (*для него, для других*).

Реализуясь в основных разновидностях семантики отождествления: собственно отождествления, именования, сравнения и уподобления, – БП с разной частотностью встречаются на страницах прозы Шолохова. Наиболее часто автором используются конструкции со значением сходства (разновидность уподобления). Менее часто встречаются предложения с семантикой собственно отождествления (идентификация, толкование, определение сущности понятия, выявление содержания понятия). Реже остальных функционируют БП со значением сравнения и именования. Частотность использования данных разновидностей обусловлена целями и индивидуальным стилем М. А. Шолохова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максютя К. С. Молчание как маркёр эмоционального и рационального компонентов коммуникативного поведения персонажей в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» // Научная мысль Кавказа. 2021. № 1 (105). С. 112–119. DOI: 10.18522/2072-0181-2021-105-1-112-119.
2. Максютя К. С., Савенкова Л. Б. Взгляд персонажа как деталь изображения его коммуникативного поведения в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» // Научная мысль Кавказа. 2024. № 2 (118). С. 100–111. DOI: 10.18522/2072-0181-2024-118-100-111.
3. Кукса П. В. «Зооморфная» деталь в структуре образов персонажей романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Rhema. Рема. 2019. № 4. С. 21–33. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-4-21-33.
4. Сигал К. Я. Русский противительный союз «зато» и аксиологическая стилистика (на материале романов М. А. Шолохова) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. № 2. С. 212–220. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-212-220.
5. Экспрессивный синтаксис М. А. Шолохова / Г. Ф. Гаврилова, С. В. Коростова, Л. В. Марченко, Л. Б. Савенкова // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2013. № 1 (22). С. 6–18.
6. Марченко Л. В. Стилистические функции сочинительных рядов словоформ в рассказе М. А. Шолохова «Чужая кровь» // Проблемы изучения языка и стиля М. А. Шолохова: сборник

- статей. Ростов н/Д.: Российский государственный педагогический университет, 2000. С. 61–65.
7. Герасименко Н. А. О семантике связок в неглагольном предложении // *Лекантовские чтения – 2024: материалы Международной научной конференции* (г. Москва, 18 ноября 2024 г.). М.: Государственный университет просвещения, 2024. С. 20–26.
 8. Лекант П. А. К вопросу о категории тождества в русском языке // *Средства номинации и предикации в русском языке: межвузовский сборник научных трудов*. М.: Московский педагогический университет, 2001. С. 3–7.
 9. Мони́на Т. С. Основание тождества в семантическом аспекте предложения // *Средства номинации и предикации в русском языке: межвузовский сборник научных трудов*. М.: Московский педагогический университет, 2001. С. 7–11.
 10. Южакова Ю. А. О разных подходах к рассмотрению явления тождества в русском языке // *Русская филология и национальная культура*. 2024. № 4 (13). С. 30–44.
 11. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: Московский государственный областной университет, 2012. 292 с.

REFERENCES

1. Maksyuta, K. S. (2021). Silence as a marker of the emotional and rational components of the communicative behavior of the characters in the novel by M. A. Sholokhov “Virgin Soil Upturned.” In: *Scientific Thought of the Caucasus*, 1 (105), 112–119. DOI: 10.18522/2072-0181-2021-105-1-112-119 (in Russ.).
2. Maksyuta, K. S. & Savenkova, L. B. (2024). The character’s gaze as a detail of the depiction of his communicative behavior in the novel by M. A. Sholokhov “Virgin Soil Upturned.” In: *Scientific Thought of the Caucasus*, 2 (118), 100–111. DOI: 10.18522/2072-0181-2024-118-100-111 (in Russ.).
3. Kuksa, P. V. (2019). “Zoomorphic” detail in the structure of characters’ images in M. A. Sholokhov’s novel “Quiet Flows the Don.” In: *Rema*, 4, 21–33. DOI: 10.31862/2500-2953-2019-4-21-33 (in Russ.).
4. Sigal, K. Ya. (2020). Russian adversative conjunction “but” and axiological stylistics (based on M. A. Sholokhov’s novels). In: *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 2, 212–220. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-212-220 (in Russ.).
5. Gavrilova, G. F., Korostova, S. V., Marchenko, L. V. & Savenkova, L. B. (2013). Expressive syntax of M. A. Sholokhov. In: *Proceedings of the Rostov State University of Railway Engineering*, 1 (22), 6–18 (in Russ.).
6. Marchenko, L. V. (2000). Stylistic functions of coordinating rows of word forms in M. A. Sholokhov’s story “Alien Blood.” In: *Problems of studying the language and style of M. A. Sholokhov: collection of articles*. Rostov on Don: Russian State Pedagogical University Publ., pp. 61–65 (in Russ.).
7. Gerasimenko, N. A. (2024). On the semantics of connectives in a non-verbal sentence. In: *Lekantovskie readings – 2024: materials of the International scientific conference (Moscow, November 18, 2024)*. Moscow: Federal State University of Education Publ., pp. 20–26 (in Russ.).
8. Lekant, P. A. (2001). On the category of identity in the Russian language. In: *Means of nomination and predication in the Russian language: interuniversity collection of scientific papers*. Moscow: Moscow Pedagogical University Publ., pp. 3–7 (in Russ.).
9. Monina, T. S. (2001). The basis of identity in the semantic aspect of a sentence. In: *Means of nomination and predication in the Russian language: interuniversity collection of scientific papers*. Moscow: Moscow Pedagogical University Publ., pp. 7–11 (in Russ.).
10. Yuzhakova, Yu. A. (2024). On different approaches to considering the phenomenon of identity in the Russian language. In: *Russian Philology and National Culture*, 4 (13), 30–44 (in Russ.).
11. Gerasimenko, N. A. (2012). *Bisubstantive sentences in Russian: structure, semantics, functioning*. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанчиков Михаил Андреевич (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения; e-mail: mishastep.91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Stepanchikov (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Modern Russian named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education; e-mail: mishastep.91@mail.ru

Научная статья

УДК 821.161.1.09»19»

DOI 10.18384/2949-5008-2025-3-64-75

ОБРАЗ УСАДЬБЫ И УСАДЕБНОЙ ЖИЗНИ В «ТИХОМ ДОНЕ» М. А. ШОЛОХОВА: НОВАТОРСТВО И РЕЦЕПЦИЯ НАСЛЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Андреева В. Г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: lanfra87@mail.ru

Поступила в редакцию 12.06.2025

Принята к публикации 15.06.2025

Аннотация

Цель. Исследование рецепции М. А. Шолоховым наследия Л. Н. Толстого и осмысление новаторства советского писателя в изображении образа усадьбы и усадебного топоса в эпопее «Тихий Дон».

Процедура и методы. В статье показаны переключки и соотнесения, идейные связи между эпопеями Толстого и Шолохова, сравниваются герои и характеры, имеющие отношение к усадебной жизни. Отмечается сходство усадебного бытия у обоих писателей, заключающееся в его закрытости, изолированности, наличии внутреннего статичного распорядка. В отличие от Толстого у Шолохова представлен неумолимый и однонаправленный процесс дворянского оскудения, изображены исторический передел и последний этап усадебного существования. Основными методами исследования в работе стали сопоставительный, сравнительно-исторический, метод целостного анализа, аксиологический метод.

Результаты. Творческое освоение Шолоховым находок Толстого способствовало тому, что молодой писатель XX в. смог новаторски подойти к изображению очередного этапа русской жизни и её перелома, показать их в надлежащем масштабе, используя разные степени детализации и генерализации. В работе доказывается, что тема усадебной жизни в её реализации в «Тихом Доне» имеет значимые переключки с её воплощением в «Войне и мире». Многие толстовские герои позволили Шолохову лучше понять усадебную жизнь и образ настоящего помещика. Изображение отца и сына Листницких в «Тихом Доне» стало и данью усадебному прошлому России, и наглядной иллюстрацией окончательного вырождения многих дворян на этапе участия России в Первой мировой войне.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с осмыслением творческого освоения Шолоховым эпических приёмов Толстого, использования писателем XX в. многих уже имевшихся в классической литературе образов и параллелей при безусловном новаторстве последнего. Практическая значимость определяется множеством значимых соотнесений художественных миров, объяснением использованных писателями идей и приёмов.

Ключевые слова: война, имение, Л. Н. Толстой, М. А. Шолохов, рецепция, усадебный топос, усадьба, эпопея

Благодарности и источники финансирования:

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051-П: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

Для цитирования:

Андреева В. Г. Образ усадьбы и усадебной жизни в «Тихом Доне» М. А. Шолохова: новаторство и рецепция наследия Л. Н. Толстого // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 64–75. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-64-75>.

Original research article

THE IMAGE OF THE ESTATE AND ESTATE LIFE IN M. SHOLOKHOV'S "AND QUIET FLOWS THE DON": INNOVATION AND RECEPTION OF L. TOLSTOY'S HERITAGE

V. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
e-mail: lanfra87@mail.ru

Received by the editorial office 12.06.2025

Accepted for publication 15.06.2025

Abstract

Aim. To study M. Sholokhov's reception of L. Tolstoy's legacy and process the Soviet writer's innovation in depicting the image of the estate and the estate topos in the epic "And Quiet Flows the Don".

Methodology. The article shows echoes and correlations, ideological connections between the epics of Tolstoy and Sholokhov, compares the characters and personalities related to estate life. The similarity of the estate life in both writers is noted, consisting in its closedness, isolation, the presence of an internal static order, as well as its difference, consisting in the fact that in Sholokhov we see an inexorable and unidirectional process of noble impoverishment, a depiction of historical redistribution and the last stage of estate existence. The main research methods in the work were comparative, comparative-historical, the method of holistic analysis, the axiological method.

Results. Sholokhov's creative assimilation of Tolstoy's discoveries contributed to the fact that the young writer of the 20th century was able to take an innovative approach to the depiction of the next stage of Russian life and its turning point, show them on an appropriate scale using different degrees of specification and generalization. The work proves that the theme of estate life in its implementation in "And Quiet Flows the Don" has significant echoes with its embodiment in "War and Peace". Many of Tolstoy's characters allowed Sholokhov to better understand estate life and the image of a real landowner. The image of father and son Listnitsky in "And Quiet Flows the Don" became both a tribute to the estate past of Russia and a clear illustration of the final degeneration of many nobles at the stage of Russia's participation in the First World War.

Research implications. The theoretical significance of the study is associated with the understanding of Sholokhov's creative assimilation of Tolstoy's epic techniques, the use of the 20th century writer many images and parallels already existing in classical literature, with the latter's unconditional innovation. Practical significance is determined by the many significant correlations of artistic worlds, an explanation of the ideas and techniques used by the writers.

Keywords: L. N. Tolstoy, M.A. Sholokhov, epic, reception, estate, estate topos, manor, war

Acknowledgements:

This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

For citation:

Andreeva, V. G. (2025). The Image of the Estate and Estate Life in M. Sholokhov's "And Quiet Flows the Don": Innovation and Reception of L. Tolstoy's Heritage. In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 64–75. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-64-75>.

Введение

«Тихий Дон» М. А. Шолохова по праву считается одним из масштабных, ярких и значимых произведений XX в. Написанная в основном с 1925 г. по 1932 г. эпопея реалистично отразила жизнь не только донского казачества, но и всей России в первой четверти XX в. В «Тихом Доне» Шолохову удалось передать множество тем и проблем российской, а потом и советской жизни. При этом лауреат Сталинской премии первой степени (1941), Ленинской премии (1960), лауреат Нобелевской премии по литературе (1965), дважды Герой Социалистического Труда М. А. Шолохов при создании «Тихого Дона» опирался на достижения писателей XIX в., прежде всего, на художественные и идейные открытия первооткрывателя «диалектики души» и автора романа-эпопеи Л. Н. Толстого. Хотя и в литературоведении, и среди рядовых читателей до сих пор принято разграничивать взгляды на историю и действительность на основе общественно-политических убеждений писателей, к примеру, Б. Л. Пастернака и М. А. Шолохова [1], в своём величии и «честности художников», как справедливо отмечает Ф. Ф. Кузнецов, оба писателя явились наследниками русской классической литературы: «Шолохов органично осознавал себя “советским человеком”, что не мешало ему понимать драму тех, кто не влезал в эти рамки» [1, с. 80].

В статье «Литературная критика 1930-х годов о традиции Л. Н. Толстого в “Тихом Доне” Михаила Шолохова» Е. А. Вишнякова обстоятельно показала разнообразные взгляды ранних советских критиков на вопрос преемственности писателя по отношению к наследию Толстого. Автор статьи демонстрирует, что суждения критиков были достаточно поверхностны, касались преимущественно заимствования частных художественных приёмов, «творчески перерабатывая которые» Шолохов «формировал самобытное художественное поле своего романа» [2, с. 35]. Разумеется, наследие Толстого в это время трактовалось достаточно воль-

но, многие параллели просто не могли быть отмечены критикой. Последней не позволялось в советское время констатировать тот факт, что Толстой, прославивший русскую усадьбную жизнь, живший в Ясной Поляне, являясь хорошим хозяином и помещиком, на самом деле отстаивал интересы народа, был одним из настоящих реформаторов дворянской жизни. В своём диссертационном исследовании Е. А. Вишнякова убедительно освещает не только мнения советских критиков, но и позиции критиков русского зарубежья (К. Чхеидзе, Ю. Фельзена, В. Александровой, В. Познера), которые достаточно общо, без глубинного сравнения текстов и образов сопоставляли манеру Толстого и Шолохова, отмечая то новаторство и свободу последнего, то его ученичество [3, с. 182–183]. Ф. Ф. Кузнецов подчеркнул, что наиболее ровным путём к триумфу «Тихого Дона» был именно за рубежом. Исследователь в книге о «Тихом Доне» цитирует слова немецкого писателя Франца Вейскопфа, который в 1929 г. в своей статье дал высокую оценку книге Шолохова, сравнив её с эпопеями Толстого: «Величием своего замысла, многогранностью жизни, проникновенностью воплощения этот роман напоминает “Войну и мир” Льва Толстого» [4, с. 464].

Удивительно, что тема сближений и расхождений Толстого и Шолохова как авторов романов-эпопей поднимается в литературоведении в основном в общих характеристиках произведений. Рассуждая об эпической сущности «Тихого Дона», исследователи не могут не опираться на сопоставления произведения Шолохова с «Войной и миром». Так, в глубокой статье о принципах эпической полноты в «Тихом Доне» С. И. Сухих отмечает разницу между романом, состоящую «в полноте разработки *проблемы*», и эпопей, воссоздающей *полноту жизни* [5, с. 24]. Учёный отмечает, что в художественных мирах Толстого и Шолохова столько проблем, сколько нет ни в одном романе, однако эти спорные моменты необходимо выявлять при скру-

пулезном анализе: «Толстой и Шолохов ничего специально не “ставят” и никаких отдельных вопросов не “решают” ... Перед читателем этих произведений развёртывается просто жизнь со всем её сложным переплетением вопросов, проблем, малых и больших событий, трагедий, комедий, радостей и драм» [5, с. 24].

Данная работа обращена к конкретной проблеме рецепции Шолоховым находок Толстого и его новаторства в изображении образа усадьбы (имения) и усадебного топоса в «Тихом Доне». На первый взгляд, переклички и соотнесения, идейные связи между обеими эпопеями невелики, однако при глубинном сопоставительном анализе исследователью открываются значимые и символические параллели, позволяющие говорить об использовании Шолоховым находок и открытий Толстого, опоре на его опыт, причём не только как автора «Войны и мира», но и других его эпических романов¹. Одной из главных задач статьи является иллюстрация творческого освоения Шолоховым художественных находок и типов героев, характеров, созданных его предшественником и связанных с усадебной культурой XIX – начала XX вв.

Основными методами исследования в работе стали сопоставительный, сравнительно-исторический, метод целостного анализа, аксиологический метод.

Иллюстрация особенностей усадебной жизни на примере имения Ягодное в «Тихом Доне» Шолохова

Изображение народной жизни во всех её видах и проявлениях, представленных в «Тихом Доне», не могло не включить рассказа о жизни дворян, их дворовых и наёмных людей в начале XX в. Усадебную

жизнь с сохранением старых привычек и введением новых, со спецификой отношения хозяев имения к свободным казакам Шолохов показал на примере имения Ягодное и его хозяев – сотника Евгения Листницкого и особенно его отца, старого овдовевшего генерала, пана Николая Алексеевича.

Внешне жизнь и история Николая Алексеевича Листницкого и его сына во многом похожа на историю отца и сына Болконских в «Войне и мире». Сходство есть в ситуации, в которой оказываются герои: старик Болконский безвыездно живёт в своём имении Лысые Горы, в то время как ему давно разрешён въезд в столицу; генерал Листницкий безвыездно живёт в своём имении Ягодное, хотя «земля его – четыре тысячи десятин, – нарезанная ещё прадеду за участие в Отечественной войне 1812 года, находилась в Саратовской губернии)».²

Различаются занятия и увлечения Листницкого, который «держал на своей казачьей паевой и купленной земле табуны, сеял – чужими руками – хлеб, зимой и осенью охотился с борзыми, изредка, запираясь в белом зале, пил неделями»³, и увлечения Болконского: «Сам он постоянно был занят то писанием своих мемуаров, то выкладками из высшей математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением за постройками».⁴ Однако читатели обеих эпопей могут увидеть сходство между *закрытостью жизни* в Лысых Горах и Ягодном: в усадьбах жизнь словно замирает, время если не останавливается, то течёт медленнее. Старик Болконский окружил себя множеством образцовых и выдрессированных камердинеров и слуг, а рядом со стариком Листницким живут несколько слуг-помощников: «В имении из дворни, кроме Вениамина, жили: кухарка Лукерья, одрях-

¹ При создании «Тихого Дона» Шолохов опирался не только на роман-эпопею «Война и мир», но в целом на «эпическое мироощущение и эпическое видение жизни», присутствующие в разных произведениях Толстого, на «эпические константы», найденные Толстым: «Рождение и смерть, ситуация войны и образ земли становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого...» [6, с. 25].

² Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 163.

³ Там же.

⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937. С. 106.

левший конюх Сашка, пастух Тихон, поступивший на должность кучера Григорий и Акси́нья».¹ Однако главное сходство жизни в имениях в том, что *внутренний распорядок её не меняется*, никакой внутренней динамики тут нет. Толстой не пишет об этом прямо, не даёт ярких и однозначных характеристик, ведь усадебный образ жизни был характерен для его предков, однако он показывает тягостную жизнь княжны Марьи, повторение в Лысых Горах похожих дней с одинаковым распорядком. Шолохов не сдерживался в характеристиках усадебной жизни, подчёркивая замкнутый и ущербный её характер: «В сонной одуре плесневела в Ягодном жизнь»²; «Меняясь, дул ветер то с юга, то с севера; плыло в синеватой белизне неба солнце; наступая на подол лету, листопадом шуршала осень, зима наваливалась морозами, снегами, а Ягодное так же корёжилось в одубелой скуке, и дни, отгородившие имение от остального мира, проходили, похожие, как близнецы».³

И Толстой, и тем более Шолохов иллюстрируют, что для молодого и активного человека жизнь в таком добровольном усадебном затворе противоестественна. Перед нами, по сути, пример внутренней эмиграции двух престарелых дворян (и их наследников), избирающих для себя различные стратегии выживания и устраивающих собственный порядок жизни. Разумеется, Толстой не мог, да и не желал давать образу существования старика Болконского негативных оценок, однако при этом писатель не преминул показать ущербность затворничества без общения с людьми и расширения жизни (это одна из ключевых идей позднего Толстого). Толстой вкладывает описание тяжести жизни в Лысых Горах в уста князя Андрея и княжны Марьи:

«– Ты живёшь в деревне и находишь эту жизнь ужасною, – сказал он (князь Андрей. – В. А.).

– Я другое дело. Что обо мне говорить! Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумаю, Andre, для молодой и светской женщины похорониться в лучшие годы жизни в деревне...»⁴

Шолохов же намеренно повторяет выбранное им удачное определение: «За всё время случилось лишь два события, встряхнувшие *заплесневелую в сонной одуре жизнь*: Акси́нины роды да пропажа племенного гусака» (курсив наш. – В. А.).⁵ Можно условно сказать, что Лысые Горы также потрясают лишь два значимых события (за исключением, пожалуй, приезда Анатолия Курагина с отцом) – весть о гибели князя Андрея, которая оказывается ложной, и роды маленькой княгини. Нельзя исключать, что, создавая образ Ягодного, Шолохов ориентировался на находки и типы Толстого, ведь для последнего были неприемлемы застой, отсутствие развития и движения. Толстой, а вслед за ним Шолохов показывают, что попытка замкнутого обособления и поиска маленького личного счастья в своём мирке не удовлетворяет героев (Андрея Болконского, Пьера Безухова, Григория Мелехова. В некоторой степени и Евгения Листницкого, хотя у него неудовлетворённость трансформируется не в желание поиска себя, а в негативное чувство ненасытности и использования других себе во благо). А. А. Просвирина справедливо замечает, что полная стагнация в Ягодном выглядит драматической и нехарактерной для шолоховского текста, который отличает «движение, текучесть, изменчивость» как «обязательные спутники полноты жизни» [7, с. 108]. Отметим, что к такому же движению всегда стремился и Толстой. И. С. Сухих не случайно срав-

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 163.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 194.

⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937. С. 129.

⁵ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 194.

нил образ жизни-реки у Шолохова с толстовским сравнением «Люди – как реки» [5, с. 24].

В обеих эпопеях этапы жизни Болконских и Листницких прочно связаны с их имениями как родовыми гнёздами. Конечно, Ягодное значительно отличается от Лысых Гор по размаху и уровню жизни, перед нами разные дворянские владения: у Болконского – крупнопоместное, учитываемая и тот факт, что сам князь относил себя к высшей аристократии. У Листницкого – колеблющееся между среднепоместным и мелкопоместным. Имеет значение состояние этих имений, типы построек, расположенные на территории, образ самого жилого дома. Разумеется, всё это зависело и от описываемой эпохи, крепостнической у Толстого и предреволюционной у Шолохова. В романе-эпопее «Война и мир» можно видеть хорошо слаженное и широко организованное десятками и сотнями людей хозяйство, постройки дворцового типа, где уже один огромный кабинет старого князя Болконского, наполненный беспрестанно употребляемыми вещами, позволяет сделать вывод не просто об удобной, выверенной, но роскошной и наполненной излишествами, пусть и однообразной жизни. Несмотря на возраст старшего Болконского, в начале романа-эпопеи он ещё полон сил и задора, Толстой показывает в нём «упорную и много выдерживающую силу свежей старости», а его хозяйство «не стареет», а идёт вперёд заведённым порядком.

Несколько иная картина в эпопее «Тихий Дон». Первый же взгляд на Ягодное позволяет читателю оценить состояние имения. Причём в художественном мире эпопеи Шолохова важно, что это не взгляд повествователя, а взгляд Григория Мелехова – человека молодого, работоспособного, из хозяйственной и трудолюбивой семьи, знающего порядок и при этом решительного и горячего. Мелехов не был в усадьбах-дворцах, но он вполне может с позиции мужчины-хозяина оценить быт Листницких. Григорий описывает Ягодное объективно, не завидуя генералу и его сыну, не проти-

ваясь внутренне классовому расслоению, но подмечая одновременно и состоятельность имения, и его всё увеличивающееся запустение: «По большому двору, обнесённому кирпичной облупленной оградой, нескладно раскинулись дворовые постройки: флигель под черепичной крышей, с черепичной цифрой посередине – 1910 год, – людская, баня, конюшня, птичник и коровник, длинный амбар, каретник. Дом большой, *старый*, огороженный со стороны двора палисадником, *ютился* в саду. За домом серую стеною стояли *оголённые* тополя и вербы левады в коричневых шапках *покинутых* грачиных гнёзд» (курсив наш. – В. А.).¹ Григория встречают за двором не люди, не работники или дворовые, а «ватага крымских чёрных борзых», причём первой обнюхивает героя «старая хромая сука, со слезящимся старушечьим взглядом».²

Фактически отмеченные элементы запустения связаны с отсутствием в имении Листницких людей, которых нанимали только на летние работы, причём год от года всё меньше. Шолохов показывает, как процесс дворянского оскудения нарастал по мере движения русской жизни к революции. Если в XIX в., особенно до отмены крепостного права, усадебная действительность полностью держалась на крестьянах, то на рубеже XIX–XX вв. оставшиеся помещики и дворяне были вынуждены нанимать людей, самостоятельно организовать и продумывать ход годовых работ. Увиденные Мелеховым в начале романа черты нескладности в Ягодном – это, скорее всего, попытка автора показать неумолимость начавшегося процесса дворянского обнищания, вырождения, разорения. На самом деле, Ягодное в начале «Тихого Дона» оказывается вполне успешным имением, которое опустеет и разительно изменится через несколько лет, в революционное время.

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 155.

² Там же.

И Лысые Горы, и Ягодное образуют для Болконских и Листницких соответственно образ дома, крепости. С великим нетерпением пан Листницкий ждёт домой своего сына Евгения. Два времени, два века в обеих книгах сближены за счёт войн и неприятия от них в усадебной жизни. Только если в «Войне и мире» можно видеть временные сложности (возмущения и непослушания крестьян), которые разрешаются после завершения войны 1812 г., то в «Тихом Доне» показано, как оскудевшие и обнищавшие за время Первой мировой войны усадьбы переживают последние времена и исчезают в круговороте революционных событий, прекращая своё прежнее существование. Если в «Войне и мире» есть понятие врага, вторгшегося на русскую землю, а главная задача состоит в вытеснении неприятеля с территории страны, то в «Тихом Доне» идёт исторический передел земли и богатств: показано завершение усадебного бытия как формы и образа жизни.

Шолохову удаётся рассказать историю существования, процветания и последующего разорения имения Ягодное всего в нескольких подробных главах (не последовательно данных, а представленных в первой и второй книгах эпопеи и иллюстрирующих определённые финальные стадии жизни русской усадьбы). При этом основным приёмом в изображении усадьбы становится приём контраста: сначала Шолохов демонстрирует уже устоявшуюся жизнь дворян, в которую только вкрадываются мотивы оскудения (как уже отмечалось). Символично, что этот этап в эпопее ассоциируется и с пиком личного счастья Григория и Аксиньи, которые перебираются на жительство и службу в Ягодное, где они проживают фактически как супруги и где у них рождается дочь.

Во время Первой мировой войны недостаток ресурсов и их дефицит сказываются на Ягодном, прежде всего, имеет значение отсутствие рабочих рук, необходимых для поддержания усадебного быта. Война забирает людей, на плечах которых лежали важные функции по организации быта в

имении, более того, уход жителей имения делает жизнь ещё однообразнее: «Война и из Ягодного повыдергала людей. Ушли Вениамин и Тихон, после них стало ещё глуше, тише, скучнее».¹ Однако имение не оскудевает полностью, наличие хозяина и заведённого порядка имеют тут большое значение, обязанности перераспределяются, но дело не бросается, потому что остаются люди, готовые служить делу: «Вместо Вениамина прислуживала старому генералу Аксинья; толстозадая, не худеющая Лукерья приняла на себя работу чёрной кухарки и птичницы. Дед Сашка совмещал обязанности конюха с охраной сада, лишь кучер был новый – степенный, престарелый казак Никитич».² Наконец, и сам хозяин не чувствует разительных изменений в своём существовании, несмотря на сложности, он продолжает оставаться барин, чьи указания и слова являются в Ягодном законом: «Подлинно нечего было писать старому Листницкому о своей жизни, волочилась она, по-старому однообразная, неизменная, лишь рабочие руки поднялись в цене да ощущался недостаток в спиртном».³

Некоторое условное «возрождение» Ягодное переживает с приездом женившегося Евгения Листницкого. Но это возрождение становится иллюзорным, Шолохов изображает его как кратковременное улучшение состояния больного перед смертью. Дело заключается и в историческом моменте (надвигающейся революции), и в остаточном принципе жизни Листницкого, который приезжает в Ягодное не хозяином, а постояльцем, желающим обрести «тихую пристань». Шолохов мастерски показывает внешние небольшие перемены в быте обитателей Ягодного с появлением Ольги, которые заключаются, в основном, в отказе от прежней свободной неряшливости. Фактически незадолго перед разорением Ягодного покидает его Аксинья.

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 318.

² Там же.

³ Там же. С. 332.

Повествователь не скрывает, что именно она становится инициатором последней близости с Евгением Листницким, уже женатым. Шолохов не осуждает Евгения Листницкого, не даёт прямых характеристик и оценок его поведению, выбору, образу жизни, однако читатель видит, что на многих дворян писатель распространяет разнузданный и дикий инстинкт, которым жил этот герой, согласно которому Евгений утверждал: «Мне всё можно».

Наконец, финальный этап Ягодного, его закат читатель может наблюдать также глазами Григория Мелехова, который ненадолго заезжает в оставленные хозяевами имение. Ещё раз обратим внимание и на принцип контраста, который у писателя использован вместе с приёмом соотнесения и градации. С одной стороны, брошенное имение мало похоже на прежнее живое Ягодное, с другой стороны, обозначенный в самом начале описания мотив запустения открывает нам стадию уже отмечаемого ранее процесса: «Грустью и запустением пахло на Григория, когда через поваленные ворота въехал он на заросший лебедью двор имения. Ягодное стало неузнаваемым. Всюду виднелись страшные следы бесхозяйственности и разрушения. Некогда нарядный дом потускнел и словно стал ниже. Давным-давно не крашеная крыша желтела пятнистой ржавчиной, поломанные водосточные трубы валялись около крыльца, кособоко висели сорванные с петель ставни, в разбитые окна со свистом врывался ветер, и оттуда уже тянуло горьковатым плесневелым духом нежили».¹

Два поколения хозяев имения: стабильное дворянское прошлое и закат усадьбы жизни

Далее обратимся к образам героев и жизненным ситуациям, в которых они оказываются. И старик Болконский, и генерал Листницкий живут достаточно одиноко как уже пожилые вдовцы, у обо-

их есть сыновья-военные. Как понимают читатели эпopeй, для обоих хозяйство и образ жизни значат немало, однако высшей ценностью для них являются всё-таки люди, особенно близкие им и дорогие.

При знакомстве читателей со старым князем Болконским и генералом Листницким – людьми гордыми, честолюбивыми, имеющими по поводу всех предметов и вопросов своё веское мнение – не сразу открывается их глубокая и чувствительная сторона души. О ней читатель узнаёт, созерцая героев отнюдь не в рядовых условиях, когда ровное течение усадьбы жизни прерывается серьёзным событием. Таким событием, нарушающим спокойный распорядок жизни, для князя Болконского становится весть о гибели сына (письмо Кутузова), а также рождение внука и смерть невестки: «Он стоял у самой двери, и, как только она отворилась, старик молча старческими, жёсткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребёнок».² Или вспомним генерала Листницкого, когда тот узнаёт о болезни дочери Аксиньи, маленькой Танюши: он негодует по поводу запоздавшего признания Аксиньи и даже угрожает врачу, обещая его вылечить девочку: «Скажи ему, что он болван! Скажи ему, что он не уедет отсюда до тех пор, пока не вылечит мне девочку! Во флигеле отведи ему комнату, корми его! – закричал старик, потрясая костистым кулаком. – Пои его, корми, как на убой, а у-е-хать... не уедет! – Оборвав, подошёл к окну, побарабанил пальцами и, подойдя к увеличенной фотографии сына, снятого на руках у няни, отступил два шага и долго смотрел шурясь, словно не узнавая».³

Отец и сын Болконские как представители одной из лучших дворянских семей чувствуют свою преемственность, ощущают свои родовые черты. Внимательный реципиент поймёт, что в отличие от генерала Листницкого его сына Евгения ав-

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 42.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1938. С. 41.

³ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 333.

тор не считает настоящим помещиком и дворянином. Не случайно, представляя гостей Сергея Платоновича Мохова (ещё до знакомства читателей с Листницкими), Шолохов замечает: «Изредка наезжал из своего имения гостивший у отца – помещика и дворянина – молодой сотник Евгений Листницкий».¹ Обособление с помощью тире в предложении не случайно, Шолохов подчёркивает разницу в отце и сыне Листницких.

Уважая воинский долг и считая исполнение его не переменным делом мужчины, князь Болконский и пан Листницкий отправляют на войну (Отечественную войну и Первую мировую войну) своих сыновей. Однако при всём относительном сходстве образов пожилых героев, Андрея Болконского и Евгения Листницкого можно сравнить преимущественно внешне, лишь с позиции их разочарования в войне. В. С. Воронин сравнивает этические модели и поведение разных героев в эпосах Толстого и Шолохова, не раз проводя параллель между Андреем Болконским и Григорием Мелеховым [8, с. 43]. Разумеется, с точки зрения поиска себя, внутреннего благородства и гордости эта параллель намного уместнее.

А. А. Просвирина справедливо подчеркнула низкое и недостойное поведение Евгения Листницкого, которое не характерно для дворянина, превыше всего чтущего честь и достоинство, а свойственно для человека, использующего своё положение и временное превосходство над другими для продвижения собственных низких интересов. Исследователь отмечает, что младшего Листницкого отличает недостойное поведение, которое он допускает в Ягодном: «Для сотника – это единственный дом, который он знает, однако в этом доме он позволяет себе недостойное поведение, настойчиво преследуя Аксинью. Унылая атмосфера Ягодного разрушает и счастье Григория и Аксиньи. Не выдержав горя от потери дочери и одиночества, Аксинья поддаётся преследованиям “пожалевшего”

её Евгения. Молодой пан, сотник, хотя и одевается по-казацки и носит чуб на левую сторону, не стремится соблюдать ни дворянскую честь, ни казацкую» [7, с. 108].

Евгений Листницкий, который начинает везде искать Аксинью, не стесняется людей и просиживает целые часы у Григория в людской, пользуясь его отсутствием, смотря на Аксинью «бесстыдным улыбочным взглядом».² Этот герой несколько напоминает Дмитрия Нехлюдова из романа «Воскресение» Толстого в худшие минуты его помрачения, когда Нехлюдовым овладевает животная страсть. Символично, что, отвезя Евгения в вербное воскресенье в указанное место, Григорий, возвращаясь, чуть не погибает на реке, на которой ночью сломало лёд (вспоминается сцена из романа «Воскресение», когда Нехлюдов пытается побороть возрастающее в нём животное начало под звуки ломающегося на реке льда).

И. П. Щеблыкин, характеризуя тип художественного повествования в «Тихом Доне», отметил безусловное преимущество эпоса Шолохова даже перед «Войной и миром». Оно, по мнению исследователя, состоит в том, что Шолохов «сумел представить жизнь народа в своём собственном имманентном... проявлении» [9, с. 29]. И. П. Щеблыкин пишет: «...в эпосе XIX в. народная среда раскрывается преимущественно с голоса повествователя. И лишь в шолоховском эпосе народные персонажи действуют в своей внутренней “импульсивности”. Следствием этого и является в романе [как жанре] та гигантская вспышка духовно-нравственной энергии, которая ожидалась, предполагалась в литературе, но явлена в достаточном объёме именно в “Тихом Доне”» [9, с. 30]. Указанная И. П. Щеблыкиным импульсивность и свобода поведения героев очень хорошо видны в расправе Григория с Евгением Листницким. Григорий избивает его за себя и за Аксинью: «Григорий коротко взмахнул кнутом, со страшной силой ударил сотника по лицу. Перехватив кнут, он

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 107.

² Там же. С. 167.

бил кнутовищем по лицу, по рукам, не давая сотнику опомниться. Осколок разбитого пенсне врезался тому выше брови. На глаза падали кровавые струйки. Сотник вначале закрывал лицо руками, но удары учащались. Он вскочил с лицом, обезображенным подтеками и яростью, пробовал защищаться, но Григорий, отступая, ударом в кисть парализовал ему правую руку.

– За Аксинью! За меня! За Аксинью! Ишо тебе за Аксинью! За меня!

Кнут свистал. Мягко шлёпали удары».¹

Обратим внимание, что для расправы с сотником Григорием используется кнут, которым Мелехов стегал лошадей. Отдалённо такая месть заставляет читателя задуматься о параллели между сотником Листницким и жеребцом. Уместно в данном случае вновь вспомнить Дмитрия Нехлюдова, который разительно изменяется после своего первого визита к тётушкам под влиянием дурного общества и службы. «Теперь он был развращённый, утончённый эгоист, любящий только своё наслаждение»², – пишет Толстой. Очень одинаково относятся сбившийся с пути Нехлюдов и Листницкий к женщинам, женщина является для обоих «одним из лучших орудий испытанного уже наслаждения».³ Толстовское описание жеребца в «Воскресении» очеловечено, читатель невольно проводит параллель между этим жеребцом и едущим на нём Нехлюдовым, который встал на путь животного инстинкта: «Дороги до церкви не было ни на колёсах, ни на саниах, и потому Нехлюдов, распорядившись как дома у тётушек, велел оседлать себе верхового так называемого “братцева” жеребца и, вместо того чтобы лечь спать, ... поехал на развешенном, отяжелевшем и не перестававшем ржать старом жеребце, в темноте, по лужам и снегу, к церкви».⁴ Возвращаясь к эпосе Шолохова, отметим, что подобную

сцену расправы мужика (пусть и казака) с дворянином сложно представить как у Толстого, так и у других писателей-классиков XIX в.

Поистине в духе эпизодов Толстого и особенно охоты в «Войне и мире» создана Шолоховым сцена охоты Григория и пана Листницкого, загона волка. Шолохов, как и Толстой, большое внимание уделяет описанию погони, нападениям собак на волка, на первых порах уходящего от преследователей и своры. Толстой особо выделяет среди собак старого кобеля Карая, Шолохов – седого кобеля Ястреба. В сценах охоты в своей искренности и молодецкой силе, в умении жить порывом Григорий очень напоминает Николая Ростова. Оба писателя показывают, что охота объединяет людей вне зависимости от их социального статуса и положения: помещики на время охоты сближаются со служащими у них людьми, Григорий ощущает себя во время азарта охоты наравне с Листницким, как и Данило с Николаем Ростовым.

Заключение

Обобщая и продолжая наблюдения И. П. Щерблякина, А. А. Тимакова отметила разную приближённость Толстого и Шолохова к описываемым событиям: «...если Л. Н. Толстой с определённой временной дистанции характеризует и оценивает события, то М. А. Шолохов выступает как их непосредственный свидетель, и вектор его внимания направлен в первую очередь на частные проявления жизни, складывающиеся затем во всеобщую, эпическую картину» [10, с. 28]. Однако нельзя не учитывать, что без глобального замысла автора, без единой концепции, понимания места и значения каждого эпизода, эволюции героев «частные проявления» не сложились бы в настоящий эпос. Как представляется, именно творческое освоение Шолоховым находок Толстого способствовало тому, что молодой писатель XX в. смог новаторски подойти к изображению очередного этапа русской жизни

¹ Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1975. С. 349.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32. М.: Художественная литература, 1936. С. 47.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 54.

и её перелома, показать их в надлежащем масштабе, используя разные степени детализации и генерализации. Тема усадебной жизни в её реализации в «Тихом Доне» имеет значимые переклички с её воплощением в «Войне и мире». По всей видимости, многие толстовские герои позволили Шолохову лучше понять усадеб-

ную жизнь и образ настоящего помещика. Изображение отца и сына Листницких в «Тихом Доне» стало и данью усадебному прошлому России, и наглядной иллюстрацией окончательного вырождения многих дворян на этапе участия России в Первой мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодяков В. Нобелевские премии по литературе: «Доктор Живаго» (1958) и «Тихий Дон» (1965) // Родина. 2004. № 4. С. 79–80.
2. Вишнякова Е. А. Литературная критика 1930-х годов о традиции Л. Н. Толстого в «Тихом Доне» Михаила Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9–1 (75). С. 33–36.
3. Вишнякова Е. А. Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 20-х – начала 40-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 212 с.
4. Кузнецов Ф. Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 864 с.
5. Сухих С. И. Принцип эпической полноты в сюжете и композиции «Тихого Дона» // Мир Шолохова. 2014. № 1. С. 23–27.
6. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / под науч. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Костромской государственного университета, 2022. 512 с.
7. Просвирина А. А. Изображение имения «Ягодное» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в евразийском культурном пространстве. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2023. С. 107–109.
8. Воронин В. С. Этические модели мира в «Войне и мире» Л. Н. Толстого и в «Тихом Доне» М. А. Шолохова // Мир Шолохова. 2023. № 1 (19). С. 42–52.
9. Щеблыкин И. П. Тип художественного повествования в «Тихом Доне» М. А. Шолохова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 1. С. 28–33.
10. Тимакова А. А. Категория эпического в творчестве Л. Н. Толстого и М. А. Шолохова: вопросы сопоставительной характеристики // Литература в школе. 2018. № 4. С. 26–28.

REFERENCES

1. Molodyakov, V. (2004). Nobel Prizes in Literature: Doctor Zhivago (1958) and Quiet Flows the Don (1965). In: *Rodina*, 4, 79–80 (in Russ.).
2. Vishnyakova, E. A. (2017). Literary Criticism of the 1930s on the Tradition of L. N. Tolstoy in “Quietly Flows the Don” by Mikhail Sholokhov. In: *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 9–1 (75), 33–36 (in Russ.).
3. Vishnyakova, E. A. (2017). *Sholokhov's Novel Quiet Flows the Don in Literary Criticism of the Late 1920s – Early 1940s: [dissertation]*. Moscow (in Russ.).
4. Kuznetsov, F. F. (2005). “Quiet Flows the Don”: the fate and truth of the great novel. Moscow: IMLI RAS Publ. (in Russ.).
5. Sukhikh, S. I. (2014). The principle of epic completeness in the plot and composition of “Quiet Flows the Don.” In: *The World of Sholokhov*, 1, 23–27 (in Russ.).
6. Andreeva, V. G., ed. *The phenomenon of the epic novel in Russian literature of the second half of the 19th century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky*. Kostroma: Kostroma State University Publ. (in Russ.).
7. Prosvirina, A. A. (2023). The image of the estate “Yagodnoye” in the novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don.” In: *Russian language in the Eurasian cultural space*. Surgut: Surgut State Pedagogical University Publ., pp. 107–109 (in Russ.).
8. Voronin, V. S. (2023). Ethical models of the world in “War and Peace” by L. N. Tolstoy and in “Quiet

- Flows the Don” by M. A. Sholokhov. In: *The World of Sholokhov*, 1 (19), 42–52 (in Russ.).
9. Shcheblykin, I. P. (2009). The type of artistic narrative in “Quiet Flows the Don” by M. A. Sholokhov. In: *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological sciences*, 1, 28–33 (in Russ.).
 10. Timakova, A. A. (2018). The category of the epic in the works of L. N. Tolstoy and M. A. Sholokhov: issues of comparative characteristics. In: *Literature at school*, 4, 26–28 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук;
ORCID: 0000-0002-4558-3153; e-mail: lanfra87@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeria G. Andreeva – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
ORCID: 0000-0002-4558-3153; e-mail: lanfra87@mail.ru

Научная статья
УДК 821.161.1Шолохов
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-76-87

ШОЛОХОВСКАЯ ТЕМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 1920-Х – НАЧАЛА 1940-Х ГГ.

Васильев С. А.

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: okdomovenok@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.05.2025

Принята к публикации 10.05.2025

Аннотация

Цель. Дать историко-культурную и литературоведческую характеристику посвящённых творчеству М. А. Шолохова публикаций журнала «Звезда» в контексте литературно-критического процесса 1920-х – начала 1940-х гг.

Процедура и методы. Исследование базируется на историко-культурном и семантико-стилистическом методах.

Результаты. Впервые дана общая характеристика посвящённых творчеству М. А. Шолохова публикаций журнала «Звезда» конца 1920-х – начала 1940-х гг., подробно анализируются статьи, имеющие знаковый для шолоховедения характер.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа выполнена в рамках научного проекта «М. А. Шолохов в советской критике 1920–1930-х гг.» ИМЛИ РАН. Её результаты могут быть использованы при чтении базовых учебных курсов для вузов по истории русской литературы XX в., истории русской критики, творчеству М. А. Шолохова.

Ключевые слова: журнал «Звезда», литературно-критический процесс, М. А. Шолохов, полемика, советская критика

Благодарности и источники финансирования:

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Шолохов и советская литературная критика», реализуемого ИМЛИ РАН и Государственным музеем-заповедником М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Для цитирования:

Васильев С. А. Шолоховская тема на страницах журнала «Звезда» в контексте литературно-критического процесса 1920-х – начала 1940-х гг. // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 76–87. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-76-87>.

Original research article

SHOLOKHOV'S THEME ON THE PAGES OF THE MAGAZINE "ZVEZDA" IN THE CONTEXT OF THE LITERARY-CRITICAL PROCESS OF THE 1920S – EARLY 1940S

S. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation
e-mail: okdomovenok@yandex.ru

Received by the editorial office 12.05.2025

Accepted for publication 10.06.2025

Abstract

Aim. To give a historical, cultural and literary characteristic of the publications of the “Zvezda” journal devoted to the work of M. A. Sholokhov in the context of the literary and critical process of the 1920s – early 1940s.

Methodology. The research is based on historical-cultural and semantic-stylistic methods.

Results. For the first time, a general description is given of the publications of the “Zvezda” journal devoted to the work of M. A. Sholokhov in the late 1920s – early 1940s, and articles that are significant for Sholokhov studies are analyzed in detail.

Research implications. The work was carried out within the framework of the scientific project “M. A. Sholokhov in Soviet criticism of the 1920s–1930s” by the Gorky Institute of World Literature RAS. Russian literature, the history of Russian criticism, and the works of M. A. Sholokhov can be used in the reading of basic university courses on the history of Russian literature of the twentieth century.

Keywords: magazine “Zvezda”, literary-critical process, M. A. Sholokhov, controversy, Soviet criticism

Acknowledgements:

The article was prepared within the framework of the scientific project “Sholokhov and Soviet Literary Criticism”, implemented by the IMLI RAS and the M. A. Sholokhov State Museum-Reserve “And Quiet Flows the Don”.

For citation:

Vasilyev S. A. (2025). Sholokhov's Theme on the Pages of the magazine “Zvezda” in the Context of the Literary-Critical Process of the 1920s – early 1940s. In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 76–87. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-76-87>.

Введение

«Звезда» – одно из старейших и наиболее авторитетных периодических изданий СССР. В 2024 г. отмечалось столетие журнала. Сведения о нём представлены не только в советских, но и в ряде современных справочных изданий: в «Большой советской энциклопедии»¹, в «Новой Российской энциклопедии»², в «Большой Российской энциклопедии».³

Достаточно большая по объёму посвящённая «Звезде» статья помещена в «Краткой литературной энциклопедии». Указано, что журнал «возобновил традицию выпуска “толстых” журналов в Ленинграде. Первый редактор – И. М. Майский. В отделе прозы ... выступали М. Горький (3-я кн. “Жизни

Клима Самгина)», Б. Лавренёв (“Сорок первый”, “Гравюра на дереве” и др.), Ю. Тынянов (“Смерть Вазир-Мухтара”), К. Федин (“Города и годы”, “Братья”, “Похищение Европы”), А. Н. Толстой, М. Зощенко, В. Каверин, А. Чапыгин, Б. Житков, М. Слонимский, В. Саянов, Ю. Либединский, М. Чумандрин, О. Форш, Н. Никитин и др., в отделе поэзии – Н. Тихонов, Б. Корнилов, А. Ахматова, В. Шефнер, И. Садофьев, Н. Браун, позднее А. Прокофьев, Н. Заболоцкий, О. Берггольц и др. Критич. отдел в 30-е гг. опубликовал статьи А. Луначарского, И. Майского, П. Когана, Г. Горбачева и др. по вопросам развития молодой сов. литературы. ... “З.” знакомит читателей также с историей рабочего класса СССР, проблемами развития науки и культуры, с жизнью за рубежом, публикует произв. лит-ры народов СССР и заруб. писателей, историко-лит. материалы, критич. статьи и рецензии».⁴

¹ «Звезда» // Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 9. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1972. Стлб. 1223.

² «Звезда» // Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. М.: Энциклопедия: Инфра-М, 2009. С. 448.

³ Перемышлев Е. В. «Звезда» // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 314.

⁴ Комановский Б. Л. «Звезда» // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стлб. 1005.

Мемуаристика и академическая наука о журнале «Звезда»

В 1964 г. отмечалось 40-летие журнала «Звезда», в связи с чем появилось несколько публикаций разного жанра. В «Литературной газете» были напечатаны фрагменты мемуаров первого редактора журнала И. М. Майского, позже – академика, видного дипломата и историка революции 1905–1907 гг. Майский руководил «Звездой» в течение двух лет. По его свидетельству, «журнал помещался тогда в здании Ленгиза на Невском проспекте. В распоряжении редакции имелось две комнаты – для редактора и ответственного секретаря, к которым примыкал маленький “притвор”, где сидела машинистка. Штат редакции состоял из редактора, ответственного секретаря, машинистки и курьерши».¹

Большой удачей и залогом успешной деятельности для молодого журнала стало привлечение с лета 1924 г. к работе в качестве ответственного секретаря К. А. Федина, тогда 32-летнего писателя, уже имевшего большой жизненный и творческий опыт, работавшего над своим известным романом «Города и годы». Майский вспоминал: «Участие Федина в редакции “Звезды” было очень важно и полезно. Будучи крепко связан с ленинградской писательской средой, он ... привёл в журнал целый ряд авторов – и прозаиков, и поэтов, – которые включались в актив журнала и сами от произведения к произведению росли на его страницах. Константин Александрович далее способствовал созданию вокруг “Звезды” той атмосферы дружеского сочувствия и интереса со стороны литераторов, артистов, художников, музыкантов, деятелей науки и культуры, которая повышала его авторитет и помогала легче переносить различные жизненные невзгоды... Наконец, Константин Александрович являлся прекрасным товарищем по редакционной работе в наиболее непосредственном смысле слова».²

¹ Майский И. М. У истоков «Звезды». Из воспоминаний // Литературная газета. 1964. № 15. 4 февраля. С. 2.

² Там же. С. 2–3.

Академическая трёхтомная «История русской советской литературы» (1958–1961) даёт более пристрастную и политизированную характеристику деятельности журнала. Автор статьи «Литературные журналы 1917–1929 гг.» Н. И. Дикушина писала: «Судя по началу, “Звезда” предполагала стать союзником “Октября”. В первых номерах журнал заявил о себе как о боевом и активном издании. Уже с № 3 “Звезда” открывает раздел “Литературная дискуссия”, в которой печатает ряд статей, ставящих важные вопросы развития современной литературы. ... Подводя итоги дискуссии, И. Майский ... писал о необходимости борьбы с главной опасностью – троцкистским отрицанием пролетарской литературы. “Звезда” полемизировала с Воронским по вопросу о сущности искусства. Она энергично оспаривала представления о созерцательном характере искусства и утверждала его целенаправленность, активность, воспитательную и преобразующую роль. Но скоро обнаружилось, что “Звезда” не в силах удержаться на последовательных идейных позициях» [1, с. 519].

Исследователь отмечала, что журнал печатал писателей, по преимуществу живших в Ленинграде и принадлежавших в основном к «попутчикам». Среди прозаиков были названы: Б. Лавренёв, В. Каверин, Ю. Тынянов, А. Чапыгин, А. Толстой, Б. Житков, А. Тверяк, Арк. Голиков (Гайдар), – среди поэтов: И. Сельвинский, М. Светлов, Вс. Рождественский, Н. Тихонов, Г. Санников, И. Садофьев, А. Прокофьев, О. Берггольц, Н. Заболоцкий и др.

Эволюция издания к концу 1920-х гг. оценивается скорее отрицательно: «... линия “Звезды” становится довольно неопределённой. Отдел критики и библиографии журнала превращается по существу в отдел библиографии, “Звезда” перестаёт печатать проблемные статьи и, как отмечали многие писатели в анкете журнала “На литературном посту”, становится почти литературным альманахом» [1, с. 520].

В очерке, посвящённом 1930-м гг., тот же автор вновь фиксирует «непреодолённые до конца чуждые тенденции ... в “Звезде”»

[2, с. 472]. В качестве отрицательных примеров приводятся следующие: «эстетский очерк О. Мандельштама “Путешествие в Армению”, стихи Н. Заболоцкого (“Торжество земледелия” и др.), подвергшиеся суровой критике в печати того времени, мелкие по тематике рассказы В. Шкловского» [2, с. 472].

В качестве подтверждения своей точки зрения Н. Н. Дикушина сослалась на опубликованную в «Правде» рецензию С. Розенталя на журнал «Звезда», другие публикации в «Правде» и «Литературной газете», доклад А. Фадеева о «толстых» журналах на специальном заседании правления Союза писателей 8 сентября 1939 г.

Главный недостаток журналов виделся в работе критиков: «Известное ухудшение работы журналов в конце 30-х годов было вызвано во многом отставанием их критических отделов. В то время как в отделах художественной литературы продолжали печататься значительные произведения, свидетельствующие о движении литературы, критические отделы почти прекратили своё существование» [2, с. 473]. В качестве идеологически зрелых выступлений в печати отмечены статьи Н. Тихонова.

Во втором, исправленном и дополненном, издании академической «Истории русской советской литературы», вышедшем в свет спустя десятилетие, данная тем же автором характеристика «Звезды» была существенно смягчена. Подчёркивались прежде всего достижения, положительные моменты при отсутствии ярко выраженных отрицательных: «Первый “толстый” советский журнал Петрограда “Звезда” был задуман как центр объединения писателей северной столицы. Журнал во главе с И. Майским активно поддерживал идею создания пролетарской литературы. Прошедшая на страницах “Звезды” дискуссия в общем совпадала с “напостовской” линией как в отношении пролетарских писателей, так и в отношении “попутчиков”. Однако на практике “Звезда” отнюдь не являлась органом только пролетарских писателей. Художественный отдел журнала демонстрировал возможность сотрудни-

чества в одном издании писателей разных направлений. Если бы “Звезда” последовательно проводила в жизнь теории “напостовства”, она была бы вынуждена отказать печатать К. Федина, Н. Тихонова, Б. Лавренёва, В. Лидина, М. Слонимского, Ю. Тынянова, А. Толстого. И тогда ленинградскую литературу представляли бы только С. Семёнов, А. Аросев, И. Садофьев, М. Герасимов и некоторые другие, признанные пролетарскими писателями. “Звезда” нащупывала свой путь в журналистике, и то, что она избежала сектантских тенденций, плодотворно сказалось на содержании её художественного отдела» [1, с. 640–641].

С другой стороны, та же Н. И. Дикушина во Введении к «Очеркам истории советской журналистики» подвергла критике позицию редактора Майского по отношению к попутчикам. Теперь его когда-то идеологически верные тезисы, близкие к идеям напостовцев, осмысляются как «неоправданная враждебность к большому отряду талантливых писателей» [3, с. 89].

Место «Звезды» в идеологическом спектре журнальной жизни определялось следующим образом (взгляд из 60-х гг.): «К середине 20-х годов в журналистике со всей отчётливостью сложились “два лагеря”. Один – возглавлялся “Красной новью”, другой – “На посту”; к первому присоединились “Печать и революция”, “Сибирские огни”, ко второму – “Октябрь”, “Молодая гвардия”, отчасти “Звезда” и “Леф”» [1, с. 641].

Во втором томе, посвящённом журналистике и критике 1930-х годов, отмечена принципиальная разница в деятельности литературных журналов после образования Союза писателей СССР по сравнению с 20-ми и началом 30-х годов: «Толстые ежемесячные журналы (“Красная новь”, “Новый мир”, “Октябрь”, “Звезда”), став органами единого Союза писателей, во многом утратили свои групповые пристрастия, столь характерные для них в 20-е годы» [2, с. 477].

Общая характеристика «Звезды» дана в положительном ключе, резкие выпады против издания критики 30-х гг. признаны в ос-

новном ошибочными, подчёркнуты индивидуальные, неповторимые черты издания: «Оценивая на страницах “Правды” деятельность ... журнала, рецензент отмечал его связь со старыми литературно-журнальными традициями. ... традиции рассматривались более в негативном плане; разумеется, какие-то основания для такой критики были: журнал медленно мобилизовал свои силы для прямого отклика на индустриальное преобразование страны, но в целом она была излишне резка. Ведь та же “Звезда” восприняла и лучшие стороны литературно-журнальной традиции, пожалуй, в большей степени, чем другие ежесемейники. Это выгодно отличало её» [2, с. 486].

Исследователи фиксируют ряд крупных отличий и достоинств журнала: «Как журнал большой писательской культуры (в редколлегии: Н. Тихонов, М. Слонимский, А. Толстой, К. Федин, О. Форш, Ю. Либединский, М. Чумандрин, А. Горелов, Д. Белицкий) “Звезда” выдвигала требование мастерства» [2, с. 486]. Для «Звезды» была характерна «углублённая разработка нашей классики» [2, с. 486]. Это стало возможным, т. к. «журнал больше, чем московские издания, был связан не только с определённым кругом критиков (Е. Добин, Н. Коварский, И. Гринберг, А. Амстердам и другие), но и многими литературоведами» [2, с. 486]. В этой связи были названы Ц. Вольпе, Н. Берковский, Б. Бурсов, Л. Гинзбург. Кроме того, «“Звезда” выступала как журнал, где получил путёвку в жизнь советский исторический роман. Со “Звездой” связана деятельность А. Толстого, Ю. Тынянова и О. Форш...» [2, с. 486].

Журнал живо откликался на вопросы, связанные с государственной культурной политикой, и публиковал соответствующие документы. В № 1 за 1925 г. напечатаны материалы Первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей, прошедшей в Москве 6–11 января 1925 г. Была опубликована «Платформа Всесоюзной Ассоциации пролетарских писателей», принятая по докладу Г. Лелевича.¹ С небольшими до-

полнениями перепечатан доклад Клары Цеткин 1910 г. «Искусство и пролетариат».² В № 4 за 1925 г. опубликована программная статья «О политике партии в области художественной литературы», где формулировались: «...задачи *критики*, являющейся одним из главных воспитательных орудий в руках партии». В частности, парадоксальным для современного человека с его сформированными в перестройку и позже взглядами на СССР выглядит следующее требование: «... Коммунистическая критика должна изгнать из своего обихода тон литературной команды»³, что достаточно красноречиво подчёркивает дух эпохи, в которой, несомненно, было место и живой мысли, и различным точкам зрения, и содержательным дискуссиям.

Начавшаяся кардинальная реформа организации литературной жизни страны, приведшая к созданию Союза писателей СССР, нашла отражение в публикациях «Звезды», где было напечатано постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».⁴ Согласно этому документу, распускались все писательские группы, и прежде всего доминирующая в течение почти длительного времени РАПП. Вслед за ним публиковалось «Постановление литературных организаций РСФСР» того же содержания. В разделе подписантов значились наиболее видные критики и писатели: Авербах, Кирион, Фадеев, Безыменский, Серафимович, Панфёров, Ставский, Гладков, Б. Иллеш, Шолохов.

На рубеже 20-х – 30-х гг. издание активно публикует прежде всего прозу (Горький – «Жизнь Клима Самгина», Каверин, Мандельштам, Дос-Пасос, Ремарк и мн. др.), а также поэзию (Тихонов, Сельвинский и др.). Несколько интересных публикаций посвящено Хлебникову («Малиновая шашка»), стихи, критические суждения о нём и

¹ Платформа Всесоюзной Ассоциации пролетарских писателей // Звезда. 1925. № 1. С. 229–231.

² Цеткин К. Искусство и пролетариат // Звезда. 1925. № 1. С. 237–248.

³ О политике партии в области художественной литературы // Звезда. 1925. № 4. С. 258.

⁴ О перестройке литературно-художественных организаций. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. // Звезда. 1932. № 4. С. 3.

футуризме). Есть отклики на актуальные темы, например, смерть Маяковского (портрет в раме, стихи Брауна).

Особый интерес представляет отдел критики. Здесь публикуются речи, произнесённые на заседаниях писательских организаций, прежде всего РАПП (статья Л. Авербаха, речь Юрия Либединского), обзоры творчества писателей (Пастернак), развёрнутые оценки деятельности литературоведов (полемическая статья об «ошибках» профессора Горбачёва, борьба с идеями Переверзева и последователями этих идей и т. д.), рецензии на только что вышедшие в свет книги.

Шолоховская тема в публикациях «Звезды»

Журнал откликнулся на выход первых двух книг «Тихого Дона». В № 8 за 1928 г. М. Майзель (между прочим, гонимый М. Булгакова и, по одной из версий, прототип барона Майгеля из его «Мастера и Маргариты») опубликовал рецензию на первую книгу романа¹, а в № 3 за 1929 г. продолжил обсуждение произведения, оттолкнувшись от предшествовавшей собственной работы.² Эта вторая статья привлекла внимание Гулливера (Н. Берберовой и В. Ходасевича) и стала предметом его полемики.³

М. Майзель стал одним из первых критиков, кто дал профессиональную реакцию на выход сначала первой, а вскоре и второй книг «Тихого Дона». Обе они рассматривались как примечательное явление литературы конкретного, 1928-го, года, не более того. Среди достоинств романа и авторского стиля отмечалась оригинальность тематики (жизнь казачества, мало известная в центральной России), занимательность сюжета, слаженность композиции. Однако при общем положительном фоне этих двух кратких рецензий их автор

высказал целый ряд замечаний, указывающих, с его точки зрения, на художественные недостатки произведения. Среди них: слабый акцент на вражде казаков и иногородних, нечёткость изображения классовых противоречий, невыразительность фигур казаков, группирующихся вокруг большевика Штокмана, излишнее использование диалектизмов и «местного колорита», слабо понятных широкому читателю, «незаконченность» психологических характеристик персонажей, «трафаретность» некоторых сюжетных ситуаций, немотивированность эволюции Григория Мелехова из рядового казака в «бунтаря».

Вторую книгу романа критик в целом ставит ниже первой. Один из доминирующих углов зрения – рассмотрение романа через призму формирующейся пролетарской литературы. С этим характерным для культурной эпохи, но неорганичным для стиля шолоховского романа подходом можно связать значительную часть высказанных критических замечаний. С другой стороны, несколько очень значимых для понимания творчества Шолохова и его главного произведения вопросов М. Майзель, будучи одним из первых исследователей романа, поставил вполне точно: роль диалектизмов и «местного колорита», приёмы психологического анализа персонажей, эволюция главного героя и её причины, особенности образов большевиков и другие.

Тот же Майзель в другой своей публикации – «О «Тихом Доне» и одном добром критике»⁴ полемически высказался по отношению к статье И. Машбиц-Верова «Михаил Шолохов»⁵, позже – одного из авторов посвящённого Шолохову первого сборника статей, вышедшего в издательстве «Никитинские субботники» (1931) [4].

Третья статья Майзеля о «Тихом Доне» представляет собой более углублённый взгляд на первые две книги романа. В ней автор констатирует крупный писательский талант Шолохова. Непосредственный ход

¹ Майзель М. М. Шолохов. Тихий Дон. Роман. Книга первая // Звезда. 1928. № 8. С. 162–163.

² Майзель М. Мих. Шолохов. Тихий Дон. Роман. Книга вторая // Звезда. 1929. № 3. С. 186–187.

³ Гулливер. Литературная летопись // Возрождение. Париж. 1929. 14 ноября.

⁴ Майзель М. О «Тихом Доне» и одном «добром» критике // Звезда. 1929. № 8. С. 189–198.

⁵ Машбиц-Веров И. Михаил Шолохов // Новый мир. 1928. № 10. С. 225–236.

мысли и, очевидно, импульс к написанию статьи обусловлены полемикой, которую Майзель ведёт с другим известным критиком эпохи И. М. Машбиц-Веровым (1900–1989), впоследствии – известным литературоведом, автором монографий о А. А. Блоке и В. В. Маяковском, доктором филологических наук. Майзель, не без кокетства признавая свои две опубликованные рецензии «наиболее суровыми» по оценке «Тихого Дона», явно упрощает позицию Машбиц-Верова, называя его, пользуясь пушкинским образом, «добрым критиком», по тем или иным причинам отмечающим в разбираемом произведении одни достоинства и не замечая их недостатков. Резкость оценок Майзеля тезисов Машбиц-Верова объясняется тем, что оба критика в целом реализуют заданный эпохой идеологически ангажированный социологический (временами – вульгарно-социологический) подход, и неприятие первым тех или иных наблюдений второго должно показать его большую ортодоксальность, верность избранному в стране ориентирам. С другой стороны, некоторые полемические замечания Майзеля вполне резонны. Так, он резко выступает против утверждения Машбиц-Верова о том, что в столкновении Григория Мелехова с Евгением Листницким из-за измены Аксиньи у героя впервые появляется «классовая ненависть». Натяжка этого утверждения Машбиц-Верова вполне очевидна, и правоту Майзеля в этом вопросе следует признать (ср.: [5]).

Творчество М. А. Шолохова широко обсуждалось в критике, а на страницах «Звезды» к нему обращались в будущем известные литературоведы: И. Л. Гринберг¹, Л. И. Левин², видный музыковед С. А. Грес³ и другие.

С. А. Грес дал глубокую музыковедческую характеристику написанных по мотивам произведений М. А. Шолохова

опер И. И. Дзержинского «Тихий Дон» и «Поднятая целина», вписал их в контекст формирования и развития советского оперного искусства.

Наиболее значимой и резонансной из всех напечатанных о М. А. Шолохове в «Звезде» статей стала работа И. Лежнева «Мелеховщина»⁴, которая, к сожалению, надолго определила подход к пониманию главного героя романа и позже, в 1960-е гг. и далее, вызвала интенсивную и обоснованную полемику.

Статья «Мелеховщина» – одна из программных для И. Г. Лежнева, ведущего учёного-шолоховеда 1940–1950-х гг., общавшегося и переписывавшегося с М. А. Шолоховым [6]. К её содержанию критик возвращался и в дальнейших своих работах о творчестве М. А. Шолохова монографического характера. Уже заголовок статьи настраивает на проблематику с социологической доминантой и публицистически резкий по стилю характер разработки темы. Неологизм «мелеховщина» несёт явно выраженный негативный смысловой посыл и объективно включает в круг читательских ассоциаций подобные броские образованные от имён литературных героев и имеющие социально-психологический смысловой разворот новообразования: обломовщина, маниловщина и др.

Критик умело строит композицию своей работы. 3, 4 и начало 5 частей статьи строятся как признание несомненных достоинств романа «Тихий Дон», понятого как «наиболее крупное произведение советской литературы», и сильных, привлекательных черт его главного героя Григория Мелехова, чей образ свидетельствует о присущих персонажу многих положительных качествах: «героизме, благородстве, великодушии, гуманности». Однако в финале работы две линии рассуждения критика – о социальной «отсталости», грубости нравов, жестокости и порочности казачества, с одной стороны, и личных достоинствах Григория, с другой, сходятся воедино. И Григорий Мелехов, по ло-

¹ Гринберг И. Уважение к герою (статья вторая) // Звезда. 1936. № 7. С. 237–251.

² Левин Л. Человеческий материал // Звезда. 1936. № 5. С. 216–251.

³ Грес С. Героическая тема в советской музыкальной драме // Звезда. 1938. № 12. С. 233–248.

⁴ Лежнев И. Мелеховщина // Звезда. 1941. № 2. С. 160–170.

гике критика, только что, на предыдущих страницах, создавшего его интерпретацию едва ли не как идеальной личности, оказывается, не ставший большевиком в финале, понят как носитель этого отжившего социального уклада, носителем той самой «мелеховщины», о которой упомянуто в заголовке работы, в понимании автора – «мелкобуржуазной раздвоенности», а констатация его многочисленных достоинств приобретает черты иронии. Причём степень этой отрицательной характеристики резко усиливается именно достоинствами Григория, по мысли критика, так и не преодолевшего старое и отжившее мировоззрение, оставшегося носителем «мелкобуржуазного сознания».¹

Интересный полемический эпизод связан с написанной под псевдонимом Евстафий Череспеньперестреляев иронической статьёй «Похвала Гоффеншеферу».² Названный в заглавии критик, литературовед, позже – автор первой научной монографии о Шолохове [7] вызвал неудовольствие пресловутого Череспеньперестреляева своими не вполне убедительными, с точки зрения критика, сопоставлениями, в частности параллелью между картинами трагедии Шекспира «Буря» и сценой, когда Наталья во время бури проклинает Григория, отказывается дальше от него рожать. Череспеньперестреляеву такой контекст представляется искусственным (хотя в литературоведении, как известно, среди прочих методов существует и типологический).

Заметка имеет ярко выраженный издательский характер. На это указывает её название, отсылающее к известному сатирическому произведению нидерландского учёного-гуманиста Эразма Роттердамского (1469–1536) «Похвала глупости» (1509) с намёком на «глупость» упомянутого критика. Эпиграфы также имеют цель высмеять автора статьи «Шолоховский пейзаж». Первый эпиграф, направленный на дискредитацию научного подхода, на который в целом опирался Гоффеншефер, и связан

ная с ним актуальная и до сегодняшнего дня литературоведческая задача, – слегка изменённый афоризм коллективного автора-журналиста и писателя-сатирика Козьмы Прутков: «Взирая на высоких людей и на высокие предметы, не излишне придерживать картуз свой за козырёк».³ Второй эпиграф подан как «саморазоблачение» критика, якобы признавшегося в своей профессиональной нечуткости и даже (в плане намёка) некомпетентности.

Один из пуантов автора заметки строится на полемической подаче параллели, сделанной Гоффеншефером, между описаниями грозовой бури в степи М. А. Шолохова и образом трагедии Шекспира «Буря». Такой контекст, акцентированный автором заметки именно как утверждаемый Гоффеншефером шекспировский источник значимой сцены шолоховского романа, представляется автору заметки надуманным, ложным. В этой связи необходимо отметить, что современное литературоведение устойчиво рассматривает творчество Шолохова в соотношении с произведениями крупнейших художников мировой литературы: Гомера, Шекспира, Гёте, Л. Толстого, Э. Хемингуэя, Э.-М. Ремарка и мн. др. Само сближение имён Шолохова и Шекспира, предполагаемое сравнительно-типологическим методом литературоведения, вполне закономерно и даже необходимо для выявления особенностей и функций категории трагического в стиле писателя, что может и не предполагать конкретных текстуальных перекличек, реминисценций и аллюзий (подробнее см.: [8, с. 281–308]).

Псевдоним Евстафий Череспеньперестреляев отсутствует в «Словаре псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей»⁴ и других подобных изданиях. Однако сходная тема в полемически-сатирическом ключе была в тот же период самого начала 1939 г. реали-

¹ Лежнев И. Мелеховщина // Звезда. 1941. № 2. С. 170.

² Череспеньперестреляев Е. Похвала Гоффеншеферу // Звезда. 1939. № 1. С. 249–250.

³ Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. М.: Л.: Советский писатель, 1965. С. 132.

⁴ Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956–1960.

зована в другом ленинградском журнале. Статья фактически на ту же тему пуанта «Похвалы Гоффеншеферу» «Гоффеншефер и Шекспир»¹, по стилю очень напоминающая соответствующую из журнала «Звезда», за подписью Терентий Огурцов, очевидно, тоже псевдонимом, была опубликована в первом номере «Литературного современника».

Любопытно отметить, что обе статьи напечатаны в рубрике «Горестные заметы», существовавшей в «Звезде» первые 6 выпусков 1939 г. Включённые в неё тексты имеют близкие стиливые характеристики: они подписаны остроумными псевдонимами (например, Даниил Подстрочник – пародия на имя известного древнерусского писателя Даниила Заточника) и строятся на основе резко сатирического, подчас гротескно-глумливого изложения темы литературного, литературно-критического и литературоведческого характера.

Вот содержание этой уникальной даже в богатой журналистике 1930-х гг. рубрики (по номерам): Сысой Убиймуха. Быль и небылица (№ 1. С. 248); Евстафий Череспеньперестреляев. Похвала Гоффеншеферу (№ 1. С. 249); Даниил Подстрочник. «С неизвестного языка...» (№ 2. С. 239); Писатель-читатель. Открытое письмо критику Ростиславу Александрову (№ 3. С. 236); Ю. Эврика. Сложная история (№ 4. С. 206); Профессор Волосатов. Мещанин во дворянстве и... критик Левин (№ 5–6. С. 316); Ю. Эврика. «Открытие красот» (№ 5–6. С. 317); Макар Чудра. Об одном «критике» (№ 5–6. С. 317). Проанализировав данные заметки, можно прийти к выводу о том, что стиль автора «Похвалы Гоффеншеферу» в этом ряду стоит особняком.

Расширение исследуемого контекста позволяет указать на текст, весьма близкий и по заголовку, и по своим стиливым характеристикам и задачам «Похвале Гоффеншефера» из «Звезды»: это «Похвала Заболоцкому»², опублико-

ванная в журнале «Красная новь» и принадлежащая известному библиофилу и критику Анатолию Кузьмичу Тарасенкову (1909–1956). Тарасенков был хорошо известен в литературных и окололитературных кругах как обладатель уникальной коллекции изданий поэзии серебряного века. Многих авторов, включая Б. Л. Пастернака и О. Э. Мандельштама, он знал лично.

Тарасенкову посвящена статья в «Краткой литературной энциклопедии».³ Довоенная его жизнь была тесно связана с московским журналом «Знамя», в котором он заведовал отделом критики.

А. Тарасенков тесно общался, дружил с Б. Л. Пастернаком, сборник стихов которого от журнала «Знамя» выдвинул на Сталинскую премию за 1945 г., высоко оценивал его лирику, переводы Шекспира, в том числе и многократно печатно и публично. Всё это не мешало Тарасенкову осуждать Пастернака в 1936 г. на собрании журнала «Знамя», выступить с резкой критикой его творчества в печати.⁴

Критик отличался прекрасным знанием своего предмета и вместе с тем склонностью к резким сатирическим, обвинительным, глумливо-пародийным печатным высказываниям, некоторые из них могли быть восприняты или воспринимались едва ли не как публичные доносы. «Похвала Заболоцкому», в которой сборник стихов «Столбцы» и поэма «Торжество земледелия», опубликованная в «Звезде» №№ 2–3 за 1933 г., рассматривались вульгарно-социологически – «в стиле беспощадного социалистического реализма», как «кулацкая поэма»⁵, что тем не менее не помешало Тарасенкову поддерживать отношения с её автором и позже способствовать публикации его произведений.

новь. 1933. № 9. С. 177–181.

³ Земсков В. Ф. А. К. Тарасенков // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 7 / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1972. Стб. 386.

⁴ Тарасенков Ан. Заметки критика // Знамя. 1949. № 10. С. 162–178.

⁵ Тарасенков Ан. Похвала Заболоцкому // Красная новь. 1933. № 9. С. 181.

¹ Терентий Огурцов. Гоффеншефер и Шекспир // Литературный современник. 1939. № 1. С. 245.

² Тарасенков Ан. Похвала Заболоцкому // Красная

Опубликованная заметка с близким названием «Похвала Заболоцкому» (ср.: «Похвала Гоффеншеферу»), несомненная компетентность в вопросах связи русской и зарубежной литературы, в частности, творчества Шекспира и его русских переводов, широкая осведомлённость в текущих делах литературы и критики Москвы и Ленинграда, резкий сатирический, глумливо-гротескный стиль статей полемикаческого характера – всё это позволяет предполагать, что за псевдонимами Евстафий Череспеньперестреляев и Терентий Огурцов и статей «Похвала Гоффеншеферу» и «Гоффеншефер и Шекспир» может скрываться известный критик А. К. Тарасенков.

Критик сокращает цитату, формирует иронические по отношению к нему смысловые планы. В статье «Шолоховский пейзаж» читаем: «На вершине пологого холма ... виднелась небольшая деревенька. К этой деревеньке ... шла молодая женщина. ... Молодая, красивая и богатая помещица Липина идёт в ближайшую деревеньку благотворительствовать. Она довольна собою, довольна погодой, наслаждается прогулкой. Свежее утро и жаворонки здесь необходимы как органическая часть действия».¹ Замечания же критика исполнены сарказма и перед цитатой: «Вот, к примеру, как изящно установил Гоффеншефер единство героя и природы у покойного классика нашего И. С. Тургенева» и после неё: «Ах, до чего метко! Вот именно: жаворонки! И не скажи этого Гоффеншефер, то так бы и коснели мы в невежестве».²

Заключение

Творчество М. А. Шолохова уже на рубеже 1920-х – 1930-х гг. вызвало мощный читательский отклик³, широко осмыс-

лялось в критике и литературоведении. Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Звезда», один из ведущих в Ленинграде двух предвоенных десятилетий, задумывавшийся как печатный орган, объединяющий творческую среду северной столицы, стал заметным явлением не только в жизни одного города, но и всей страны. Редакционная политика, которая неоднократно существенно менялась, концентрировалась прежде всего на поиске художественно значительных произведений, публикуя немало текстов тех авторов, которые официальной критикой воспринимались как попутчики. Отдел критики журнала так же, как и всё издание, претерпевал значительные трансформации. В некоторые периоды жизни журнала критика представляла собой скорее констатацию и нейтральные обзоры, что вызывало резкие оценки этой части деятельности издания со стороны. В другие временные отрезки, в частности в конце 1920-х гг. и на рубеже 1930-х – 1940-х гг., наоборот, полемический пафос обострялся, журнал публиковал проблемные, а подчас и имеющие серьёзное концептуальное значение (и не всегда положительное в перспективе) статьи.

Это особенно наглядно проявилось в отражении на страницах издания шолоховской темы. Уже в 1928–1929 гг. по горячим следам, сразу после выхода первых двух книг, т. е. половины романа «Тихий Дон», критик М. Майзель напечатал в «Звезде» три статьи о романе М. А. Шолохова, наиболее подробной и полемически заострённой (против критика И. Машбиц-Верова) стала третья публикация. Майзель точно обозначил ряд вопросов, которые будут обсуждаться в связи с шолоховским романом на протяжении десятилетий, высказывал симптоматичное для эпохи сомнение в том, что роман принадлежит к пролетарской литературе. На протяжении 1930-х гг. «Звезда» публиковала ряд статей, авторы которых специально или в более широ-

ществу...» Письма читателей М. А. Шолохову. 1929–1955. Научное издание / отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 848 с.

¹ Гоффеншефер Ц. В. Шолоховский пейзаж // Литературный критик. 1938. № 8. С. 123.

² Череспеньперестреляев Е. Похвала Гоффеншеферу // Звезда. 1939. № 1. С. 249.

³ См.: «К Вам с письмом советский читатель...» Письма читателей М. А. Шолохову. 1956–1984. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 1120 с.; «Очень прошу ответить мне по су-

ком контексте обращались к осмыслению творчества Шолохова, среди них были такие маститые в будущем литературоведы и критики, как Л. Левин, И. Гринберг, некоторые другие. Заметной и актуальной с учётом вектора развития современного искусства стала основательная статья серьёзного музыковеда С. Греса, который в своих работах создал весьма масштабную и тщательно прописанную картину развития советского оперного искусства с учётом места в ней опер И. И. Дзержинского, обращавшегося к сюжетам двух шолоховских романов.

На рубеже 1930-х–1940-х гг. наибольший резонанс из характеризующих творчество Шолохова публикаций «Звезды» получила статья И. Лежнева «Мелеховщина» (1941). Талантливо и со знанием дела написанная, она вместе с тем содержала концепцию главного героя «Тихого Дона» Григория Мелехова как представителя мелкой буржуазии и «отщепенца», не выражающего мировоззрения ни эпохи, ни народа. С этими идеями в последующие десятилетия, начиная с середины 1960-х гг., выступлений В. В. Петелина, шолоховедение активно полемизировало.

Ярким, хотя и не связанным с творчеством Шолохова непосредственно, стало выступление некоего Череспеньперестреляева, подвергнувшего резкой критике тезисы авторитетного критика и автора первой монографии о Шолохове Ц. Гоффеншера. Заметка

критика, скрывшегося за претенциозным псевдонимом, стала одной из ряда подобных по глумливому и пародийному стилю статей, которые публиковались в «Звезде» в первое полугодие 1939 г.

В целом, шолоховская тема на страницах «Звезды» в конце 1920-х – начале 1940-х гг. возникала регулярно и осмысливалась весьма основательно и в основном благожелательно. Однако уже М. Майзель высказал ряд критических суждений в адрес не столько произведения, сколько его автора, а И. Лежнев, опубликовавший свою «Мелеховщину» в начале 1941 г., не касаясь личности и писательской индивидуальности и благонадёжности Шолохова, к тому времени уже получившего Сталинскую премию 1-й степени, дал главному герою «Тихого Дона» характеристику едва ли не уничтожающего характера.

Творчество М. А. Шолохова в наши дни воспринимается с особой актуальностью, его тексты переиздаются, к произведениям обращаются выдающиеся деятели современного искусства, в частности Театр «Русская песня» [9] Надежды Бабкиной.¹ Анализ литературно-критических интерпретаций раннего периода осмысления творчества писателя, в частности критических статей, опубликованных журналом «Звезда» в конце 1920-х – начале 1940-х гг., с учётом современного уровня знаний о биографии и творчестве Шолохова помогут верно расставить научные и педагогические акценты сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской советской литературы: в 3 т. Т. 1. 1917–1929 гг. / отв. ред. А. Г. Дементьев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 723 с.
2. История русской советской литературы: в 3 т. Т. 2. 1930–1941 гг. / отв. ред. Л. И. Тимофеев, А. Г. Дементьев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1967. 635 с.
3. Очерки истории советской журналистики: в 2 т. Т. 1. 1917–1932 / под ред. А. Г. Дементьева. М.: Наука, 1966. 512 с.
4. Скороходов М. В. Шолоховская тема в изданиях «Никитинских субботников» // Вёшенский вестник. 2024. № 24. С. 333–344.
5. Акимова А. С. Творчество М. А. Шолохова в оценке И. М. Машбиц-Верова // Вёшенский вестник. 2024. № 24. С. 317–322.
6. Дворяшин Ю. А. Постигание М. А. Шолохова (Исай Лежнев в переписке с автором «Тихого

¹ См.: «За русскость бороться надо!» Интервью с Н. Г. Бабкиной. Беседовали С. А. Васильев, Ю. А. Дворяшин, Е. А. Скрыпник // Мир Шолохова. 2024. № 2 (22). С. 59–74.

Дона») // Мир Шолохова. 2024. № 1 (21). С. 81–106.

7. Антонова Е. В. Из архива критика В. Ц. Гоффеншефера // Вёшенский вестник. 2024. № 24. С. 367–390.
8. Костин Е. А. Шолохов: эстетика и мировоззрение. СПб.: Алетейя, 2020. 510 с.
9. Васильев С. А., Ларионова А. Н. «Бабий бунт в нашем колхозе»: Шолоховская тема в театре «Русская песня» Надежды Бабкиной // Национальный стиль русской литературной классики: материалы X Межвузовской научно-практической конференции (Москва, 4 апреля 2024 г.) / отв. ред. С. А. Васильев. М.: Московский городской педагогический университет, 2025. С. 166–172.

REFERENCES

1. Dementyev, A G., ed. (1958). *History of Russian Soviet Literature. Vol. 1. 1917–1929*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russ.).
2. Timofeev, L. I., Dementyev, A G., eds. (1967). *History of Russian Soviet Literature. Vol. 2. 1930–1941*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russ.).
3. Dementyev, A G., ed. (1966). *Essays on the History of Soviet Journalism. Vol. 1. 1917–1932*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
4. Skorokhodov, M. V. (2024). Sholokhov's theme in the editions of "Nikitinskie Subbotniks." In: *Veshensky Vestnik*, 24, 333–344 (in Russ.).
5. Akimova, A. S. (2024). The work of M. A. Sholokhov in the assessment of I. M. Mashbits-Verov. In: *Veshensky Vestnik*, 24, 317–322 (in Russ.).
6. Dvoryashin, Yu. A. (2024). Comprehension of M. A. Sholokhov (Isai Lezhnev in correspondence with the author of "Quiet Flows the Don"). In: *The World of Sholokhov*, 1 (21), 81–106 (in Russ.).
7. Antonova, E. V. (2024). From the archive of the critic V. Ts. Hoffenschefer. In: *Veshensky Vestnik*, 24, 367–390 (in Russ.).
8. Kostin, E. A. (2020). *Sholokhov: Aesthetics and Worldview*. St. Petersburg, Aleteya Publ. (in Russ.).
9. Vasiliev, S. A. & Larionova, A. N. (2025). "Women's Revolt on Our Kolkhoz": Sholokhov's Theme in Nadezhda Babkina's "Russian Song" Theater. In: *National Style of Russian Literary Classics: Proceedings of the X Interuniversity Scientific and Practical Conference (Moscow, April 4, 2024)*. Moscow: Moscow City Pedagogical University Publ., 2025, 166–172 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Сергей Анатольевич (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;

ORCHID: 0000-0002-6985-5002; e-mail: okdomovenok@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Vasiliev (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Philology, Institute of Humanities, Moscow City University;

ORCHID: 0000-0002-6985-5002; e-mail: okdomovenok@yandex.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-88-96

МОТИВ ВОЛКА В РАННИХ РАССКАЗАХ М. А. ШОЛОХОВА: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ И АВТОРСКОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ

Гридина Т. А.^{1*}, Коновалова Н. И.^{1,2}

¹Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация

²Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Поступила в редакцию 10.04.2025

Принята к публикации 16.04.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть символический мотив волка как основу создания художественной модели мира в ранних рассказах М. А. Шолохова.

Процедура и методы. В статье использованы процедуры мотивного и контекстуального анализа, метод лингвокультурологического описания мифологем, анализ пространственно-временной организации текста, метод анализа ключевых слов при выявлении символики образа волка.

Результаты. Проанализирован образ волка как сквозной символический мотив «Донских рассказов» М. А. Шолохова. Охарактеризованы основные параметры мотивной организации рассмотренных рассказов: амбивалентность образа волка, проявляющая его противоречивую природу; антропоморфизация образа волка, представленная в использовании приёма психологического параллелизма при сопоставлении природных и человеческих характеристик изображаемого; описана структура хронотопа как условие реализации авторского замысла; выделены тематические векторы развёртывания мотива волка, главными из которых являются темы мести и трагического противоборства в обрисовке характеров персонажей.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обосновании методологии мотивного анализа для выявления символических смыслов мифологемы в соотношении фольклорной традиции и авторского миромоделирования.

Ключевые слова: амбивалентность, зооморфный символ, миромоделирование, мотив, образа русская литература, художественный текст

Для цитирования:

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Мотив волка в ранних рассказах М. А. Шолохова: фольклорные традиции и авторское миромоделирование // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 88–96. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-88-96>.

Original research article

THE WOLF MOTIF IN THE EARLY STORIES OF M.A. SHOLOKHOV: FOLKLORE TRADITIONS AND THE AUTHOR'S MODEL OF THE WORLD

T. Gridina¹, N. Konovalova^{1,2}

¹Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation

²Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg,
Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

© СС BY Гридина Т. А., Коновалова Н. И., 2025.

Received by the editorial office 10.04.2025

Accepted for publication 16.04.2025

Abstract

Aim. To consider the symbolic motif of the wolf as the basis for creating an artistic model of the world in M. Sholokhov's early stories.

Methodology. The article uses the procedures of motive and contextual analysis, the method of linguo-cultural description of mythologemes, analysis of the spatiotemporal organization of the text, and the method of keyword analysis to identify the symbolism of the wolf image.

Results. The image of the wolf as a continuous symbolic motif of M. Sholokhov's "Tales from the Don" is analyzed. The main parameters of the motive organization of the stories under consideration are characterized: the ambivalence of the image of the wolf which reveals its contradictory nature; anthropomorphization of the image of a wolf presented in the use of the psychological parallelism technique when comparing the natural and human characteristics of the depicted; the structure of the chronotope is described as a condition for the implementation of the author's intention; thematic vectors of the development of the wolf motif are highlighted, the main ones being the themes of revenge and tragic confrontation in the depiction of the characters' personalities.

Research implications. The paper substantiates the methodology of motive analysis for identifying the symbolic meanings of mythologemes in the relationship between folklore tradition and the author's world modeling.

Keywords: ambivalence, zoomorphic symbol, world modeling, motive, image, Russian literature, fiction

For citation:

Gridina, T. A. & Konovalova, N. I. (2025). The Wolf Motif in the Early Stories of M. A. Sholokhov: Folklore Traditions and the Author's Model of the World. In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 88–96. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-88-96>.

Введение

Ранние рассказы написаны М. Шолоховым в начале двадцатых годов прошлого века: начиная с 1923 г. они выходили отдельными текстами и лишь в 1926 г. были изданы одной книгой под общим названием «Донские рассказы». Этот цикл стал, по сути, предтечей эпического художественного полотна романа «Тихий Дон» и основой многих сюжетных коллизий как произведений самого М. Шолохова, так и других писателей. Шолоховская историография столь обширна, что невозможно (и в этом нет необходимости) представить её в кратком обзоре¹. Отметим лишь некоторые направления исследований последних лет: «ценностно-смысловая оппозиция войны и мира, ... категории священной-

символической границы, двойничества, жертвоприношения, фатальной предопределённости» [1, с. 5]; влияние военной прозы М. Шолохова на формирование «окопной прозы» [2, с. 61]; особенности авторской метафоры в сравнении с русскими волшебными сказками [3]; классика и современность: М. Шолохов в диалоге эпох и культур [4–6]; женский типаж в творчестве писателя [7] и др.

Проблемное поле данной статьи – анализ сквозного мотива волка в ранних рассказах М. Шолохова как «инструмента» моделирования многослойного мира художественного текста, «... где само слово есть объект авторской рефлексии, ... обнаружения потенциальных планов его интерпретации» [8, с. 272]. Этот мотив демонстрирует связь с фольклорными традициями и значимость для автора идеи «расчеловечивания» человека в кошмаре братоубийственной войны, социального разлома эпохи на примере донского казачества.

¹ Глубочайшее уважение вызывает проект «Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова», где представлена, в частности, постоянно пополняющаяся база данных, посвящённых исследованиям творчества писателя, в том числе в журнале «Мир Шолохова», получившем широкое признание.

Мотивная организация «Донских рассказов» М. Шолохова

Обязательные качества мотива (по А. Н. Веселовскому [9]) – повторяемость, образность, психологический параллелизм, набор устойчивых значений, в том числе символических, суггестивность, развёртываемость в сюжетных коллизиях. На основании этих параметров можно выделить в качестве основных для ранних рассказов М. Шолохова мотивы *судьбы, земли, пути (дороги), хлеба, детства, коня* и некоторые другие, взаимосвязанные и в комплексе образующие единое семантическое поле текста.

Одной из главных в поэтике «Донских рассказов» стала идея выбора: герои определяют для себя, каким путём идти, «кто свой, кто чужой» (см., например: [10]). В этой связи чрезвычайно показателен **мотив волка**, выполняющий особую функцию в моделировании художественного пространства текстов Шолохова (данный «неслучайный» мотив появляется почти во всех рассказах цикла). Волк в традиционной народной культуре является одним из самых мифологически насыщенных образов [11; 12; 13, с. 202, с. 205]. Исследователями отмечается его *амбивалентность*, «он посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, между людьми и нечистой силой ...; нередко волк воспринимается как *нехрист* ...». Определяющим в символической волка является признак «*чужой*»¹. Покажем, как эти народные представления о волке находят отражение в «Донских рассказах» писателя.

Амбивалентность образа волка проявляется через его противоречивую природу: он одновременно выступает и как жертва обстоятельств, и как хищник, убийца. Такой статус волка в народном сознании находит отражение в сюжетах рассказов и судьбах героев, соотносимых с волком. Так, герой рассказа «Кривая стёжка»² Васька, сын пастуха, полюбил дочь богато-

го казака, отец не пустил её замуж, ждать Ваську из армии она отказалась, и тот стал дезертиром, чтобы видеть свою Нюрку. Шолохов несколькими штрихами описывает, как Васька уподобляется волку: *В лесу, под вывороченной корягой в красной маслянистой глине выдолбил Васька пещерку небольшую, впору лишь волку уместиться ... изредка после полуночи перекликаются молодые волчата*.³ Там, вдали от людей, понял он, что не на ту стёжку попал, на кривую ... и в лесу, в буреломе, застреленный волк на облаве, как бешенная собака, умрёт от пули своего же станичника.⁴ Хотел пойти сдаться (нехай арестуют, зато с людьми), но смелости не хватило. И дальше обстоятельства складываются так, что Васька поневоле становится уже настоящим хищником, убийцей, волком-одиночкой. Снова появляется образ волка после того, как понял герой, что по ошибке⁵ убил свою любимую, и, *припадая к маленькому неподвижному телу, калачиком лежавшему на земле, завыл долгим и тягучим волчьим воем*.⁶ В этом зверином вое – страдание человека, ставшего изгоем, теперь уже безвозвратно потерявшего самое главное – возможность жить с людьми.

Антропоморфизация волка часто представлена в использовании приёма психологического параллелизма персонажей. Это особенно ярко видно в описании родов женщины, где используются волчьи характеристики: Дарья (рассказ «Шибалково семя») *забилась в ямы, в бурелом, вымоину нашла и, как волчица, листьев-падалицы нагребла и легла вниз мордой*.⁷ Интересным приёмом создания психологического параллелизма является также «зеркальное» описание Шолоховым волчицы, которая *щенилась, как женщина в родах* (рассказ «Коловерть»): *в яру, промытом веиной во-*

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ По сюжету рассказа Васька убивает свою любимую, принимая её за ненавистную ему, выдавшую его полиции Нюркину мать (убитая им девушка была в её жёлтой кофте).

⁶ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 146.

⁷ Там же. С. 28.

¹ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. А–Г / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 411.

² Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. 304 с.

дой, в буреломе, в запахе пьяном листьев лежалых, ночью щенилась волчица, стонала, как женищина в родах, грызла под собой песок, кровью пропитанный, и облизывала первого мокрого шершавого волчонка.¹ Однако на этом параллелизм и заканчивается: в человеческом обществе главное – не семейное счастье, а счастье борьбы за построение нового мира. На этом строится конфликт в рассказе: Шибалок², которому Дарья призналась, что она сообщила банде информацию об отряде красноармейцев, безжалостно убивает её: *Не дам я тебе дитя к грудям припуцать ... а пострелёнка жалко до крайности ... сын будет власть советскую оборонять*.³ Ср. финал предыдущего рассказа «Коловерть»: А волчица прислушалась насторожённо и в ответ короткому стонущему крику [предсмертному стону человека] *завыла хрипло и надрывно*.⁴ Этот своеобразный «диалог» животного с человеком имеет пресуппозицию, отсылающую к известному поверью, согласно которому «волчата выводятся там, где волк завоет в определённое время и где выводятся волчата, волк вреда не делает».⁵ Волчица таким образом отмечает место как безопасное для человека от волков, но, с другой стороны, что касается людей, – это законы человеческого общества. И в этой связи можно вспомнить другие народные приметы: «Волк прокладывает свои тропы туда, где будет война. Множество волков сулит войну или мор скота. Вой волков предвещает голод».⁶ Волки – существа, подчинённые

природным законам. Судьба волчьей стаи, их неизбежная гибель или выживание – это метафора человеческой судьбы. Герои рассказов часто действуют по предопределённому сценарию, как волки, подчиняющиеся инстинктам, что подчёркивает неотвратимость событий.

Организация хронотопа рассказов как условия реализации мотива волка создаёт особую атмосферу дикости и первобытности, противопоставленную цивилизованному миру. Это проявляется в описании лесных уголков, буреломов, где разворачиваются ключевые сцены с участием волчьих образов. В фольклорной традиции «волк является олицетворением тёмной тучи, заслоняющей солнце, и вообще темноты. Пришёл волк (тёмная ночь) – весь народ умолк; взлетел ясен-сокол (солнце) – весь народ пошёл».⁷ См. также: «Волк по своему хищному разбойничьему нраву получил в народных преданиях значение враждебного демона. В его образе фантазия олицетворила нечистую силу ночного мрака, потемняющих небо туч и зимних туманов ... Слово *темнота* служит метафорическим названием волка».⁸ Во всех ранних рассказах М. Шолохова основные драматические события происходят в тёмное время суток: *ночью, в полночь, в сумерках, как только смеркнется, спозаранку, перед рассветом, перед вечером*. «Переходным» является не только время суток, но и время года: *осень, ранняя весна, перед пасхой*. Место действия в структуре хронотопа «Донских рассказов» также является знаково неопределённым: *поперёк дороги, крайний двор, переулок, лес, мельница, шлях, позади хутора, в логу, под вывощенной корягой, около проруби, за резко очерченной линией горизонта*. Ср. значимую для фольклорной традиции семантику «сакральной негарантированности» переходного времени и места.

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 131.

² Красноармеец-пулемётчик Шибалок, гонимый за бандой по станицам Дона, подбирает возле дороги женщину (Дарью), которая притворилась изнасилованной бандитами и была из жалости взята им в его отряд. Впоследствии Дарья рождает сына от Шибалки и признаётся ему в собственном доносе бандитам информации о тяжёлом положении отряда, у которого закончились патроны. В результате много красноармейцев погибло.

³ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 30.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. А-Г / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 414.

⁶ Там же. С. 417.

⁷ Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород: «Русский купец», 1995. С. 42.

⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. С. 377–378.

Тематические векторы развёртывания мотива волка в «Донских рассказах»

1. Тема мести (рассказ «Смертный враг»). Это, пожалуй, единственный рассказ, где волк (волчица) не метафора, не «фоновая» фигура, а активный персонаж, включённый в систему образов и сюжетную канву. Шолохов показывает противостояние человека человеку: *Со дня пере-выборов через хутор словно кто борозду пропахал и разделил людей на две враждебные стороны.*¹ С одной стороны – хуторская беднота, интересы которой защищает красноармеец Ефим Озеров, с другой – зажиточные казаки во главе с Игнатом, прежним «заправилой» хутора, который затаил на Ефима злобу «и из-за угла втихомолку гадил».² В это противостояние люди втягивают волчицу: Игнат задушил и подбросил во двор Ефима «двух волчат, шершавеньких и беспомощных», зная, что мать-волчица придёт мстить за своих детёнышей. *Ночью к хутору спустилась волчица и долго чёрной недвижной тенью стояла возле ветряка*³, а потом зарезала овец и корову, оставив маленького ребёнка Ефима без молока. В отместку Ефим убивает «дорогого пса» Игната, кроме того, добивается, чтобы суд принудил Игната уплатить долг его работнице. Волчья злоба, охватившая его врага, не стихает, и он ночью, тайно, со своей «сворой» убивает Ефима: *Глядя вбок, Ефим увидел надломленный стебель камыша. Сломали и меня... И сейчас же в тускнеющем сознании огненные всплыли слова: Попомни, Ефим, убьют тебя – двадцать новых Ефимов будет! Как в сказке про богатырей...*⁴ Смерть волчат становится символом неизбежной, неотвратимой утраты. И не волк здесь враг человеческий: финал не оставляет надежды на прекращение мести и гибели людей по разные стороны «пропаханной борозды жизни».

Другой вариант решения темы мести в русле мотива волка представлен в рассказе «Обида», в котором человеческая натура раскрывается через сопоставление с внешностью и повадками волка. Главного героя рассказа, хлебопашца Степана, у которого семья – пухнувшие с голоду «восемь ртов, оставшихся от сына, убитого в гражданскую войну»⁵, смертельно обидели: ночью по дороге на хутор со станции отобрали семенной хлеб. М. Шолохов сравнивает поведение персонажа в ситуации жесточайшего страдания с волком: *вздохмаченный и страшный, он медленно закружился в голубом леденистом свете месяца.*⁶ Глядя на него, сосед Афонька вспомнил, как *прошлой зимой застрелил на засаде волка, и тот, с картечью, застрявшей в разможжённой глазнице, так же страшно кружился у гуменного плетня, стрял в рыхлом снегу, приседая на задние ноги, умирая в немой, безголосой смерти...*⁷ Мотив волка пересекается здесь с мотивом земли: для Степана утрата зерна для посева равносильна смерти, ходил он «посеревший и немой», земля для него живая (ср. в фольклорной традиции *земля-матушка, земля-кормилица*). А теперь *лежала вспаханная, обманутая им земля, ... страшно было ему взглянуть на чёрную, распластанную трупом пахоту.*⁸ Жажда мести при встрече с обидчиком толкает его на страшное убийство: не слушая оправданий (*нужда была, жинка померла, хлопчик вон остался*) и увещеваний (*возьми коняку мово, хлеб отдам*), выкрикивал Степан накопившуюся безысходную свою боль: *Обидел! Мёртвая земля лежит! А? Голоду принял! Пухли от травы! А? ... Занёс вилы, на коротенький миг задержал их над головой и, чувствуя нарастающий гул в ушах, со стоном воткнул их в мягкое, забившееся на зубьях дрожью.*⁹ Особый драматизм ситуации в том, что это не «классовый» конфликт, объяснимый идейным противостоянием [13; 14], персо-

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 177.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Там же. С. 170.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 173.

нажи по одну сторону «пропаханной между людьми борозды»: один бедняк от безысходности грабит другого, один несчастный убивает другого. Параллель между поведением человека и волка подчёркивает силу первобытных звериных инстинктов, живущих в человеке. В финале рассказа мы видим глубокое человеческое потрясение Степана, в котором, кроме звериного инстинкта мести, проявляется инстинкт ответственности за ребёнка убитого им отца: он «пошёл от воза петлястыми, пьяными шагами Прижимая к груди выгибавшегося в судорогах мальчонка, шептал, сжимая клацающие зубы: Молчи, сынок! Цыц!.. Ну... молчи, а то бирюк возьмёт. Молчи!..»¹ Обращение «сынок», длинные паузы между словами (переданные многоточиями), желание успокоить малыша детскими заличками про бирюка, – всё это попытка возвращения персонажу человеческого облика. Это создаёт сложный психологический портрет казака, живущего по законам природы, но сохраняющего нравственные ориентиры.

2. Тема трагического противоборства (рассказ «Родинка»). В литературоведческой парадигме данный рассказ рассматривается как эпиграф ко всему раннему творчеству М. А. Шолохова. В сюжете описывается ситуация смертельной схватки идейных врагов (предводителя банды донских казаков, недовольных советской властью, и красного командира Николки Кошевого), не знающих о том, что они отец и сын. И тот, и другой в описании их поведения характеризуются в сравнении с повадками волка. Ср.: *Мимо столбов иляхом глянцевиным ведёт атаман (отец Николки) банду – полсотни казаков донских и кубанских, властью советской недовольных. Трое суток, как набедившийся волк от овечьей отары, уходят дорогами и целиною бездорожно, а за ним в назирку отряд Николки Кошевого. Отъявленный народ в банде, служивский, бывалый, всё же крепко призадумывается атаман: на стременах привстаёт, степь глазами из-*

*лапывает, вёрсты считает до голубенькой каймки лесов, протянутой по ту сторону Дона. Так и уходят по-волчьи, а за ними эскадрон Николки Кошевого следы топчет.*² В характеристике последнего передаётся сходство его мимики с оскалом волка в момент схватки с атаманом: «Молодое безусое лицо, злобой перекошенное, и сужившиеся от ветра глаза».³ Появляется в рассказе и «реальный волк» как предвестник грядущих зловещих событий: *Из бурелома на бугор выскочил волк, репьями увешанный, прислушался, угнув голову вперёд.*⁴ Кульминацией рассказа становится «убийство атаманом собственного сына по неведению» [4, с. 14] и испытываемое отцом потрясение в момент, когда, снимая с убитого сапоги, он увидел на его ноге «с голубиное яйцо родинку», как у него самого. В этот момент волчья злоба, владевшая им в пылу погони, уступает место человеческой боли от осознания непоправимой утраты: «– Сынок!.. Николушка!.. Родной!.. Кровинушка моя... Чернея, крикнул: – Да скажи же хоть слово!.. Как же это, а?»⁵ Ответить на этот вопрос он уже никогда не сможет, и сын тоже: ... *накрепко закусил Николка посинелый кончик языка, будто боялся проговориться о чём-то неизмеримо большем и важном. К груди прижимая, поцеловал атаман стынущие руки сына и, стиснув зубами запотевающую сталь маузера, выстрелил себе в рот.*⁶ Это нечто «большое и важное» – не классовая вражда, не инстинкт самосохранения, а сущностное нравственное начало человека, не имеющее привязки к конкретному времени.

Отметим, что данными темами развёртывание мотива волка в ранних рассказах М. Шолохова не исчерпывается. К числу таких тем относятся, в частности, тема рождения и смерти, свободы и неволи (в разных вариантах), судьбы и предопределённости, случайности и закономерной неизбежности и др.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 173.

Сквозной мотив волка, представляющий идею сосуществования человеческого и природного в их единстве и разобщённости, особенно ярко метафорически явлен в рассказе «Лазоревая степь»: в сюжете описывается жестокая расправа богатого пана над семьёй простого землепашца – деда Захара, один из внуков которого был расстрелян, а второй, после того как по нему проехали панские телеги, остался без ног, и в свои двадцать с небольшим лет оказался непригоден к крестьянской работе (не может ходить, передвигаясь только на руках). Отчаяние и безысходность существования простого человека-землепашца, втянутого по воле обстоятельств в эту братоубийственную войну, передаются Шолоховым в следующем эпизоде: ...Аникей припал к земле лицом, глыбу, лемешами отвёрнутую, обнял, к себе жмёт, руками гладит, целует... Двадцать пятый год ему, а землю сроду не придётся пахать... Вот он и тоскует...¹

В финале рассказа возникает мотив волка, оставляющего следы на пыльной дороге в степи: *По дороге, на заботливо расшитом полотнище пыли, виднелись следы: один волчий, шаг в шаг, редкий и разлапистый, другой – косыми полосами кромсавший дорогу, – след ... трактора. Там, где летник вливается в заросший подорожником позабытый ... шлях, следы расстались. Волчий свернул в сторону, в яры, залохматевшие непролазью бурьяна и терновника, а на дороге остался один след, пахнувший керосиновой гарью, размеренный и грузный.*² Следы уходящего в лес волка в противовес следам «бездушной машины» на фоне обесчеловеченного пространства символизируют полное разрушение связи с природным исконным представлением о земле как кормилице, источнике жизни и цели существования.

Заключение

Таким образом, мотив волка в ранних рассказах М. Шолохова выступает способом «оценочной параметризации мира в образах обыденного и мифологического сознания» [13, с. 200] и решает разные задачи:

- создаёт связь между природным и человеческим мирами;
- отражает нравственные основы поступков героев;
- моделирует художественное пространство текста;
- создаёт единство цикла рассказов, связывая различные векторы тематического развёртывания в них волчьего мотива.

Древние верования в образе волка проявляются через его сакральное значение в фольклорной традиции. Волк становится связующим звеном между миром людей и миром природы, отражая архаическое представление о единстве всего живого. Современные реалии накладываются на древний образ через призму гражданской войны и социальных потрясений [15; 16]. Волк становится символом выживания сильнейшего, что перекликается с жестокостью времени. При этом сохраняются традиционные представления о волке как о существе, подчиняющемся своим законам и противопоставленном законам человеческого бытия.

Образ волка является важным инструментом развёртывания панорамной картины мира, где переплетаются древние верования и современные реалии, человеческая природа и звериные инстинкты, личное и общественное, что в совокупности создаёт глубокое философское осмысление человеческой судьбы в эпоху перелома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миннуллин О. Р. Поэтика рассказа М. А. Шолохова «Жеребёнок»: ритуально-мифологический аспект // Мир Шолохова. 2023. № 3(20). С. 5–12.
2. Слюсаренко Л. М. М. А. Шолохов и белорусская литература: общие традиции, константы и параллели // Мир Шолохова. 2024. № 1 (21). С. 57–63.

¹ Шолохов М. А. Рассказы. Л.: Художественная литература, 1983. С. 214.

² Там же.

3. Смышляева Е. А. Метафора в «Донских рассказах» М. А. Шолохова // Мир Шолохова. 2022. № 2(18). С. 111–117.
4. Котовчихина Н. Д. Эпическая проза М. А. Шолохова в русском литературном процессе XX века. М.: Таганка, 2004. 309 с.
5. Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Homo soveticus & Homo postsoveticus: модели счастья в русской литературе // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.528.
6. Дворяшин Ю. А. М. А. Шолохов в сознании современников: 110-летию со дня рождения писателя // Литература в школе. 2015. № 12. С. 2–7.
7. Урюпин И. С. «Не успеет стриженная девка косы заплести...»: об одном женском типе в творчестве М. А. Шолохова и М. А. Булгакова // Мир Шолохова. 2023. № 1. С. 14–19.
8. Гридина Т. А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. С. 270–281.
9. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 649 с.
10. Абашева Д. В. Поэтика народной культуры в «Донских рассказах» М. Шолохова // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 416–423.
11. Коновалова Н. И. Прагматика русского заговора // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. С. 60–66.
12. Бартомицкий Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.
13. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия // Русин. 2019. № 56. С. 198–212. DOI: 10.17223/18572685/56/12.
14. Муравьева Н. М. Художественное время и пространство «Донских рассказов» М. А. Шолохова // Шолоховские чтения: сборник научных трудов. Вып. 4. М.: Таганка, 2004. С. 67–71.
15. Ковалева О. В. Изображение экстремальной социально обусловленной ситуации как способ демонстрации жизненных установок персонажа в рассказе М. А. Шолохова «Кривая стёжка» (взгляд лингвиста) // Мир Шолохова. 2024. № 2 (22). С. 46–58.
16. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 2006. 561 с.

REFERENCES

1. Minnullin, O. R. (2023). Poetics of M. A. Sholokhov's story "The Foal": ritual and mythological aspect. In: *The World of Sholokhov*, 3 (20), 5–12 (in Russ.).
2. Sliusarenko, L. M. (2024). M. A. Sholokhov and Belarusian Literature: Common Traditions, Constants, and Parallels. In: *The World of Sholokhov*, 1 (21), 57–63 (in Russ.).
3. Smyshlyaeva, E. A. (2022). Metaphor in M. A. Sholokhov's "Don Stories." In: *The World of Sholokhov*, 2 (18), 111–117 (in Russ.).
4. Kotovchikhina, N. D. (2004). *Epic prose of M. A. Sholokhov in the Russian literary process of the twentieth century*. Moscow: Taganka Publ. (in Russ.).
5. Podchinenov, A. V. & Snigireva, T. A. (2020). Homo soveticus & Homo postsoveticus: models of happiness in Russian literature. In: *Scientific notes of Petrozavodsk state university*, 42 (7), 78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.528 (in Russ.).
6. Dvoryashin, Yu. A. (2015). M. A. Sholokhov in the minds of his contemporaries: the 110th anniversary of the writer's birth. In: *Literature at school*, 12, 2–7 (in Russ.).
7. Uryupin, I. S. (2023). "Before the bobbed girl has time to braid her hair...": about one female type in the works of M. A. Sholokhov and M. A. Bulgakov. In: *The World of Sholokhov*, 1, 14–19 (in Russ.).
8. Gridina, T. A. (2018). Semantic Perspective of a Word in a Fiction Text. In: *Linguistics of Creativity-4: Collective Monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., pp. 270–281 (in Russ.).
9. Veselovsky, A. N. (1940). *Historical Poetics*. Leningrad: Fiction Publ. (in Russ.).
10. Abasheva, D. V. (2016). Poetics of folk culture in M. Sholokhov's "Don Tales." In: *Teacher XXI century*, 1, 416–423 (in Russ.).
11. Konvalova, N. I. (2007). Pragmatics of Russian conspiracy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 1, 60–66 (in Russ.).

12. Bartminsky, E. (2005). *Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics*. Moscow: Indrik Publ. (in Russ.).
13. Gridina, T. A. & Konovalova, N. I. (2019). Zoomorphisms as a basis for modeling phraseological semantics: Russian-Polish correspondences. In: *Rusin*, 19 (56), 198–212. DOI: 10.17223/18572685/56/12 (in Russ.).
14. Muravyova, N. M. (2004). Artistic Time and Space of M. A. Sholokhov's "Don Tales." In: *Sholokhov Readings: A Collection of Scientific Papers. Issue 4*. Moscow: Taganka Publ., pp. 67–71 (in Russ.).
15. Kovaleva, O. V. (2024). Depiction of an Extreme Socially Determined Situation as a Way of Demonstrating the Character's Life Attitudes in M. A. Sholokhov's Story "Crooked Stitch" (A Linguist's View). In: *The World of Sholokhov*, 2 (22), 46–58 (in Russ.).
16. Vepreva, I. T., Kupina, N. A. & Mikhailova, O. A., eds. (2006). The language of hatred and the language of consent in the socio-cultural context of modernity: collective monograph. Ekaterinburg: Ural State University named after A. M. Gorky Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гридина Татьяна Александровна (г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета;

ORCHID: 0000-0003-3993-5164; e-mail: tatiana_gridina@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична (г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

ORCHID: 0000-0002-8541-1014; e-mail: sakralist@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Gridina (Ekaterinburg) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University;

ORCHID: 0000-0003-3993-5164; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda I. Konovalova (Ekaterinburg) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Prof., Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;

ORCHID: 0000-0002-8541-1014; e-mail: sakralist@mail.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-3-97-109

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «ТОСКА» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Желтова Н. Ю.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов,

Российская Федерация

e-mail: nata_zheltova@mail.ru

Поступила в редакцию 18.02.2025

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация

Цель. Анализ художественной репрезентации русского национального концепта «тоска» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Процедура и методы. Ключевым методом в исследовании стал концептуально-культурологический подход. С его помощью проведён анализ национально-специфического образа мира в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон». Используются также историко-литературный, структурно-поэтический, сравнительно-типологический методы анализа.

Результаты. В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» русский концепт «тоска» является важнейшей доминантой авторского сознания и отражает преимущественно народные представления об этой эмоции. Он образует обширное аксиологическое и образно-мотивное поле, в котором находят реализацию многочисленные смыслы константы. Носителями тоски в романе преимущественно являются женские персонажи и Григорий Мелехов.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в прояснении механизмов художественной репрезентации русского концепта «тоска» на примере масштабного жанрового образования – романа-эпопеи.

Ключевые слова: культурный концепт, М. А. Шолохов, русская литература XX века, русский характер, тоска, художественная репрезентация

Для цитирования:

Желтова Н. Ю. Русский национальный концепт «тоска» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 97–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-97-109>.

Original research article

RUSSIAN NATIONAL CONCEPT OF “LONGING” IN THE EPIC NOVEL BY M. SHOLOKHOV “AND QUIET FLOWS THE DON”

N. Zheltova

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

e-mail: nata_zheltova@mail.ru

Received by the editorial office 18.02.2025

Accepted for publication 27.02.2025

Abstract

Aim. To analyze the ways of artistic representation of the Russian national concept of "longing" in the epic novel by Mikhail Sholokhov "Tikhii Don" ("And Quiet Flows the Don").

Methodology. The key method in the study was the conceptual-cultural approach. With its help, the analysis of the national-specific image of the world in the epic novel by Mikhail Sholokhov "And Quiet Flows the Don" was carried out, the most important dominant of the author's consciousness – the Russian concept of "longing" – was determined. The historical-literary, structural-poetic, poetic-typological methods of analysis were also used.

Results. In Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don", the Russian concept of "longing" is the most important dominant of the author's consciousness and reflects mainly national perception of this emotional experience. It forms an extensive axiological and figurative-motivational field in which numerous meanings of the constant are realized. The bearers of longing in the novel are mainly female characters and Grigory Melekhov.

Research implications. The theoretical significance lies in clarifying the mechanisms of artistic representation of the Russian concept of "longing" using the example of a large-scale genre formation – the epic novel.

Keywords: cultural concept, Mikhail Sholokhov, Russian literature of the XX century, Russian character, longing, artistic representation

For citation:

Zheltova, N. Yu. (2025). Russian National Concept of "Longing" in the Epic Novel by M. Sholokhov "And Quiet Flows The Don". In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 97–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-97-109>.

Введение

Исследование концептосферы шолоховской прозы активно продолжается на протяжении последних десятилетий и осуществляется в основном представителями лингвистической науки. Они рассматривали репрезентации характерных для творчества писателей концептов «любовь» [1], «время» [2], «родина» [3], «дом» [4], «судьба» [5], религиозные концепты [6] и другие. Работы литературоведов, осуществленные в ракурсе концептуально-культурологического метода к произведениям Шолохова, единичны [7; 8]. Между тем такой подход, предполагающий использование культурных концептов для выявления специфики как национального, так и индивидуально-авторского мировидения писателя, представляется весьма продуктивным. Поскольку многомерная структура концепта, содержащая наряду с другими и образный компонент, позволяет литературоведу зафиксировать способы и формы его существования в художественном произведении на структурно-поэтическом, идейно-тематическом, философско-эстетическом уровнях.

Концепт «тоска» относят к базовым константам русской культуры. Например, польский лингвист А. Вежибицкая в результате исследований семантических универсалий и базисных концептов разных культур мира пришла к выводу о том, что наряду с концептами «судьба» и «воля» «тоска» является одним из ярких выразителей русского образа мира и характера [9]. Отечественные исследователи также относят концепт «тоска» к национально маркированным и рассматривают его в группе эмоциональных концептов [см., например, 10; 11], включающих в себя, помимо понятия «образ, культурную ценность и функционально замещающие человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [10, с. 47], в семантическом поле которых главным процессом является переживание [12, с. 61].

Необходимо отметить, что слово «тоска» демонстрирует удивительную устойчивость в своём лексическом значении. Уже в словаре В. И. Даля отмечена его принадлежность к духовно-эмоциональной сфере: «Тоска (теснить) – стесне-

ние духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь».¹ И в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» 2003 г. Е. В. Урысон также рассматривает тоску в философско-эмоциональном ключе и в одном синонимическом ряду со словами «грусть» и «печаль», считая её самым тяжёлым состоянием из трёх представленных: «Неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно».²

В этом ключе выдержано известное высказывание о тоске Н. Н. Бердяева, который также осмысливал тоску через эмоционально-чувственные категории, но придавал ей трансцендентные смыслы: «Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты этого мира. Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность, бездну между мной и трансцендентным. Она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного. Тоска может пробуждать богосознание, но она есть также переживание богооставленности».³ Это соединение эмоционального и философского начал в исследовании феномена тоски присуще и многим русским писателям [см., например, 13]. Например, В. В. Набоков называл «тоску» в числе трёх любимых слов А. С. Пушкина и давал такое определение: «Тоска» – обобщённый термин для определения чувства физической или метафизической неудовлетворённости, томления, тупой боли, саднящего отчаяния, грызущих душу мечтаний».⁴ Ещё раньше А. А. Блок в статье «Безвременье» (1906) отмечал неразрывную связь русской жизни с тоской и бесконечным пространством: «Вот русская действительность –

всюду, куда ни оглянешься, – даль, синева и щемящая тоска неисполнимых желаний».⁵

Необходимо заметить, что Шолохов как национально ориентированный художник практически во всех своих произведениях и использует слово «тоска», и многогранно художественно репрезентирует русский концепт «тоска», что свидетельствует о его глубоком проникновении в фундаментальные основы национальной аксиологии. К сожалению, на сегодня этот важнейший аспект шолоховского наследия остаётся практически не изученным, несмотря на то что шолоховеды в последнее десятилетие довольно активно анализировали в прозе М. А. Шолохова национальные духовно-культурные, исторические ценности [см., например: 14–19]. В настоящее время не существует работ, в которых бы комплексно осмысливался феномен русской тоски в произведениях писателя. А между тем обращение к этой стороне творчества Шолохова позволит чётче обозначить ценностные координаты национального образа мира, воплощённые в индивидуально-авторском мировидении художника.

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» представлены практически все ключевые константы национальной концептосферы. Концепт «тоска» является одним из самых распространённых по употреблению и встречается в тексте произведения более 130 раз. Слово *тоска* функционирует в различных грамматических формах и образует своеобразное аксиологическое и образно-мотивное поле, в котором можно выделить отдельные доминанты.

Тоска и невозможность счастья

Вся чувственно-эмоциональная сфера романа инструментирована концептом «тоска». В первых двух книгах с его помощью преимущественно характеризуются сложные взаимоотношения внутри любовного четырёхугольника, состоящего из Григория, Аксиньи, Степана и Натальи.

¹ Тоска // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1994. С. 810.

² Урысон Е. В. Тоска // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 1165–1170.

³ Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 58.

⁴ Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 295.

⁵ Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.; Л.: Художественная литература, 1962. С. 75.

Первой любовной тоской начинает страдать Аксинья, которая воспринимает свою любовь-страсть к Григорию именно как болезнь (душевную и физическую) и обращается к знахарке с характерными симптомами: «...Тоскую по нём, родная бабунюшка. На своих глазыньках сохну. Не успеваю юбку ушивать – что ни день, то шире становится...»¹

Бабка Дроздиха в словах заговора также называет тоску «лихоманицей» (лихоманкой, лихорадкой), которая в славянской мифологии имеет женский облик, мучает человека, бросая его то в жар, то в озноб, лишая аппетита и сна. В романе показан интересный обряд «отливания тоски» с использованием соли, донской воды, крестного знамения. Однако Аксинья чувствует бесполезность обряда и испытывает внутреннюю неудовлетворённость, смотря на Дроздиху с «тоской и злобой». То, что обряд знахарки оказался бессильным перед «тоской-лихоманицей», показывает новая встреча Григория с Аксиньей, которая чувствует, «как похолодело под руками коромысло и жаром осыпала кровь виски».

Но Аксинья, получившая Григория в полное владение, не перестаёт болеть «тоской-лихоманицей», которая теперь уже соединяется не с ненавистью к Степану, а со страхом потерять любимого. Она боится сказать Григорию о своей беременности, поскольку не знает, кто отец её ребёнка. Тоска в этом случае снова прямо воздействует на тело Аксиньи, она «желтела от подступавшей временами тоски и боязни, чего-то выжидала».

Состояние тоски, смешанное со злобой и ненавистью, испытывает Степан, узнавший об измене жены и любивший её «тяжкой, ненавидящей любовью». Спустя долгое время после расставания с ней после услышанного рассказа о её благополучной жизни в Ягодном у Степана «в опущенных светлых глазах возгорались и тухли злобно-тоскливые огоньки». Тоска Степана разливается в природном пространстве,

смыкается с «текучим стремением Дона», «огнистой извилистой стёжкой месяца», «дремотными тополями»: «Тоска тихо и властно обняла Степана». Его глаза снова вспыхивают «тоской и ненавистью», когда он видит Григория в гостях у Аксиньи.

После женитьбы Григория на Наталье Коршуновой в душе Аксиньи «плелась ненависть с великой любовью». Мелехов после встречи с ней чувствовал «сосущую тоску»: «Без причины злобствовал, срывал зло на Дуняшке, на матери...» «Злобную тоску» Григорий испытывает, когда ждал Аксинью, не зная, согласится ли она уйти вместе с ним из дома, а когда вспоминал об Аксинье и Степане, тоскливо вздыхал.

Во всех этих ситуациях тоска-злоба отражает состояние тревожных предчувствий, беспомощности перед надвигающимися событиями, внутреннего протеста против нравственных антиномий в жизни героев.

В день своей свадьбы Григорий вместо радости испытывает невероятное давление со стороны общества, которое заставило его жениться на нелюбимой женщине: «Поёжился, с задавленной тоской оглядел чавкающих, хлюпающих, жрущих людей». Здесь тоска соседствует с далевским «стеснением духа» и физическим ощущением в теле тесноты, боли и несвободы: ворот рубахи «душил горло», «пшено терло ногу».

Тоска после свадьбы навсегда поселилась и в сердце Натальи, она перехватывала страстные взгляды мужа в сторону Аксиньи «своим тоскующим, ревнивым взглядом», чувствовала тоскливое состояние мужа, который был не в силах больше выносить это душевное томление, признался ей в нелюбви и ушёл к сопернице. «Тоскующим вскриком» она провожает от ворот не только Григория, но и своё «заплёванное счастье», которое оказалось недостижимым.

Тоска в романе становится постоянной характеристикой Натальи, её чистой, хотя и безответной любви. Шолохов приводит описание этого тяжёлого состояния, в котором несчастная жена Григория совершала свои поступки: «...Исходила ночами в жгучей тоске, крушилась, растоптанная

¹ Здесь и далее текст цит. по: Шолохов М. А. Тихий Дон [Электронный ресурс]. URL: https://roslit.com/book/Tihij_Don_Sholohov_10.02.2025).

нежданной, незаслуженной обидой». Тоска героини соединяется ещё и со страхом потерять свою честь. Митька пытается «разогнать её тоску», но получает жесткий отворот. Черты лица свёкра, напоминающие Григория, заставляют в её душе с новой силой почувствовать тоску по невозвратно утраченному.

Наталья испытывает глубокое одиночество, пытаясь скрывать от людей, как «борет её тоска по мужу», но получает лишь осуждение и позор. Тоска выступает здесь как неотвратимая сила, самостоятельное живое существо, которое лишает человека способности сопротивляться и бороться за свою жизнь. Именно тоска толкает Наталью на самоубийство, она «ощупью, без мысли, без чувства, в чёрной тоске, когтившей её заплотненную позором и отчаянием душу, добралась до угла». Чудом выжив, она не смогла избавиться от когтей тоски: «...Не было в семье человека, кто бы с такой тоской и болью ожидал от него (Григория. – Н. Ж.) письма».

В главе 19 первой книги тоска Натальи по Григорию достигает своего апогея. Она приходит к своей сопернице Аксинье, которая тоже мается тоской по Мелехову, чтобы предъявить на него свои права. Тоска этих женщин полностью фокусируется на одном человеке, только векторы у неё разные. Аксинья боится снова потерять любимого теперь уже на войне и томится в «смертной тоске», которая является своеобразным средством духовной связи с любимым: «...Он сердцем должен почуять, как тоскую об нём». Наталья продолжает тешить себя надеждой на его возвращение. Причём тоска является первопричиной её поступков, в том числе унижительной просьбы к Аксинье вернуть мужа: «Тоска меня пихнула». А в итоге этой встречи Наталья чувствует себя «раздавленной неизъяснимой тоской».

Встреча двух женщин, страдающих тоской-болезнью по любимому, является своеобразной кульминацией любовной линии романа. Несмотря на то, что Наталья всё же дождалась Григория, родила от него двух детей, она продолжает то-

миться в тоске, ожидая его с фронтов уже гражданской войны.

При возвращении с фронта Григорий видит измену Аксиньи и испытывает «необъятную тоску», которая обладает чрезвычайной силой и снова разлучает его с любимой женщиной. Когда речь идёт о его сопернике Листницком, в Григории вспыхивают чувства давней обиды, начинается кровоточить старая душевная рана, Мелехов мечтает о мести за свою поруганную жизнь: «За давнее сладко отомстил бы Григорий – за то, что по вине проклятого человека выцвела жизнь и осталось на месте прежней полнокровной большой радости сосущая голодная тоска, линиялая выцветень». В незнакомой женщине он готов, «затосковав глазами», увидеть похожие черты Аксиньи. «Ужаленный тоской, покорённый нахлынувшими воспоминаниями» – таким предстает Григорий, когда он снова видит Аксинью дома на берегу Дона.

Заканчивается любовная история Григория и Аксиньи её признанием в том, что любовь и тоска навсегда привязали её сердце к любимому: «Это любовь да тоска по тебе, Гриша, так меня скрутили... Только детишек жалко, а об себе я и “ох” не скажу. Везде пойду за тобой, хоть на смерть!»

В любовной линии романа в мотивном поле концепта «тоска» переплетаются мотивы болезни, злобы, слёз (плача), тревоги, обиды, душевной боли, которую герои стараются подавить физически.

Тоска природы и казачьей песни

Чувство тоски у Григория резонирует с состоянием природы, которую Шолохов всегда наделяет особой духовной чуткостью. В день женитьбы Мелехова на любимой Наталье само природное пространство как бы наполняется тоской: «Предосенняя, тоскливая, синяя дрёма, сливаясь с сумерками, обволакивала хутор». Именно осень в данном случае подчёркивает внутреннюю тоску главного героя по счастливому молодому прошлому с Аксиньей, по несбывшемуся счастью и любовным мечтам.

В другом эпизоде романа тоска поздней осени отражает подведение итогов, уход Григория от нелюбимой Натальи символизирует избавление от старой жизни и указывает на новый путь: «Тоскливо, мертвенно пахли отжившие травы». В момент, когда Григорий приходит в себя после тяжёлого ранения, его окутывает осенняя ночь: «Над ним на дереве стеклянным звоном тоскливо шелестели опалённые ранним заморозком листья». Находясь на грани жизни и смерти, Мелехов чувствует острую физическую боль, тошноту, подавляющий ужас, но всё же находит в себе силы встать и идти к своим.

Важно заметить, что в финале романа именно осенью у Григория «с новой и неожиданной силой» просыпается «тоска по детям, по родному хутору». В это время, подводя итоги своей прежней жизни, он принимает решение об окончательном возвращении домой.

Таким образом, мотив осени маркирует в романе пограничные, переходные состояния героев, когда они находятся во власти тоски.

Испытывать чувство тоски в романе может не только человек. Земля в романе выступает самостоятельным субъектом повествования. Она обладает собственными чувственными настроениями и способна, как человек, тосковать по давно желаемому: «Земля, напитанная всё той же горечью всесильной полыни, тосковала о прохладе».

Интересно заметить, что в романе чаще всего именно дорога – степной шлях – наделяется свойством тоски, символизируя невозможность отказаться от обыденного и повседневного, свернуть с устоявшегося уклада жизни: «...Люди, прикованные к жилью, к будням своим, изнывали в работе, рвали на молотье силы, и дорога – безлюдный тоскующий след – текла, перерезая горизонт, в невидь».

Через пейзаж «тоскливого снежного поля», на котором разбросаны «трупы порезанных пулемётным огнём матросов», Григорий постепенно начинает осознавать весь ужас происходящего национального кровопролития. «Тоска по человеческой крови» приписывается Шолоховым так-

же предметам из мира неживой природы. «Нудную нутрянную боль» Мелехова после знакового боя под Лешнювом, когда он впервые убивает человека, сопровождает описание противоестественного состояния природы во время войны: «...Хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды: ржавели в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали».

Мелехов на охоте с хозяином замечает «чёрную старую суку», которая «тоскующим старушечьим взглядом ловила взгляд оглядывавшегося Григория». В этом эпизоде присутствует мотив утраченной молодости, здоровья и сил, невозможность более успевать за темпом жизни.

В «Тихом Доне» особенно часто «тоскуют» птицы. Их естественные реакции служат метафорическими проекциями на судьбу человека. Так, Шолохов описывает журавля с перебитым крылом, который, живя в Ягодном сытой жизнью, тем не менее, рвётся от земли к своим сородичам: «...И в ноябре дергал тот струны человеческих сердец медноголосым тоскующим криком, слышав невнятный призыв вольных в отлёте журавлей».

Птицы в романе часто служат предвестниками трагических событий в мире людей. Тоскливая перекличка куликов заставляет Григория всегда с тревогой думать о будущем.

Важно отметить, что тоска в «Тихом Доне» символизирует неизбежные потери во время войны, она соединяется со страхом ожидания смерти близких. Символом такой коллективной тоски людей в романе становится птица – сова-сыч, которая летает над кладбищем и своим криком «вгоняет тоску». Важно заметить, что в традиционной народной культуре, сыч является предвестником несчастий и смерти. Мартин Шумилин намеренно охотится на него, словно пытаясь защитить хутор и свою многодетную семью от неизбежных последствий войны.

Но «пророчества» сыча неотвратимо сбываются, «глухая прижившаяся тоска» по погибшим близким настигает людей. Ещё тяжелее она воспринимается на фоне

радости тех, чьи родные вернулись живыми: «Сколько ни будет из опухших и выцветших глаз ручиться слёз, – не замыть тоски!» Тоска становится как бы самостоятельным членом семьи, от которой невозможно избавиться, поскольку нельзя изменить настоящее и будущее. Тоска по погибшему брату Петру настигает и Григория Мелехова.

Символом такой неизбывной коллективной народной тоски по умершим близким становится одинокая часовня в степи, которая осталась «горюнить глаза прохожих и проезжих извечно унылым видом, будить в сердцах невятную тоску».

Необходимо заметить, что Шолохов только в одном эпизоде романа показывает обратимость тоски по умершему близкому, обращает внимание на то, что она может носить временный характер. Быстро оправилась после смерти Петра Дарья и тоска её «ушла вместе со стаявшим снегом».

Тоска и смех всего один раз соседствуют в романе, когда Дарья пытается рассмешить Наталью, которая считает, что веселье не к добру: «Вас ежли не расчудить, так вы тут от тоски заплеснеете!» И Наталья в конце концов оказывается права в своих предчувствиях. Под «тоскливые крики чаек» Дарья рассказала ей о своей «дурной болезни».

Тоска в романе находит яркое воплощение в старинных казачьих песнях. Они, как и донская природа, отражают внутренне эмоциональное состояние героев. После внешнего примирения Аксиньи и Степана их тоска-ненависть вылилась в песни, которые они «играли» по вечерам: «Степан, покачиваясь на возу, тянет старинную песню, тягуче-тоскливую, как одичавший в безлюдье, заросший подорожником степной шлях». Здесь тоска вписана в бескрайние степные просторы, связана с образами заросшей дороги и маркирует глобальное одиночество героев, которые оказались в жизненном тупике несбывшегося личного счастья.

В песне выражается тоска казаков на войне, которых томят тревожные предчувствия, неизбежность потерь и смерти. «Тоскуют басы», рассказывая о том, как

«Казак, умирая, просил и молил / Насыпать курган ему большой в головах». Евгений Листницкий, находясь на войне, часто слышал от казаков «одну песню, тоскливую, несказанно грустную»: «Ой, да разродимая моя сторонка, / Не увижу больше я тебя». Казачьи песни позволяли выразить скрытые чувства и стремления казаков, а также отражали не только их тоску по прошлому, мирной жизни, но их настроения в настоящем.

Грустная казачья песня становится предвестником судьбы Аксиньи, финала её жизни, когда неизвестность поманила «призрачным счастьем»: «Тега-тега, гуси серые, домой, / Не пора ли вам наплаваться? / Не пора ли вам наплаваться, / Мне, бабёночке, наплакаться...» «Ворохнувшуюся под сердцем тоску» Аксинья не может заглушить даже физической работой. Важно заметить, что мотивы слёз, плача постоянно сопровождают в романе образ тоскующей Аксиньи, маркируют все вехи её несчастной жизни.

Тоска по родине и материнская тоска

Впервые мотив тоски по родине звучит в «тоскующих одичалых глазах» турчанки – бабки Григория Мелехова. В некоторой степени это его наследственная черта характера, поскольку в романе почти всегда мысли о доме и близких принадлежат Григорию. Они часто связаны с тоской по физическому труду на родной земле. Впервые Мелехов почувствовал, «как исходит весь каменной горячей тоской» по «покинутой далёкой Донщине», находясь вдали от неё уже на войне. В такие минуты ему хотелось заседлать Гнедого и гнать его, не останавливаясь, до самого дома. «Чужое» пространство и трагедия войны обостряют его желание вернуться на родину.

Тоска Мелеховым часто воспринимается сквозь призму оппозиции «своё – чужое», её катализатором становится запах полыни: «Не раз он в Польше, на Украине и в Крыму растирал в ладонях сизую метёлку полыни, нюхал и с тоской думал: «Нет, не то, чужое...»

После встречи на войне с Петром Григорий констатирует у себя наличие вшивой болезни, которая вызвала тоску по дому. Теперь он мечтает обрести крылья, чтобы слетать на родину: «Вша меня заела. С тоски. Я бы дома теперь побывал: так и полетел бы, кабы крылья были». Находясь в Москве на лечении после ранения, Мелехов слышал, как «на окраинах трубили паровозы»: «Может, какой в Донщину сейчас пойдёт?» – подумал Григорий и поник под частыми уколами тоски».

Интересно, что сравнение тоски со вшивой болезнью встречается в романе неоднократно. «Завшивевший» Пантелей Прокофьевич исхудал «от тоски по хозяйству», когда находился в казачьей сотне. От страшных потерь казаков на войне «даже вша ... появилась от тоски» у вестового Мелехова – Прохора Зыкова.

Григорий тоскует по дому и детям, находясь и на гражданской войне, которая воспринимается им как некое замкнутое и бесконечное во времени пространство. Будучи в бегах, он ощущает себя невольным заключённым, настоящим узником: «Всё это было похоже на тюрьму. Григорий изнывал от тоски, от гнетущего безделья. Его неудержимо тянуло домой – к детям, к Аксинье».

Бывший прежде родным хутор, Донщина в силу политических в них изменений стали на определённом этапе жизни Григория чужими, он ощущал себя здесь как за границей: «Одинаково угрюмыми и ненавидящими взглядами встречали его тогда – немцы, теперь – казаки Верхнего Дона». Григорий «тоскливо огляделся по сторонам», чувствуя себя в бескрайней степи, как в ловушке. В сознании Мелехова произошёл и временной разрыв, ему казалось, что родной хутор остался далеко в прошлом: «Охваченный внезапным приступом горячей тоски, он лёг под плетень ничком, закрыл лицо ладонями...» Чтобы преодолеть глобальные противоречия в своём образе мира, Григорий принимает решение бежать из банды Фомина.

И только всего один раз тоска по Ягодному, отцу и Аксинье нападает на

Листницкого: «Его душила внезапно задымившаяся на сердце тоска». Здесь нахлынувшие на Евгения воспоминания показывают его яростное стремление вернуть былую Россию.

Особое место в романе занимает мотив материнской тоски. Впервые Шолохов его касается в описании сцены, когда семья Григория получает известие о его гибели. Пантелей Прокофьевич всерьёз опасается за душевное и физическое состояние Ильиничны, которая в одиночестве «томилась в неумолчной тоске». Здесь материнскую тоску порождает смерть родного человека, который становится объектом недостижимого стремления. Уже в финале романа Шолохов снова возвращается к материнской тоске Ильиничны по живому, но далёкому Григорию: «...С новой силой затосковала по сыну и скрыть этого не смогла». Так получилось, что именно в нём заключается итог её «короткой и бедной» жизни. Её глазами ретроспективно показано детство Григория, начало его жизни. С мыслями о своей «кровинушке» Ильинична покидает этот мир, связывая только с младшим сыном будущее своей семьи.

Аксинья, теряя своего единственного ребёнка, на предсмертном одре ловит его «тоскующий, примиренный» взгляд, который символизирует неизбежность ухода из этого мира. «Невыплаканная тоска», как живое существо, жестоко терзает несчастную мать, соединяясь с мотивом одиночества.

Аксинья глубоко страдает от своего несбывшегося материнства, когда дети Григория засыпают у неё на руках, она «вдруг ощутила на сердце такую безжалостную, режущую тоску, что горло её перехватила спазма». Поэтому именно Аксинья, «охваченная неизъяснимым чувством тоски», остро чувствует жалость и сострадание к Ильиничне.

Во имя спасения своего ребёнка от неминуемой смерти мать Мишки Кошевого требовала, чтобы он немедленно бежал, плакала, «но голос её, налитый тоской, был твёрд». Предчувствуя разлуку навсегда с привычным миром прошлого, сам

Мишка «затосковал глазами», вспомнив своё счастливое детство.

Описывая ужасы гражданской войны, посредством образа тоски Шолохов типизирует материнские страдания: «Горючей тоской оденется материнское сердце, слезами изойдут тусклые глаза, и каждодневно, всегда, до смерти будет вспоминать того, которого некогда носила в утробе, родила в крови и бабьих муках, который пал от вражьей руки где-то в безвестной Доншине...»

Тоска и мир идей

Книжно-философское представление о тоске также присутствует в романе. Его носителем является дворянин Евгений Листницкий. Он является жертвой несчастной любви – его бросила Елизавета Мохова, чей образ он поэтизирует в своём воображении. Записной книжке он доверяет свои любовные переживания, а также соотносит их с начавшейся первой мировой войной: «Меня сжирает тоска по... “утерянном рае”. Вчера очень скромно видел во сне Елизавету. Она оставила тоскующий след».

Евгений чувствует физическую неразрывную связь со своей тоской, которую он сосёт, «как ребёнок соску». И только в походе на войну, где поджидают смертельные опасности, Листницкий видит возможность избавления от пресыщенности. В этом случае тоска служит средством вознесения героя над миром обыденности, вырывает его из мира привычных забот.

Новое увлечение Евгения Ольгой Николаевной привело его снова к мальчишески-мучительным и одновременно приятным воспоминаниям, которые его выдернули теперь уже из пучины войны: «...И вот потянулись дни, сладостные и тоскливые». Снова «книжная» любовь, наполненная строками Бунина и Блока («чужой певучей болью»), будоражила жизнь Листницкого.

Настоящими жертвами книжных идей становятся казаки-революционеры, чьи образы появляются в конце второй кни-

ги. Они тоже подвержены действию тоски, чаще всего она вызвана тем, что их личная жизнь, нравственные принципы приносятся в жертву революционной необходимости.

Так, мотив тоски красной нитью проходит через образ молодого казака Ильи Бунчука, которого назначают главой Революционного трибунала. Ежедневные расстрелы врагов революции привели к тому, что за неделю «он высох и почернел»: Провалами зияли глаза, нервно мигающие веки не прикрывали их тоскующего блеска». Лишение жизни других приводит Бунчука к душевной болезни – тоске, которая заметна окружающим, но которую внешне отрицает сам герой. Однако на определённом этапе прежде жёсткий и волевой Бунчук понимает, что тоска его победила и что временное спасение от неё, как и другие герои романа, он находит только в физическом движении: «Ему было решительно всё равно – вперёд идти или назад, лишь бы двигаться, лишь бы уходить от следовавшей за ним по пятам тоски». У измученного физически и морально Бунчука даже страх смерти не вызывает «сосущую тоску при мысли о том, что у него отнимут жизнь».

Однако другим приговорённым к расстрелу, безымянным соратникам Бунчука, было по-настоящему трудно расстаться с жизнью: «...У двух или трёх было столько глухой тоски в глазах, такой беспредельный ужас в искажённых лицах, что даже конвойные отводили от них глаза и отворачивались, повстречавшись случайным взглядом». Такая тоска здесь связана с отсутствием надежды на спасение. Подобную тоску испытывает и коммунист, командир карательного отряда Лихачёв, который измучен ранением и пленом: «Белозубый рот его был оскален мучительно, как в агонии, в глазах светилась такая мёртвая тоска, что у Григория сон будто рукой сняло». Физические страдания здесь вызывают желание скорейшей смерти, а тоска символизирует невозможность избавления.

Тоска и будущее

Начиная с третьей книги тоска, которую испытывает главный герой, всё чаще появляется в связи с его мыслями о будущем. Разговор Григория с братом Петром о том, что он не нашёл себя в гражданском противостоянии, не выбрал «свою борозду», привёл к тому, что «густая тоска полонила Григория». Колебания заставляют его тревожиться о происходящем, «затравленно, с тоской» додумывать возможные варианты развития событий. В результате Мелехов «захворал тоской»: «Сердце пришло в смятению». Он едет «лечиться» в родную станицу и оставляет вверенное ему казачье войско. Григория охватывает «неосознанная тоска», когда он видит сдачу в плен казаков и предчувствует близкий конец казачьего сопротивления.

Несмотря на то, что Мелехов много раз уезжал из дома на войну, никогда он «не покидал хутора с таким тяжёлым сердцем, как в это ласковое утро. Томимый неясными предчувствиями, гнетущей тревогой и тоской, ехал он, кинув на луку поводья, не глядя назад...» Оглянувшись, в руках у Натальи он видит пророческую траурную косынку. Пришедшие в Татарский красные добавляют Григорию тревожных мыслей о будущем своей семьи, о возможных репрессиях: «...Постоянно с тоскливой тревогой спрашивал себя: «Неужто будут за меня терзать маманю или Дуняшку?»

Григорий, скрываясь от новых властей, вынужден, думая о будущем, сделать судьбоносный выбор: «...Или дальше скитаться по хуторам, вести голодную, бездомную жизнь и погибнуть от глухой тоски, пока хозяин не выдаст властям, или самому явиться с повинной в политбюро, или идти с Фоминым». Но нахождение в банде Фомина только усилило тоску Григория: «На миг в нём жарко вспыхивала и жгла сердце тоска, когда он вспоминал о родных». Причём эта тоска уже начала принимать формы физической болезни: последствия ранения, перенесённого тифа, ужасы войны привели к нестерпимо острой, режущей боли в сердце.

Григорий обострённо чувствует своё глубокое нравственное падение, осознание своей ничтожности, когда становится свидетелем сцены издевательств членов банды Фомина над юродивым: «Григорий содрогнулся, поспешно отошёл. “И вот с такими людьми связал я свою судьбу...” – подумал он, охваченный тоской, горечью и злобой на самого себя, на всю эту постылую жизнь...»

Тоска вольнолюбивого Григория сужает его жизненное пространство до крохотной землянки в лесу. Покоритель обширных степных пространств Мелехов, как затравленный волк, оказался в противоестественных для себя условиях: «Он старался ни о чём не думать и не давать дороги к сердцу ядовитой тоске. Днём это ему удавалось, но длинными зимними ночами тоска воспоминаний одолевала его». Одиночество, невозможность труда на родной земле, нравственный конфликт, утрата любимой, близких и соратников – все эти причины являются двигателями тоски, отравляющей душу и тело главного героя.

Неизвестность будущего наполняла тоской жизни старшего поколения. Пантелей Прокофьевич, «насквозь отравленный тревогой и тоской», во всей полноте ощущал, что он уже не правил жизнью, «а безвольно мотался на её колышущейся хребтине и делал жалкие усилия не упасть». К сильному рачительному хозяину Мирону Григорьевичу Коршунову тоже «всё чаще навевывалась тоска»: «Не к чему наживать. Пропадёт!»

«Тосковали глаза» и у коммуниста Ивана Алексеевича, когда он на казачьем майдане видел «каменные лица, чужие недоверчивые глаза», предчувствовал народный раскол, большие трудности с продвижением в массы большевистских идей. Эти же «окаменевшие в злобе лица казаков» «с тоскою и ненавистью» он видит, когда попадает в плен, осознаёт тщетность своих усилий, неотвратимость смерти.

Пленный босой музыкант-красноармеец «с тоской глянул на товарищей» и, взяв на себя ответственность за возможные страшные последствия своего поступка, рискнул

отказать есаулу в исполнении дореволюционного русского гимна. А «гнусавые тоскующие звуки» всё-таки заигравшего фagота не только не поднимают боевой дух белым, но заставляют их пессимистично смотреть в собственное будущее.

Заключение

Таким образом, концепт «тоска» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» существует как неотъемлемая часть русского национального сознания и преимущественно отражает народные представления об этой эмоции. Константа проявляет себя на образно-сюжетном, структурно-поэтическом, философско-аксиологическом уровнях произведения, отражая при этом авторские целеустановки, дополнительные смыслы и интерпретации, воплощённые в конкретных художественных средствах. Одним из таких средств является мотив, который на содержательно-структурном уровне отражает тоску по субъективному жизненному идеалу, по несбывшемуся, невозможному, невозвратно утраченному, тоску по родине, живым и умершим близким людям, тоску по «потерянному раю» и справедливому мироустройству.

Мотив тоски по несбыточному счастью является основой любовной линии ро-

мана, сопровождает главных героев произведения на протяжении всей жизни. Носителями постоянной тоски-болезни являются преимущественно женские персонажи и Григорий Мелехов, у которого чувство тоски своеобразно эволюционирует на протяжении романа. Мелехову присущи проявления не только любовной тоски, но и тоски по родине, по физическому труду на родной земле, переживания о будущем.

Во многих случаях тоска в романе носит персонифицированный характер, является двигателем сложного комплекса действий как человека, так и живой и неживой природы. Тоска подчёркивает её одухотворенность, обнажает подлинное физическое и духовно-психологическое состояние человека. Казацкие песни становятся носителем ценностного комплекса тоски в романе, её пророческих функций. Красной нитью в произведении проходит мысль о неизлечимости и неотвратимости тоски. Она реализуется преимущественно в замкнутых пространствах и на ограниченных временных промежутках, часто сопровождает конец чему-либо и смерть.

В то же время тоска в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» связана с будущим и желанием героев построить его на новых справедливых основаниях в рамках ценностных установок русского образа мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова Ю. Д. Репрезентация концепта «любовь» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века: сборник статей. Вып. XXI. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2018. С. 111–118.
2. Крыжановская В. А., Ростова А. В. Репрезентация концепта «время» в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Казанская наука. 2020. № 12. С. 73–75.
3. Колабинова Т. И. Репрезентация концепта *родина* в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» и в русской концептосфере // Филология и культура. 2011. № 2 (24). С. 180–183.
4. Гунько Л. О. Репрезентация концепта «дом» в романе-эпопее М. Шолохова «Тихий Дон» // Актуальные проблемы языкознания. 2015. Т. 1. С. 26–27.
5. Васильев С. А. Слово «судьба» в произведениях М. А. Шолохова: языковой контекст и круг художественных ассоциаций // Мир Шолохова. 2021. № 2 (16). С. 89–97.
6. Чапаева Л. Г. Художественно значимые религиозные концепты в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 52–61. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-3-52-61.
7. Желтова Н. Ю. Характер Григория Мелехова в парадигматике национальной аксиологии воли и свободы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2 (38). С. 20–22.

8. Маленкова В. А. Концепт «удаль» в «Донских рассказах» М. А. Шолохова // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 1150-летию преставления святого равноапостольного Кирилла, 210-летию Н. В. Гоголя, 135-летию Е. И. Замятина (Тамбов, 23–25 мая 2019 г.) / под науч. ред. Н. Ю. Желтовой. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 259–264.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
10. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 494 с
11. Чеснокова Л. В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9–1 (23). С. 195–200.
12. Воробьёва И. А. Психологические модели переживания тоски // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 4. С. 61–67. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-61-67.
13. Воробьёва И. А. Экзистенциальный смысл концепта «тоска» в русской языковой картине мира // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. Т. 19. № 4. С. 158–166. DOI: 10.17223/19986645/75/5.
14. Гречушкина Н. В., Голодникова Ю. А. Эпическое мастерство М. А. Шолохова в историческом дискурсе // Казанская наука. 2023. № 12. С. 141–144.
15. Дырдин А. А. Михаил Шолохов и духовно-культурные традиции русского народа // Мир Шолохова. 2016. № 1 (5). С. 41–54.
16. Комаров А. П. Ценностные координаты мировоззрения казачества в творчестве М. А. Шолохова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1 (59). С. 145–151. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.145.
17. Лаврентьева Н. В., Чумакова А. А. Духовно-нравственные аспекты творчества М. А. Шолохова // Русская филология и национальная культура. 2023. № 2 (7). С. 14–24. DOI: 10.37724/y2824-2331-8209-h.
18. Сатарова Л. Г. «Православный Тихий Дон» в творчестве М. А. Шолохова и его предшественников. М.: ИНФРА-М, 2022. 270 с.
19. Творческое наследие М. А. Шолохова в начале XXI века / под ред. Ю. А. Дворяшина. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2022. 544 с.

REFERENCES

1. Kolesnikova, Yu. D. (2018). Representation of the concept of “love” in the novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don.” In: *Bulletin of the scientific and practical laboratory for the study of the literary process of the twentieth century: collection of articles. Issue XXI*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University Publ. pp. 111–118 (in Russ).
2. Kryzhanovskaya, V. A. & Rostova, A. V. (2020). Representation of the concept of “time” in the epic novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don.” In: *Kazan Science*, 12, 73–75 (in Russ).
3. Kolabinova, T. I. (2011). Representation of the concept of homeland in the novel by M. A. Sholokhov “Quiet Flows the Don” and in the Russian conceptual sphere. In: *Philology and Culture*, 2 (24), 180–183 (in Russ).
4. Gunko, L. O. (2015). Representation of the concept “home” in M. Sholokhov’s epic novel “Quiet Flows the Don.” In: *Actual Problems of Linguistics*, 1, 26–27 (in Russ).
5. Vasiliev, S. A. (2021). The word “fate” in the works of M. A. Sholokhov: linguistic context and range of artistic associations. In: *The World of Sholokhov*, 2 (16), 89–97 (in Russ).
6. Chapaeva, L. G. (2024). Artistically significant religious concepts in M. A. Sholokhov’s novel “Quiet Flows the Don.” In: *Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences*, 28, 3, 52–61. DOI: 10.18522/1995-0640-2024-3-52-61 (in Russ).
7. Zheltova, N. Yu. (2005). The character of Grigory Melekhov in the paradigmatics of the national axiology of will and freedom. In: *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2 (38), 20–22 (in Russ).
8. Malenkova, V. A. (2019). The concept of “prowess” in “Don Tales” by M. A. Sholokhov. In: *Slavic world: spiritual traditions and literature: collection of materials of the International scientific conference dedicated to the 1150th anniversary of the death of St. Cyril, Equal-to-the-Apostles, the 210th anniversary of N. V. Gogol, the 135th anniversary of E. I. Zamyatin (Tambov, May 23–25, 2019)*. Tambov: Print-Service Publ., pp. 259–264 (in Russ).

9. Vezhbtskaya, A. (1999). *Semantic universals and description of languages*. Moscow: Languages of Russian Culture Publ. (in Russ).
10. Krasavsky, N. A. (2001). *Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures*. Volgograd: Peremena Publ. (in Russ).
11. Chesnokova, L. V. (2012). Longing as a National Concept of Russian Culture. In: *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*, 9–1 (23), 195–200 (in Russ).
12. Vorobyova, I. A. (2020). Psychological Models of Experiencing Longing. In: *Social and Humanitarian Sciences in the Far East*, 17 (4), 61–67. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-4-61-67 (in Russ).
13. Vorobyova, I. A. (2022). Existential meaning of the concept “longing” in the Russian linguistic picture of the world. In: *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 19 (4), 158–166. DOI: 10.17223/19986645/75/5 (in Russ).
14. Grechushkina, N. V. & Golodnikova, Yu. A. (2023). Epic mastery of M. A. Sholokhov in historical discourse. In: *Kazan science*, 12, 141–144 (in Russ).
15. Dyrdin, A. A. (2016). Mikhail Sholokhov and the spiritual and cultural traditions of the Russian people. In: *The World of Sholokhov*, 1 (5), 41–54 (in Russ).
16. Komarov, A. P. (2022). Value coordinates of the Cossack worldview in the works of M. A. Sholokhov. In: *Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy*, 1 (59), 145–151. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.145 (in Russ).
17. Lavrenteva, N. V. & Chumakova, A. A. (2023). Spiritual and moral aspects of the works of M. A. Sholokhov. In: *Russian Philology and National Culture*, 2 (7), 14–24. DOI: 10.37724/y2824-2331-8209-h (in Russ).
18. Satarova, L. G. (2022). “*The Orthodox Quiet Don*” in the works of M. A. Sholokhov and his predecessors. Moscow: INFRA-M Publ. (in Russ).
19. Dvoryashin, Yu. A. (2022). *The creative legacy of M. A. Sholokhov at the beginning of the XXI century*. Moscow: IMLI A. M. Gorky RAS Publ. (in Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Желтова Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; ORCID: 0000-0002-1592-5511; e-mail: nata_zheltova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Yu. Zheltova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of Russian and Foreign Literature, Derzhavin Tambov State University; ORCID: 0000-0002-1592-5511; e-mail: nata_zheltova@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА. ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ЮБИЛЕЙНОЙ РУБРИКИ ВЕСТНИКА КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (2024. Т. 30. № 3)

Цветкова Н. В.*, Питолина Н. В.

Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: tsvetkova48@yandex.ru*

Для цитирования:

Цветкова Н. В., Питолина Н. В. Современные исследователи о творчестве А. С. Пушкина. Обзор материалов юбилейной рубрики Вестника Костромского государственного университета (2024. Т. 30. № 3) // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 110–118.

MODERN RESEARCHERS ON THE WORK OF A. S. PUSHKIN. REVIEW OF MATERIALS OF THE ANNIVERSARY SECTION OF THE BULLETIN OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY (2024. VOL. 30. № 3)

N. Tsvetkova, N. Pitolina

Pskov State University, Pskov, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: tsvetkova48@yandex.ru*

For citation:

Tsvetkova, N. V. & Pitolina, N. V. (2025). Modern Researchers on the Work of A. S. Pushkin. Review of Materials of the Anniversary Section of the Bulletin of Kostroma State University (2024. Vol. 30. № 3). In: *Russian Studies in Philology*, 3, pp. 110–118.

В третьем номере научного журнала «Вестник Костромского государственного университета» за 2024 г. опубликована подборка статей, посвящённых 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Она включает литературоведческие статьи, обращённые к разным проблемам творчества Пушкина: от осмысления его произведений (прежде всего трагедии «Борис Годунов» накануне её 200-летия) и пушкинских традиций в русской литературе XIX–XX вв. до восприятия личности и творчества поэта в критическом наследии России XIX столетия и в современном русском и зарубежном литературоведении, что говорит об открытости русского пушкиноведения достижениям европейского научного опыта. Кроме того, в подборке присутствуют статьи, связанные с проблемой перевода стихотворений Пушкина на английский язык, а также статьи культурологического содержания, обращённые к празднованию пушкинских юбилеев в России и за рубежом, к судьбе Пушкинского заповедника. Статьи, образующие рубрику к 225-летию А. С. Пушкина, отличаются научной актуальностью и новизной содержания, концептуальностью и в целом высокой филологической культурой.

Открывает юбилейную рубрику «Вестника» статья патриарха российской филологической науки Ю. В. Лебедева, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, автора

значительного числа научных монографий и статей по творчеству И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского и др., хорошо известных учебников по истории русской литературы XIX века, многократно переизданных как для средней, так и высшей школы. Фундаментом его большого научного наследия были и остаются духовные основы русского языка и литературы во все эпохи нашей страны. Статья Ю. В. Лебедева «Трагедия А. С. Пушкина "Борис Годунов" и русская литература второй половины XIX века» [1] стала ключевой для ряда публикаций, в первую очередь обращённых к трагедии «Борис Годунов» и к творчеству Пушкина в целом: О. В. Голодняк (канд. филол. н., ИМЛИ РАН), Д. М. Никитиной (канд. филол. н., ИМЛИ РАН), С. Н. Пяткина (д-р. филол. наук, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского), А. Н. Романовой (канд. филол. наук, КГУ).

В статье «Трагедия А. С. Пушкина "Борис Годунов" и русская литература второй половины XIX века» Ю. В. Лебедев анализирует новый этап духовно-художественного мировидения Пушкина, представляет цельную концепцию, в которой присутствует глубокое объяснение трагедии, её влияния на последующую русскую литературу и её корни, на направление её развития. Основа восприятия трагедии лежит, как показывает автор, в телеологическом понимании истории, участниками которой становятся как исторические деятели, так и частные люди, их поступки, характеры, сила и слабости, жизнь и смерть, воплощённые особыми художественными средствами. В их пространстве находится истина Божественного идеала, «стоящая над человеком и человечеством». Таков реализм Пушкина с «трезвой религиозной первоосновой», в «ядре» которой, по словам Ю. В. Лебедева, «заклучался будущий Толстой, будущий Достоевский, будущий Островский» [1, с. 11–12], заложившие великие традиции русской классической литературы.

В поле смыслов статьи Ю. В. Лебедева находятся выводы Д. М. Никитиной (канд. филол. наук, ИМЛИ РАН) о восприятии А. Ф. Воейковым «Бориса Годунова» как «образца русской трагедии» и «лучшего произведения гениального песнопевца» [2]. Если такие оценки не считать как верность Воейкова «арзамасскому братству», то по развитию эстетического сознания он, несомненно, опередил своё время и своих современников. Статья Д. М. Никитиной интересна и важна хронологической точностью, с которой передано особое восприятие пушкинскими современниками Воейковым и Розеном трагедии, совершенно нового художественного мира, созданного Пушкиным. Автор восполняет представления о Воейкове в своих соглашениях и спорах с Розеном как о журналисте и шире литераторе «второго» ряда, верно служившем русской литературе.

Концепция О. В. Голодняк (канд. филол. наук, ИМЛИ РАН) об Авторе в трагедии Пушкина «развивает» выводы Ю. В. Лебедева о пушкинском реализме в трагедии «Борис Годунов» [3]. По своей сути статья посвящена художественному методу, который был адекватно оценён уже современниками Пушкина И. В. Киреевским и Д. В. Веневитиновым. Новизну оба связывали с пушкинской объективностью. Напомним, что об авторской позиции И. В. Киреевский писал: «Тень умерщвлённого Дмитрия царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам» и т. д.¹ А Д. В. Веневитинов отмечал, что «Личность поэта не выступает ни на одну минуту: всё делается так, как требуют дух века и характер действующих лиц».² Восприятие трагедии этими пушкинскими современниками глубоко и точно: в нём определён, может быть, основной творческий признак, отличающий художественный метод драматурга, – объективность авторской позиции. О. В. Голодняк

¹ Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 85.

² Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. С. 165.

показывает механизмы авторского присутствия, которые помогают ему быть тщательно скрытым от читателя.

В статье О. В. Голодняк привлекает профессиональное умение вести собственный анализ текста, использование выводов современного литературоведения (принципы присутствия автора в драматическом тексте, осмысленные Б. О. Корманом; словесное поведение Пимена и юродивого Николки, анализируемые А. М. Панченко, Д. С. Лихачёвым).

Более широкий масштаб исследуемых пушкинских текстов охватывает статья С. Н. Пяткина (д-р филол. наук, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского) «Мысль семейная» в болдинском творчестве А. С. Пушкина» [4]. Автор следует за биографией Пушкина, которая «диктует» произведения болдинской осени, знаменует, как и михайловская ссылка, новый этап духовного мировидения и художественного освоения жизни и поэтического совершенства. Нам близко утверждение исследователя о «масштабной переоценке ценностей перед новым этапом жизни» [4, с. 29]. С. Н. Пяткин рассматривает финальную сцену «Евгения Онегина», развязки «Повестей Белкина», «Моцарт и Сальери» и другие тексты. Новизна восприятия последней сцены романа, его вне-литературности, казалось бы, абсолютно исследованные к настоящему времени, отличаются оригинальностью и глубиной, подобно выводам о «Повестях Белкина», осмысляемых как «преданья русского семейства»

Анализируя мотивно-образные доминанты болдинских текстов, С. Н. Пяткин выходит в пространство констант русской духовной культуры и жизни: Дом, родовая Память. В глубине научных и духовных открытий о русском и западном человеке, рассматриваемом исследователем на материале маленьких трагедий, в сравнительном анализе идей произведений первой болдинской осени заложены актуальные нравственные смыслы, обращённые в нашу современность, что особенно ценно.

В статье А. Н. Романовой (канд. филол. наук, КГУ) «*«Недолго нас покойницы тревожат»*: слеза Ловласа в “Каменном госте”» есть новизна восприятия загадочного образа Инезы, несмотря на большое количество исследований о маленьких трагедиях Пушкина [5]. Статья показывает хорошее знание истории пушкинского интереса к типу героя (Дон Жуан, Ловлас, Адольф), к комедии Мольера, опере Моцарта, роману Ричардсона, а также к пониманию поведения Онегина, Владимира («Роман в письмах»), самого Пушкина в определённую пору жизни. Всё это делает серьёзным и целенаправленным анализ первой сцены «Каменного гостя». Для А. Н. Романовой образ загадочной Инезы соотносим не столько с героиней романа Ричардсона, сколько с высказыванием Ловласа о своей любовной истории. Как показывает А. Н. Романова, неожиданное сожаление о погубленной героине сближает Ловласа с Гуаном. Автор статьи глубоко знает литературные источники и увлечена ими. Отметим культуру исследования, скрупулёзность при осмыслении темы: от научных статей (В. Б. Томашевский, М. Н. Виролайнен и др.) до фактов жизни Пушкина (А. А. Ахматова).

Н. А. Лобкова (канд. филол. наук, КГУ) в статье «Материалы к биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова: особенности построения текста» поставила сложную задачу показать «процесс художественного развития сознания поэта» [6], опираясь на композицию текста, что ей профессионально удаётся. Тема статьи связана с анализом объёмного биографического материала, важного для автора и его современников, открывавших Пушкина-человека и творца в середине XIX в. заново. Н. А. Лобкова идёт вслед за мыслью П. В. Анненкова, показывая, например, развитие лирического дара Пушкина от лицейского периода до 1830-х гг., определяя принцип автора «Материалов...» как «зеркальное оформление» мысли [6, с. 45]. Он помогает читателю обогатить восприятие лицейской поэзии за счёт известных строк «Евгения Онегина» («В

те дни, когда в садах Лицея...) и за счёт черновых набросков этих же стихов. Такие ценные наблюдения автора статьи относятся и к другим главам труда Анненкова о «Борисе Годунове», о работе Пушкина над «Евгением Онегиным» и раскрывают читателю глубину восприятия и любви автора «Материалов...» к поэту. Изучая смысл высказывания Пушкина *«Приближаюсь к тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательным»* [6, с. 52], Н. А. Лобкова солидарна с Анненковым, утверждавшим, что поэт *«поджидал вдохновение»* [6, с. 52]. Нельзя ли предположить, что после создания сцены с Пименом Пушкин утверждает в Божественном ходе истории Руси?

Статья И. Ю. Смирновой (аспирант, КГУ) «Творчество А. С. Пушкина в рецепции А. И. Эртеля» обладает цельностью концепции и серьёзным анализом творчества и писем А. И. Эртеля [7]. Можно сказать, что автор статьи выходит за рамки обозначенной темы, т. к. вспоминает и письмо Пушкина к Дельвигу, что показывает глубокий интерес не только к творчеству и биографии Эртеля, но хорошее знание всего анализируемого материала и свободное владение им. Статья интересна по новизне исследуемых текстов, по стремлению понять отношение писателя последней трети XIX века, пореформенного времени с его новыми общественными идеалами, человеческими типами, к Пушкину. И не только понять, но и объяснить его.

И. Ю. Смирнова подробно анализирует упоминание имени Пушкина героями произведений, их понимание его творчества, их отношение к поэту (очерк «Серафим Ежигов», романы «Гарденины», «Смена», «Урождённая Тибякина»). Обращение к письмам А. И. Эртеля углубляет концепцию исследования, выявляя восприятие самим писателем творческого дара Пушкина, его личности и творчества как этический и эстетический идеалы, которые, по убеждению автора статьи, спасают в эпохи общественных бурь.

Тот же этический посыл относится к восприятию Пушкина и его творчества, к пребыванию в Михайловском, отра-

жённым в статьях псковского писателя В. Я. Курбатова конца XX – начала XXI века. Этому посвящена статья А. Г. Разумовской (д-р филол. наук, ПсковГУ) «А. С. Пушкин и Михайловское в критических статьях В. Я. Курбатова» [8]. А. Г. Разумовская также говорит о значении русского гения Пушкина в особый период русской истории, главной бедой которого стала потеря самоидентификации, что отразили книги и статьи псковского писателя и критика. Для него Михайловское – это место высокого духовного и творческого озарения и взросления русского гения, который обретает здесь родину, свои национальные корни. Статья А. Г. Разумовской глубоко осмыслением методологии, соединяющей философию, литературу и религию, с которой В. Я. Курбатов воспринимает личность и творчество Пушкина, что помогает ей адекватно автору прочесть его оригинальные книги и статьи и понять их смыслы на фоне большой пушкинианы, существующей в нашей стране долгие годы: книги К. Паустовского, С. Гейченко, Ю. Куранова, Я. Гордина, И. Будылина, С. Довлатова и др.

У В. Курбатова свой Пушкин, как показала А. Г. Разумовская, обратившись и к мотиву игры, открывая новый смысловой пласт в восприятии Пушкина псковским писателем, участником Псковских театральных фестивалей. Профессиональная и глубокая по содержанию статья А. Г. Разумовской оказывается современной, обращённой к нравственным константам русского человека во все времена.

Статья М. А. Фокиной (д-р филол. наук, КГУ), написанная в соавторстве с аспирантом М. Шохра, «Пушкинское слово в повествовательном дискурсе В. Е. Максимова (по романам “Заглянуть в бездну” и “Кочевание до смерти”)» посвящена актуальной теме изучения повествовательного дискурса, чтобы лучше понять романы о трагической и кровавой истории России XX в., исполненные её осуждением [9]. В романах это эмоциональное начало организует повествовательный дискурс, поддерживается пушкинскими цитатами, о чём справедливо пишут авторы статьи.

Серьёзный анализ разновидностей пушкинских выражений в романе «Заглянуть в бездну» интересен и выявляет не только смыслы поведения и мироотношения Анны Тимиревой, но показывает и авторскую иронию и горечь от «очарования» литературных кумиров, названных по-пушкински «властителями дум», уводящих читателей от понимания времени. Характеристика Колчака строится также с опорой на пушкинскую цитату, усиливающую горькую ироничность повествования. Авторы статьи показывают момент, когда адмирал вспоминает про «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», происходящий при осознании полного поражения его армии.

Подобную функцию пушкинских высказываний авторы статьи выявляют в романе «Кочевание до смерти» для передачи катастрофы человеческих судеб, порождённой историческими катаклизмами XX в. Статья объясняет жёсткость в речевом поведении писателя-эмигранта («Я не создан для блаженства...»), отнюдь не христианский характер поведения бывшего митрополита, оказавшегося «у разбитого корыта». Пушкинскому слову в повествовательном дискурсе, таким образом, сообщается особая функция усилителя смыслов при изображении характеров героев, их судеб, идейного смысла романов В. Максимова в целом.

Свой взгляд на пушкинское творчество имеют англоязычные исследователи, чему посвящена статья В. Г. Андреевой (д-р филол. н., ИМЛИ РАН) «Трактовка романа “Капитанская дочка” в исследованиях зарубежных учёных» [10]. В поле её зрения исследования четырёх англоязычных учёных: Кэрил Эмерсон, Александра Грасса, Лесли О’белл, Полины Рикун. Они знакомят с восприятием зарубежными учёными пушкинского романа, для русского читателя давно сложившимися, что вызывает неподдельный интерес. По мнению автора статьи, важным в исследованиях Кэрил Эмерсон в «Капитанской дочке» станут проблема взросления героя и шире проблема отцов и детей, которая проникает

и в изображение Белогорской крепости, где возникает мир отношений «детско-родительских» [10, с. 63]. Наблюдение интересное и ценное. На наш взгляд, близким русскому читателю станет внимание Кэрил Эмерсон к заглавию романа, о чём совершенно умалчивали литературоведы советского времени, что стало предметом анализа в наше время.

В. Г. Андреева выделяет интерес Александра Грасса к сценам жестокости в «Капитанской дочке». Он обращает внимание на их количественное соотношение в «Истории Пугачёва» и романе. Глубоко по мысли замечание В. Г. Андреевой о выделенных исследователем сценах жестокости в начале и конце «Капитанской дочки», что может способствовать продуктивному анализу романа. Как дискуссионные русский читатель воспримет утверждения Грасса о «сочувствии Пушкина революционным взглядам» [10, с. 64] и «осторожной политической игре» Николая I с Пушкиным, которые писатель «вписывает в отношения Гринёва и Пугачёва» [10, с. 64].

Лесли О’белл в своих исследованиях о соотношении исторического и семейного, как замечает В. Г. Андреева, оказывается вовлечённой в круг идей А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, первыми увидевших связь «Капитанской дочки» и романа «Война и мир» в их жанровой природе, назвав их «семейной хроникой». Однако зарубежному исследователю важна в большей степени индивидуальная судьба как Гринёва, так и Маши, что соответствует её мысли о том, что «именно с личной истории начинается история государства» [10, с. 65].

Полина Рикун высказывает парадоксальное утверждение о Гринёве и Пугачёве как трикстерах. В российских публикациях (Ю. В. Лебедева, Н. Н. Скатова, Ю. М. Лотмана, И. З. Сурат, С. Г. Бочарова и др.) мы найдём совсем иное толкование этих героев. Но можно согласиться с утверждением Рикун о том, что диалог Гринёва с Пугачёвым ведёт молодого героя к человеческой зрелости. Парадоксальность и новизна мыслей англоязычных исследователей сообщает ста-

тье В. Г. Андреевой талантливую концовку, в которой сформулирована тема будущего исследования.

В. Г. Андреева своей статьёй начинает диалог культур в области литературоведения. Он продолжается и в области межкультурного взаимодействия – отдельной сфере исследований, которая, с одной стороны, имеет свои противоречия и тонкости, а с другой – вносит заметный вклад как в развитие теории и практики перевода, так и в процесс духовного взаимопонимания народов, взаимообогащения их национальных культур. Поэтому обращение к проблеме перевода поэзии Пушкина в рамках юбилейной рубрики «Вестника» закономерно и очень ценно.

Статьи, написанные в соавторстве М. Р. Ненароковой (д-р филол. наук, ИМЛИ РАН) и Ю. Н. Еременко-Григоренко (ДГУ, Донецк), М. Р. Ненароковой и А. А. Рубцова (ДГУ, Донецк), посвящены сравнительному анализу способов передачи ключевых образов пушкинских произведений на английский язык, выполненных разными переводчиками.

Новаторство статьи М. Р. Ненароковой и Ю. Н. Еременко-Григоренко «Элегия “Не спрашивай зачем унылой думой” А. С. Пушкина: сравнительный анализ двух англоязычных переводов» заключается в том, что язык перевода элегии Пушкина впервые явился объектом специального лингвистического исследования [11]. В фокусе оказались некоторые ключевые концепты лирики Пушкина («душа», «любовь», «уныние», «забава», «счастье» и др.) и особенности их лексико-грамматической репрезентации в текстах перевода на английский язык. В статье также анализируется синтаксическое строение поэтического текста.

Собственно исследованию предшествует обстоятельный научный и исторический обзор дискуссий по проблеме переводческой множественности, проблеме перевода Пушкина на разные языки мира, истории создания стихотворения «К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой...)». Далее, используя метод семантического

анализа лексических единиц, учитывая лингвокультурные особенности перевода, мироощущения поэта, и даже профессиональную деятельность авторов переводов (В. Чистякова и А. Кнеллера), авторы выявляют степень эквивалентности переводческих соответствий и делают вывод в отношении наиболее удачного в плане постижения смыслов пушкинского текста в переводе.

Проблему переводимости произведений Пушкина продолжает статья А. А. Рубцова и М. Р. Ненароковой «Особенности передачи ключевых образов стихотворения А. С. Пушкина “Клеветникам России” в английских переводах» [12]. Авторы выбрали для сравнения три перевода стихотворения, выполненные как носителем английского языка – англичанином Томасом Баддом Шоу, так и нашими соотечественниками – русскими переводчиками Т. С. Рыжовой и В. Четиным.

В основе исследования лежит тезис о том, что учёт исторических реалий и культурно-исторического колорита описанных в оригинале лиц и событий является одним из важных требований адекватности перевода. Тезис получает развитие при обсуждении конкретных переводческих решений при передаче этнонимов, топонимов и историко-политических событий в англоязычных переводах «Клеветникам России». И здесь, как справедливо замечают авторы статьи, невозможно исключить влияние личности переводчика, его субъективной оценки исторических событий и самого произведения на процесс декодирования текста перевода читателем.

Интерес авторов вызвал перевод реалий русской культуры («Кремль», «русский царь», «старый богатырь») и разные стратегии, к которым прибегают переводчики: Т. С. Рыжова – к стратегии форенизации, которая погружает читателя в иноязычную культуру, а Т. Б. Шоу и В. Четин – к доместикации, что отчасти приводит к потере национальной специфики реалии [12, с. 112].

Стройная логика анализа имеющихся способов перевода с использованием широкого арсенала методов (этимологиче-

ский, морфологический, компонентный и сопоставительный анализ) не оставляет сомнений в объективности предложенных авторами наблюдений.

Расширяют содержание юбилейной рубрики «Вестника КГУ» культурологические статьи, посвящённые 100-летию со дня смерти Пушкина. Ю. А. Азаров (д-р филол. наук, ИМЛИ РАН) в статье «Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии» [13] подробно с опорой на документы воссоздаёт атмосферу подготовки и празднования этого юбилея А. С. Пушкина в Чехословакии, упоминая и эмиграцию Франции. Исследование Ю. А. Азарова основано на архивных материалах, воспоминаниях участников и раскрывает и планы самого празднования, и политическую подоплёку события, которое проходило как среди русской эмиграции, так и в официальных кругах.

Исследование погружает в историю русской культуры, способствует «встрече» с известными представителями русской эмиграции: писателями, литераторами, учёными, театральными и культурными деятелями и т. д. Среди них И. С. Шмелёв, И. А. Бунин, В. И. Немирович-Данченко, С. Лифарь, профессора Францев, Ляцкий, Р. Якобсон и др. Замечательны тексты выступлений И. С. Шмелёва и И. А. Бунина, которые видели залог будущего возрождения России в Пушкине.

Пушкинскому юбилею 1937 г. также посвящена профессиональная статья О. В. Шуган (канд. филол. наук, ИМЛИ РАН) «М. Горький и история реставрации Пушкинского заповедника» [14], которая написана с привлечением большого архивного материала, с глубоким знанием и пониманием темы, с заинтересованностью и хорошо ощущаемым эмоциональным накалом. История Пушкинского заповедника прослежена с начала 1930-х гг. с привлечением истории страны и конкретно Пушкиногорья. Автор показывает этапы возрождения Пушкинского заповедника, роль и участие М. Горького в подготовке пушкинского юбилея, создавая историю заповедника и сохраняя память о тех людях, которые были его создателями, закладывали традиции жизни советского музея и паркового комплекса.

Рубрика к 225-летию А. С. Пушкина в «Вестнике Костромского государственного университета» производит впечатление отдельного научного мини-сборника статей, актуальных и новых по содержанию, разнообразных по темам, имеющих высокий научный уровень. Они вносят вклад в современную науку о Пушкине, которая открыта в будущее. Научная школа Костромского государственного университета показывает свой профессиональный и творческий потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев Ю. В. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» и русская литература второй половины XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 8–14. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-8-14.
2. Никитина Д. М. «Борис Годунов» А. С. Пушкина в оценке «Русского инвалида» и «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» А. Ф. Воейкова // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 22–28. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-22-28.
3. Голодняк О. В. Авторский голос в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 15–21. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-15-21.
4. Пяткин С. Н. «Мысль семейная» в болдинском творчестве А. С. Пушкина // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 29–37. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-29-37.
5. Романова А. Н. «Недолго нас покойницы тревожат»: слеза Ловласа в «Каменном госте» А. С. Пушкина // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 38–43. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-38-43.
6. Лобкова Н. А. «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова: особенности построения текста // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 44–53. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53.

7. Смирнова И. Ю. Творчество А. С. Пушкина в рецепции А. И. Эртеля // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 54–60. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-54-60.
8. Разумовская А. Г. А. С. Пушкин и Михайловское в критических статьях В. Я. Курбатова // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 83–90. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-83-90.
9. Фокина М. А., Шохра М. Пушкинское слово в повествовательном дискурсе В. Е. Максимова (по романам «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти») // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 91–97. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-91-97.
10. Андреева В. Г. Трактовка романа «Капитанская дочка» А. С. Пушкина в исследованиях зарубежных учёных // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 61–67. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67.
11. Ненарокова М. Р., Еременко-Григоренко Ю. Н. Элегия «Не спрашивай зачем унылой думой» А. С. Пушкина: сравнительный анализ двух англоязычных переводов // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 98–106. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-98-106.
12. Рубцов А. А., Ненарокова М. Р. Особенности передачи ключевых образов стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» в английских переводах // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 107–113. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113.
13. Азаров Ю. А. Пушкинский юбилей 1937 г. в Чехословакии // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 68–73. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73.
14. Шуган О. В. М. Горький и история реставрации Пушкинского заповедника // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 3. С. 74–82. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-74-82.

REFERENCES

1. Lebedev, Yu. V. (2024). The Tragedy of A. S. Pushkin "Boris Godunov" and Russian Literature of the Second Half of the 19th Century. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 8–14. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-8-14 (in Russ.).
2. Nikitina, D. M. (2024). "Boris Godunov" by A. S. Pushkin in the Assessment of "The Russian Invalid" and "Literary Supplements to The Russian Invalid" by A. F. Voeikov. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 22–28. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-22-28 (in Russ.).
3. Golodnyak, O. V. (2024). The Author's Voice in A. S. Pushkin's Tragedy "Boris Godunov". In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 15–21. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-15-21 (in Russ.).
4. Pyatkin, S. N. (2024). "Family Thought" in A. S. Pushkin's Boldino Works. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 29–37. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-29-37 (in Russ.).
5. Romanova, A. N. (2024). "The Dead Do Not Disturb Us for Long": Lovelace's Tear in A. S. Pushkin's "The Stone Guest". In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 38–43. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-38-43 (in Russ.).
6. Lobkova, N. A. (2024). "Materials for the Biography of A. S. Pushkin" by P. V. Annenkov: Features of Text Construction. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 44–53. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-44-53 (in Russ.).
7. Smirnova, I. Yu. (2024). The Works of A. S. Pushkin in the Reception of A. I. Ertel. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 54–60. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-54-60 (in Russ.).
8. Razumovskaya, A. G. (2024). A. S. Pushkin and Mikhailovskoye in the Critical Articles of V. Ya. Kurbatov. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 83–90. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-83-90 (in Russ.).
9. Fokina, M. A. & Shokhra, M. (2024). Pushkin's word in the narrative discourse of V. E. Maksimov (based on the novels "Look into the Abyss" and "Wandering until Death"). In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 91–97. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-91-97 (in Russ.).
10. Andreeva, V. G. (2024). Interpretation of the novel "The Captain's Daughter" by A. S. Pushkin in the studies of foreign scholars. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), Pp. 61–67. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-61-67 (in Russ.).
11. Nenarokova, M. R. & Eremenko-Grigorenko, Yu. N. (2024). Elegy "Do not ask why with a sad thought" by A. S. Pushkin: a comparative analysis of two English translations. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 98–106. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-98-106 (in Russ.).
12. Rubtsov, A. A. & Nenarokova, M. R. (2024). Features of the transmission of key images of the poem by A. S. Pushkin "To the Slanderers of Russia" in English translations. In: *Vestnik of Kostroma State*

University, 30 (3), 107–113. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113 (in Russ.).

13. Azarov, Yu. A. (2024). Pushkin's anniversary of 1937 in Czechoslovakia. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 68–73. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-68-73 (in Russ.).
14. Shugan, O. V. (2024). M. Gorky and the history of the restoration of the Pushkin Reserve. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 30 (3), 74–82. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-74-82 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цветкова Нина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета;
e-mail: tsvetkova48@yandex.ru

Питолина Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур Псковского государственного университета;
e-mail: peanut278@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina V. Tsvetkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian philology, Communication Studies and Russian as a Foreign Language, Pskov State University;
e-mail: tsvetkova48@yandex.ru

Natalia V. Pitolina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of European languages and cultures, Pskov State University;
e-mail: peanut278@yandex.ru

21 АПРЕЛЯ 2025 Г. ЛЬВУ ФЕОДОСЬЕВИЧУ КОПОСОВУ ИСПОЛНИЛОСЬ 85 ЛЕТ!

Весь педагогический коллектив вуза поздравляет Льва Феодосьевича с юбилеем!

Лев Феодосьевич по-прежнему в рабочем строю, и кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации и весь факультет русской филологии гордятся тем, что работают бок о бок с одним из почтеннейших профессоров и аксакалов русистики.

Лев Феодосьевич родом из российской глубинки, родился 21 апреля – это было Вербное воскресенье – 1940 г. в селе Верхнеспаское Пыщутского района Костромской области. И его детство прошло в военные и послевоенные годы. В 1959 г. поступил на филологический факультет Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской (так раньше назывался Государственный университет просвещения), получив специальность учителя русского языка, литературы и немецкого языка. По окончании института работал учителем немецкого языка в средней школе № 6 г. Люберцы Московской области, а в период с 1964 по 1967 гг. учился в аспирантуре МОПИ имени Н. К. Крупской, защитив потом кандидатскую диссертацию «Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: фонетика и морфология».

Вся педагогическая, научная, рабочая жизнь Льва Феодосьевича – от студента до профессора – связана с нашим вузом и факультетом русской филологии. Основной

сферой научных интересов Льва Феодосьевича являются проблемы изучения языка древнерусских памятников деловой письменности, историческая фонетика и морфология русского языка, вопросы общего языкознания и методология научных исследований. Сам он об этом когда-то сказал так: «Этот интерес зародился у меня тогда, когда я познакомился с рукописными памятниками письменности и понял,

что они содержат богатейший материал, касающийся не только истории языковых явлений, но также культуры и быта наших предков. Поверьте, читать и изучать эти тексты – увлекательнейшее занятие».

И этот интерес к русскому языку в целом, истории его фонетики, морфологии, русским диалектам не утихает уже более 60 лет, отданных любимым делам – научному изучению древних текстов и преподаванию!

В 2000 г. Лев Феодосьевич блестяще защитил и докторскую диссертацию на тему «Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв.: орфография, фонетика, морфология». Перу Л. Ф. Копосова принадлежит более 100 публикаций, среди которых не только собственно научные работы, но и научно-педагогические, потому что преподавать в высшей школе – это не только про «учить», но и про «воспитывать». Воспитывать своим отношением к делу и людям, любовью к науке и русскому языку. Так, среди работ профессора Л. Ф. Копосова назовём «Изучение исто-

рии русского языка по памятникам деловой письменности» (1991), «Мысли о русском слове», выдержавшее пять изданий с 1997 по 2006 гг., «Русский язык в историческом и функционально-стилистическом аспектах (имена)» (1997), публикации заданий областных и региональных олимпиад по русскому языку в период с 2000 по 2009 гг., программную статью по очень важному аспекту исследований памятников письменности «Лингвистическое источникововедение: история и современное состояние» (2012).

Все работы Льва Феодосьевича написаны увлекательным и в то же время исключительно научным языком, содержат ценную информацию об изучаемых явлениях истории русского языка. Лев Феодосьевич воспитал многие поколения студентов, под его научным руководством многие стали кандидатами и докторами филологических наук, работающими в разных вузах России. Профессор Л. Ф. Копосов в рамках педагогической программы Подмосковья в своё время вместе с руководством и коллегами стоял у истоков организации и пропаганды русистики в школах. С конца 1990-х гг. в течение почти четверти века на базе нашего вуза проходили олимпиады школьников Подмосковья по русскому языку и литературе, в том числе Региональный этап Всероссийской олимпиады школьников.

Лев Феодосьевич имеет высокий социальный статус и многие заслуженные награды. Он – профессор, доктор филологических наук, Отличник народного просвещения, Почётный профессор МГОУ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии наук педагогического образования, лауреат Форума «Общественное признание», награждён медалью «Активист социального труда» (ГДР), медалью в честь 850-летия Москвы, Почётной грамотой Министерства образования РФ.

Все эти награды совершенно адресны и даже в какой-то степени недостаточны, потому что Лев Феодосьевич – исключительно верный и преданный своему делу человек.

Кристалльная честность в работе, аристократизм духа, доброжелательное взаимодействие со студентами и коллегами, высочайший профессионализм учёного и исследователя, тонкий юмор, широчайший кругозор не только в области лингвистики, талант руководителя – все эти качества создают портрет нашего Учителя и Друга. И портрет этот всё равно будет неполным, потому что словами человеческий космос охватить нельзя.

Лев Феодосьевич Копосов в истории факультета русской филологии олицетворяет собой целую эпоху – «эпоху Копосова». В течение тридцати с лишним лет он со дня её основания возглавлял кафедру истории русского языка и общего языкознания, которая вместе с другими кафедрами была недавно трансформирована в кафедру славистики, общего языкознания и культуры коммуникации. Разнообразие читаемых преподавателями кафедры дисциплин проявляет её многосторонний характер, при этом большинство сотрудников возглавляемой в те годы профессором Л. Ф. Копосовым кафедры являются его бывшими студентами и выпускниками нашего вуза.

В течение почти четверти века с начала 90-х гг. Лев Феодосьевич был деканом факультета русской филологии и председателем учёного совета факультета. И кафедра, и факультет плодотворно работали, даже в сложные «девяностые». В те годы, в период деканства и при непосредственном участии Льва Феодосьевича в согласии и сотрудничестве с педколлективом и руководством вуза, на факультете вводились новые важные дисциплины, и у студентов появилась возможность изучать различные славянские языки и другие дисциплины, которые ранее были недоступны. Те достижения факультета, которыми сегодня гордится вуз и педагогический состав факультета, были бы невозможны без той базы и тех традиций, которые были сохранены и приумножены во время деканства Льва Феодосьевича и которые до сих пор на факультете сохраняются благодаря декану Ольге Викторовне Шаталовой, которая училась у него в своё время. Многие

поколения выпускников вспоминают свои студенческие годы, ассоциируя их с деканом Л. Ф. Копосовым. При этом, кого ни спроси, каждый улыбается, когда вспоминает о Льве Феодосьевиче, его доброй улыбке и умных глазах.

Лев Феодосьевич, посвятив свою научную деятельность истории русского языка, всегда глубоко понимал и понимает аспекты развития современного русского языка. Воспринимая язык как ценность и как достояние народа, профессор Л. Ф. Копосов всегда стоит на страже чистоты русского литературного языка. В одном из номеров газеты «Народный учитель», в течение длительного времени выпускавшейся в нашем вузе, в «Год русского языка» (2007) Лев Феодосьевич объяснял снижение речевой культуры влиянием бездумного использования жаргонизмов, просторечий и неоправданных заимствований в средствах массовой информации, утверждая, что «общество должно осознать, какой вред нынешнему поколению россиян наносится в связи с этим».

Воспитывая своих учеников через историю русского языка, прививая им любовь к старине, но при этом живя в современном мире и пользуясь его цивилизационными достижениями, Лев Феодосьевич олицетворяет собой прежде всего преемственность поколений, соблюдая заповедь

«Учитель, воспитай ученика!» Через общение с ним его ученикам и младшим коллегам открывается история факультета, образы уже ушедших от нас преподавателей, формировавших в своё время традиции факультета русской филологии.

Лев Феодосьевич – явное воплощение этих традиций!

Нельзя сегодня не сказать и о семье Льва Феодосьевича. Благодаря той атмосфере, какая создаётся в семье, каждый из нас развивается в том числе и в профессии. Супруга Льва Феодосьевича Надежда Леонидовна и дочь Наталья Львовна тоже филологи, каждая в своей области. Они для Льва Феодосьевича надёжный и прекрасный тыл. Мы с большим чувством поздравляем с юбилеем их самого близкого и родного человека!

Дорогой Лев Феодосьевич, желаем Вам прежде всего прекрасного самочувствия, солнечного настроения, здоровья Вам и Вашей семье, благодарных и внимательных учеников! Радуйте нас своими лекциями и докладами на конференциях!

Мы счастливы быть рядом с Вами!

С юбилеем, любимый наш
Лев Феодосьевич!

*Коллектив факультета
русской филологии*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2025. № 3

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик А. Ю. Назарова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,75, уч.-изд. л. 9,5.

Подписано в печать: 30.06.2025 г. Дата выхода в свет: 07.07.2025 г. Заказ № 2025/06-15.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2